

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

Г. В. Суворов

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Киров
2021

УДК 009
ББК 6/8+87.25
С891

*Печатается по рекомендации Научного совета
Вятского государственного университета*

Рецензенты:

Е. А. Счастливецва, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»;

С. М. Халин, доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Суворов, Г. В.

С891 Методологические проблемы формирования парадигм гуманитарного знания: [монография] / Г. В. Суворов. – Киров : Вятский государственный университет, 2021. – 195 с. – ISBN 978-5-98228-236-1

В работе рассматриваются эпистемологические, методологические и общефилософские проблемы возникновения и функционирования гуманитарных наук на примере парадигмальной модели Т. Куна. Осуществляется попытка сопоставления гуманитарного и естественнонаучного знания. Выявляются возможные тенденции развития гуманитарных наук в будущем.

Монография предназначена для аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарных специальностей, а также для всех, кто интересуется философией и методологией науки.

УДК 009
ББК 6/8+87.25

ISBN 978-5-98228-236-1

© Вятский государственный университет
(ВятГУ), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	11
1.1. Гуманитарное познание как кризисное явление.....	12
1.2. Парадигмальная модель гуманитарных наук в историческом и философском контексте.....	30
1.3. Предпосылки возникновения методологической программы гуманитарных дисциплин.....	51
ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА	71
2.1. Методологический базис гуманитарного знания: правила, операции, познавательные средства.....	72
2.2. Структура теорий в гуманитарных науках	88
2.3. Единство методов гуманитарных наук и теоретического мировоззрения.....	101
ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС	116
3.1. Humanities – науки или свободные искусства?.....	118
Место гуманитарных наук в структуре эпистемологических парадигм	118
3.2. «Лингвистический поворот» как форма анализа гуманитарного мышления	135
3.3. Методологические основания синтеза естественных и гуманитарных наук	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	171
ПРИЛОЖЕНИЕ. Хронологическая таблица достижений в гуманитарной и обществоведческой мысли на фоне событий в европейской истории.....	182

ВВЕДЕНИЕ

Становление цивилизации нового типа предполагает глубокие мировоззренческие сдвиги, которые должны затрагивать массовое сознание. Ключевую роль в этом процессе играет переход к информационному обществу, которое означает качественно новый взгляд на привычные вещи. Сегодня многое, что считалось важным, оказывается или ненужным и устаревшим, или пустым и выполняющим чисто символическую функцию. Кризис глобализации, в котором оказалась современная Европа, затронул, прежде всего, идею прогресса, то есть идею направленности и смысла развития человечества в историческом времени, а также все гуманитарные понятия, которые ранее служили осмыслению этого процесса. Катастрофически обесцениваются традиционные знания о мире, превращаясь в миф и предание, и, напротив, что прежде отбрасывалось и не признавалось, находит свое место в структуре общественного бытия. Конечно, не последнюю роль в этом процессе сыграло формирование постмодернистской парадигмы, по-прежнему выступающей теоретической и методологической основой происходящих изменений, в частности, в девальвации социально-гуманитарного познания.

Не осталась в стороне от этих негативных явлений и современная Россия. При наличии колоссальных природных ресурсов и относительно развитой экономики по многим показателям жизненного уровня наша страна до сих пор находится позади большинства индустриальных государств мира, не говоря уже об отставании в области науки и новейших технологий. И дело не только в объективных экономических и политических причинах этого отставания. Идейной основой сложившейся ситуации является затянувшийся кризис социальной науки и общественной жизни, приведший к примату потребления над производством, к всевозрастающим антигуманистическим тенденциям, к сведению высокой гуманитарной культуры до уровня схоластики и идеологической ширмы.

Примитивизация гуманитарной науки началась далеко не сегодня. Несмотря на то что в Советском Союзе система высшей школы имела явный перекося в сторону гуманитарной составляющей, гуманитарные исследования в силу своей идеологизированности находились на периферии внимания и престижа со стороны научного сообщества. Господство марксистско-ленинской философии, а точнее теоретическое и практическое искажение марксизма, привело к при-

способлению знаний о человеке и обществе к потребностям командно-административной системы. Кроме того, функционирование гуманитарной и общественной науки в СССР было оторвано от ее развития в остальном мире, ибо практически отсутствовало важнейшее условие для прогресса знаний – открытый диалог и полемика внутри научного сообщества. Беспредельное господство методов исторического и диалектического материализма, а также попытки создания на их базе социалистической политэкономии, советского права, научного коммунизма и атеизма оказались в большинстве своем не только бесплодными, но и привели к искажению образа социально-гуманитарной культуры в общественном сознании. Отечественная гуманитаристика превратилась в наполненную пустыми ярлыками и идеологемами систему знаний, далекую от нужд и потребностей общества и конкретного человека. Тем самым науки о культуре и человеке остались практически невостребованными, не получив стимулов для своего развития и применения. Настоящим чудом можно назвать деятельность немногих ученых-гуманитариев, не спекулировавших на принципе партийности, а стремившихся развивать и поддерживать на высоком уровне научные исследования.

Казалось бы, что демократизация последних трех десятилетий должна изменить ситуацию в лучшую сторону, создать условия для выяснения того, как в действительности должны осуществляться культурные, эпистемологические и методологические функции социально-гуманитарных наук. Однако гуманитарные исследования так и не обрели должный высокий статус в системе научного знания. Единственным, хотя весьма сомнительным, достижением можно считать резкое увеличение числа студентов социального и гуманитарного профилей подготовки. К сожалению, повальная гуманитаризация образования не привела к формированию системных знаний и навыков мировоззренческого мышления у будущих специалистов-гуманитариев. Можно лишь говорить об искусственно созданном интересе к проблемам человека и общества или об интеллектуальной «моде» на них.

Таким образом, разрыв между теоретическим уровнем развития большинства дисциплин гуманитарного цикла и социальной реальностью по-прежнему остается крайне высоким, а корпус гуманитарных наук продолжает функционировать в условиях жесткого внутреннего кризиса, имеющего эпистемологическое, социальное, аксиологическое и методологическое измерение. О характерных чертах этого кризиса мы скажем ниже, но в качестве основного маркера кризисного

состояния гуманитарной мысли укажем на следующий печальный вывод: гуманитарные науки, т. е. науки, по определению изучающие существование человека в сложном и многообразном мире культур-ценностей, плохо знают, что такое человек и что такое общество, в котором он обитает.

Несмотря на все трудности и неуклонно угасающий интерес к подлинной гуманитарной, социальной и философской мысли, во многих отраслях социальных и гуманитарных дисциплин достигнуты определенные успехи. Для того чтобы эти достижения носили систематический характер, необходима выработка новых подходов к проблеме взаимодействия гуманитарных наук и социальной реальности; имеется в виду, что общество не просто нуждается в гуманитарном знании – многократно увеличивается ценность этого знания в современном информационном мире. Все это требует обсуждения возникающих теоретико-методологических проблем, критического анализа состояния современного гуманитарного познания, осмысления тех изменений, которые происходят в структуре наук о человеке и культуре.

Данная монография посвящена вопросам, преимущественно касающимся не столько конкретной проблематики различных гуманитарных отраслей знания, сколько гуманитарной культуры в целом. Возможность подобного подхода обусловлена тем, что при всех различиях конкретных гуманитарных дисциплин существуют объединяющие их общие проблемы, цели и методы. Кроме того, история становления и развития конкретных гуманитарных дисциплин представляет особый научный интерес, поэтому в приложении представленной монографии автор попытался указать наиболее значимые достижения социально-гуманитарных наук на фоне событий в европейской и русской истории и культуры (см. Приложение).

Наука есть неотъемлемая часть общества и самостоятельная сфера культуры, поэтому мы исходим из того, что развитие, и тем более практическое применение гуманитарных наук, должны быть поняты в первую очередь как социальные проблемы действительности. В сфере социума, как и в природе, существуют свои объективные законы, следовательно, важнейшая задача науки – их выявление и использование, однако данные законы-тенденции достаточно проблематично открывать ввиду их исключительной сложности. Всегда существует трудность генерализации и обобщения в сфере гуманитарного знания. Также затрудняет анализ методологии гуманитарных наук сложившаяся в XX веке мощная парадигма противопоставления есте-

ственнонаучного и гуманитарного познания и соответствующая психологическая установка научного сообщества на поиск различий, преувеличение методологической специфики, вплоть до провозглашения альтернативности двух сфер познания. Крайний вариант подобного разграничения означает, что естественные науки изучают общие законы, а гуманитарные имеют дело с уникальными явлениями. В качестве специфической особенности гуманитарного познания можно выделить то, что оно ориентировано преимущественно на качественные аспекты изучаемой действительности, а также индивидуального, но не всеобщего. И все же уникальность культурно-исторических явлений не отменяет необходимости выявления общего.

Споры и дискуссии относительно специфики гуманитарного познания, которым мы обязаны классической традиции неокантианства, не утихают и сегодня, что доказывает актуальность данной темы в рамках философии и методологии науки. Методологический анализ – неотъемлемое условие для достижения основной цели науки – глубокого познания той или иной области реальности. Если ранее методологические размышления встречались лишь у отдельных ученых, как правило, в переломные моменты развития научного знания, то для современных научных исследований стала характерна постоянная включенность методологической компоненты в сам процесс получения новой информации. Кроме того, прогресс в научном познании часто связан не с тем, что открываются новые явления или процессы, а с тем, как они исследуются благодаря новым методам и стратегиям.

О сложностях исторического, философского и методологического анализа гуманитарных исследований свидетельствует история становления практически любой отдельной гуманитарной и социальной дисциплины – истории, политологии, социологии, права, педагогики и пр. Их происхождение и развитие шло, как правило, через преодоление огромных препятствий, зачастую искусственно создаваемых на их пути. Определенную трудность в дело рефлексии теоретико-методологических оснований гуманитарных наук внесло и развитие философии XX в. Неклассическая философская традиция выявила не самоочевидность субъекта познания, проблематичность его идентичности и единства. Как следствие, практически исчезла демаркация между гуманитарным, обыденным, философским знанием, что не только поставило вопрос о статусе гуманитарных наук, но и выявило проблему обоснования научного знания. Поэтому для понимания и обоснования статуса гуманитарных наук следует учитывать своеобразие их генезиса, структуры и функций.

Для того чтобы представить спектр существующих мнений о месте и роли гуманитарного познания в структуре науки, необходимо рассмотреть возможные модели ее развития и эволюции. Эти взгляды отражают различные мнения о процессе становления науки как специализированной формы знаний, сферы исследовательской деятельности и социальном институте. Одной из самых популярных и значительных моделей развития науки, безусловно, стала неопозитивистская концепция, выдвинутая и разработанная американским историком науки Томасом Куном (1922–1996). Важнейшим вкладом Т. Куна в методологию и философию науки стало сформулированное им учение о парадигмах, так называемой «нормальной» науке и научных революциях. Мы попытаемся воспользоваться тезаурусом американского философа, перенеся его взгляды с проблемы развития науки в целом на проблему возникновения и эволюции гуманитарного знания.

Идея парадигмального развития знания легла в основу данной монографии при рассмотрении методологических аспектов гуманитарных наук. Анализируя основные кунские положения, хотелось бы подчеркнуть, что парадигму не стоит отождествлять с понятиями «метод», «теория» или «закон». Поэтому, говоря в дальнейшем о концепции парадигм гуманитарной науки, мы будем работать не столько с терминологическим, сколько с содержательным аспектом этой проблемы. Поясним нашу позицию относительно того, что мы будем подразумевать под понятиями «гуманитарное знание» и «гуманитарные науки». «Термины “гуманитарное” и “социальное” часто употребляют как интуитивно ясные. Но иногда – как интуитивно очевидные синонимы, а иногда – как понятия, столь же интуитивно различные и даже противоположные по смыслу» [75, с. 5]. Под гуманитарными науками мы будем иметь в виду такие дисциплины, как история, искусствоведение и культурология, филология и лингвистика, педагогика, политология, а также определенные разделы экономики, юриспруденции, социологии, географии и экологии. Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, в разные эпохи эти науки обозначались как науки моральные, науки исторические, науки о культуре, науки о духе, науки о жизни или науки о человеке. Плюрализм наименований указанного корпуса наук говорит как об определенном ощущении его единства, так и о разнообразии его понимания. На наш взгляд, смысл понятия «гуманитарные науки» (англ. *humanities*) близок к ренессансной формуле – *studia humanitatis*, т. е. устремленности знания на изучение природы че-

ловеческого духа и жизненного опыта, без широкого привлечения количественных методов по образцу математического естествознания. Именно идея гуманитарного, человечности (*humanitas*), выступает мировоззренческим и идеологическим фундаментом этих наук, способствующим общему развитию интеллектуальной культуры человечества в целом. Поэтому для обозначения разнообразных дисциплин социально-гуманитарного толка, а также для удобства описания мы будем пользоваться термином «гуманитарное знание».

Во-вторых, границы между гуманитарными, социальными (социально-теоретическими/общественными) дисциплинами столь же относительны, сколько относительны измерения общества и культуры как материальной системы. Демаркационную линию между социальными и гуманитарными науками можно проводить не только исходя из предмета и объекта исследования и использующихся методов, но и в соответствии с исследовательскими программами. Согласно российскому философу В. Г. Федотовой, исследовательская программа содержит в себе характеристику предмета, метода исследования, общих предпосылок научной теории, способов перехода от философской системы к научным построениям [172, с. 11]. Соответственно, к социальным наукам можно отнести те, которые используют натуралистическую программу с присущей ей моделью объяснения, разделением субъект-объектных отношений. Существование гуманитарных наук конституировано не столько объектом, ведь знание о человеке, истории, культуре может быть получено не только в гуманитарной, но и в социальной форме, сколько выбором культурцентристской исследовательской программы, предполагающей выделение субъектной природы самого объекта исследования, диалектики объективного (присущего научному знанию) и субъективного (присущего самому объекту исследования). Иными словами, демаркация между социальными и гуманитарными науками достаточно подвижна и зависит от выбора исследовательской программы. В частности, позитивистская социология строится по натуралистически организованной модели, но можно применять и культурцентристски ориентированную социологию, например, в феноменологической социологии Альфреда Шюца [185] помимо опосредованного опыта анонимного общения выделяется неуловимая сфера непосредственного опыта, в которой, собственно, и протекает подлинная общественная жизнь людей» [158, с. 19–20]. Таким образом, если ученый-гуманитарий будет в своем научном поиске апеллировать к социально-политическим

сущностям (фактам, законам, процессам), то он будет выступать в роли обществоведа. Если он будет апеллировать к миру человека и человеческих ценностей, то налицо гуманитарные исследования.

Наконец, для целостного понимания природы гуманитарного знания следует учитывать, что лишь реализации гуманистических целей социального развития потенциала одного обществознания явно недостаточно. Для развития человека и социума необходимы мораль, искусство и другие формы мировоззренческого познания, формирующие чувственно-рациональную природу человека и ориентирующего его в сложном мире духовных ценностей. При этом уточним, что философию мы не причисляем к гуманитарным наукам, а рассматриваем ее как форму теоретического мировоззрения, выполняющую интегративную роль в структуре науки в целом. Тем самым суть монографии, как и предшествующей ей диссертационной работы автора, «центрирована на специфике структурных уровней метода в гуманитарных науках. На наш взгляд, данная стратегия позволяет проследить магистральную динамику совершенствования способа мышления исследователя-гуманитария» [157, с. 5].

Представленная монография основана на материале диссертационного исследования «Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии» [158]. Большую часть монографии составляют статьи, написанные автором период с 2011 по 2019 г. и опубликованные в сборниках статей и журналах [159–165]. Для настоящего издания они были отредактированы, однако автору показалось ненужным придавать им совершенно новый вид. Поскольку некоторые части исследования писались с промежутками, то представления автора не всегда последовательно реализованы, а у читателя может сложиться впечатление, что негативные стороны данной монографии преобладают над позитивными. Однако автор уверен, что именно философский анализ методологии гуманитарных наук может быть связан с проектом создания универсальной методологии, позволяющей решить существующие проблемы, раскрыть перспективные направления развития гуманитарного знания и определить основные приоритеты его развития. Следовательно, основная функция историка науки должна реализовываться в нескольких направлениях: во-первых, в углубленном понимании современных теорий и методов; во-вторых, в формировании философских оснований при анализе эволюции науки. В представленной работе предпринята робкая попытка проследить истоки познавательных, методологических, социальных и культурных тенденций развития науки, которые привели к появлению парадигм гуманитарного познания.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В современной методологии науки в течение последнего времени явно обозначился поворот от исследования завершеного знания к исследованию его роста и эволюции. Независимо от того, как строится тот или иной вариант развития научного знания, он должен находить свое подтверждение в реальной истории науки. Тем самым история методологии науки выступает критерием оценки определенного типа научной рациональности. Однако историк, философ, методолог науки сталкивается с весьма существенными трудностями, связанными с ценностным описанием и реконструкцией не только теоретического, но и мировоззренческого уровней развития познания исследуемой эпохи. В этом отношении история развития гуманитарных дисциплин представляет серьезное эпистемологическое затруднение, ибо проследить их периодизацию, генезис, структуру и закономерности развития гораздо сложнее, чем в естествознании. Более того, изменения в гуманитарной культуре всегда предшествуют научным революциям в конкретных научных дисциплинах. Ведь для того, чтобы изменилось представление об устройстве реальности, необходимо разрушить старый мир, который дан в сознании людей, и заменить его принципиально новым. Подобную перестройку человеческого интеллекта Т. Кун назвал сменой парадигм, обосновывая эти изменения взглядов на мир прежде всего изменением философских и метафизических (по сути, гуманитарных) концепций.

Итак, методологическую рефлекссию гуманитарной науки мы будем осуществлять в терминах концепции парадигм Томаса Куна. Данная модель науки ввиду своей оригинальности получила более широкое распространение, чем «научно-исследовательская программа» Имре Лакатоса, «исследовательская традиция» Ларри Лаудана или «кумулятивная модель» Карла Поппера. Кроме парадигмальной модели Т. Куна, «в философском анализе методологии гуманитарной науки можно использовать подходы отечественных философов науки, прежде всего В. С. Степина, выделившего в историческом развитии науки три основных типа научной рациональности: классический (с XVII до начала XX в.), неклассический (первая половина XX в.), постнеклассический (конец XX в.) [154]. Согласно В. С. Степину, представление о характере научного знания в классический период

формулируется в категориях объектного знания, неклассическая философия науки описывается как субъект-объектное знание, наконец, для постнеклассической парадигмы характерно субъективное знание. Также следует учесть взгляды В. А. Лекторского, разделившего развитие теории познания на классический и неклассический типы [99, с. 116]. Наше соображение таково. Если историю естествознания триадная классификация отражает адекватно, то для гуманитарных наук она требует определенной модификации. Мы предлагаем следующий вариант: «предклассика – классика – неклассика». На предклассическом этапе гуманитарные науки строились еще по образцу наук о природе, был заимствован идеал математической точности, норма номологического объяснения и т. п. На следующих этапах гуманитарные науки создавали собственные методы и обрели свои специфические черты [157, с. 5]. Некоторые философы полагают, что именно на этапе постнеклассической науки будет сформирована новая парадигма гуманитарного знания [109]. Таким образом, история науки предстает не только как постоянный диалог философских идей и научно-теоретических законов, но и как скачкообразная смена парадигм и стилей мышления.

1.1. Гуманитарное познание как кризисное явление

Прежде чем мы приступим к анализу теоретических оснований гуманитарных наук, раскрытию их содержания и возможностей, целесообразно остановиться на объективных и субъективных факторах, затрудняющих адекватную разработку современной методологии гуманитарного познания.

Антропологизм гуманитарной мысли и ее замкнутость на человеке как субъекте и объекте познания вынуждают обсуждать вопрос о степени ее научности, проводя сравнение с естественнонаучным дискурсом. При господстве объективистской установки естествознания методологии гуманитарных наук уделялась второстепенная роль, согласно которой объективность знания гарантируется лишь в том случае, если субъект познания вынесен за скобки, т. е. он выступает в качестве абсолютного наблюдателя, способного постигать объективную истину о мире. Сегодня этот идеал отвергнут даже в самом естествознании. В истории философии сложились достаточно оригинальные концепции, выстраивающие науки о культуре на самобытной ме-

тодологической основе. Кроме того, если результаты естественных наук активно используются в практике, технологиях и технике производства, то проблема конструктивного потенциала и практической значимости гуманитарных наук осмыслена не так полно. Таким образом, следует признать, что в отношении гуманитарного познания существует целый ряд неразрешенных проблем, а современный этап развития гуманитарного знания подтверждает факт того, что научные исследования в данной области находятся в состоянии методологического и эпистемологического кризиса. Можно выделить главные признаки кризисного состояния современного комплекса гуманитарных наук, которые так или иначе касаются проблем теоретичности, парадигмальности, т. е. научности гуманитарного познания в целом.

1. Онтологический кризис

Как известно, для определения основных характеристик реальности, ее категорий и закономерностей развития в философии принято использовать понятие «онтология». Термин «онтология» мы будем употреблять в смысле «чистой онтологии», то есть учения о бытии вообще, которое стремится описать существование и функционирование структурных элементов мира. Исходя из этой всеобщей задачи, для фундаментальной онтологии признается и наличие специальных онтологий: онтологии физической реальности, онтологии виртуальной реальности, онтологии социальной реальности. Последняя, а точнее сказать, та ее часть, которая связана со сферой культуры, истории, морали и языка, выступает объектом гуманитарного познания. Поэтому возникает вопрос о том, насколько уместно говорить о культуре, истории, тексте и других формах субъективной реальности как объектах гуманитарного познания, а также о том, насколько точным будет познание этих форм?

«Французский исследователь Дэн Спербер (р. 1942) отмечает, что основной проблемой социальных наук является их онтологическая «небрежность»: «...мир общественных наук переполнен существами с неопределенным онтологическим статусом. Власть, государство, идеология, религия, магия, жертва, мифы, классы, касты, нации, родство, брак, нормы, ценности, социальная сплоченность, аномия, стратификация общества – все это объекты или свойства, о которых очень трудно сказать, к какой субстанции они относятся» [214, с. 105–115].

Единственное, что мы можем утверждать с уверенностью, – это то, что никакая область знания, представленная на уровне обобщаю-

щих теорий и на уровне прикладных исследований, не соответствует реальности и не отображает ее объективную структуру. Можно согласиться с классиком немецкой социологической мысли Максом Вебером, утверждавшим, что «не существует совершенно “объективного” научного знания культурной жизни или социальных явлений, не зависящего от особых и “односторонних” точек зрения» [29, с. 35]. Если же иметь в виду предмет гуманитарных наук, то «изучаемые им фрагменты субъективной реальности никогда не даны в “очищенном” и завершенном виде» [168, с. 156]. Но даже при таком «разорванном», дискретном взгляде на реальность необходимо выделить элементы интегрального воззрения на человека, которое позволило бы гуманитарным наукам развиваться согласованно с другими знаниями о природе и человеке. В этом и заключается возможность выхода из онтологического кризиса, заключающегося, на наш взгляд, в забвении самой онтологии гуманитарными науками, ибо необычайное богатство и сложность человеческих проявлений не должны втискиваться в прокрустово ложе отдельных гуманитарных дисциплин путем создания упрощенных теоретических моделей. Гуманитарная наука есть знание о чисто экзистенциальных ценностях, образующих не пространство эмпирических фактов, а пространство человеческих смыслов и значений, возникающих при усвоении культуры.

Методологические контуры онтологии современного гуманитарного познания определяются следующими тенденциями: обращением к языку, формированием понятия «неклассическая рациональность», наполнением понятия «историзм» экзистенциальным, этическим и эстетическим содержанием [7, с. 15]. Следовательно, для того чтобы реабилитировать значение гуманитарных исследований, необходимо сменить методологическое внимание с гносеологического на онтологический аспект понимания природы человека, а также попытаться уйти от традиционных бинарных оппозиций, таких как «объект – субъект», «науки о природе – науки о культуре», «объяснение – понимание» и т. п.

2. Эпистемологический кризис

Различение терминов «гносеология» и «эпистемология» представляется нам в определенной степени искусственным. Тем не менее для обозначения философских проблем в гуманитарном знании мы будем пользоваться более современным термином «эпистемология», обозначающим научную теорию познания.

По словам отечественного исследователя проблем социально-гуманитарного знания Е. Н. Ищенко, «объективность и предметность

познания предполагают различную степень дистанцированности познающего субъекта. Понятие предмета делает акцент на конституировании, реконструкции и воспроизведении» [65, с. 9], включая в себя представления о культуре, сложившиеся под влиянием предшествующих исследований. «Гуманитарий, имеющий дело с человеческими поступками и творениями, неизбежно вовлекается в мыслительный процесс, синтетический и субъективный по своему характеру; ему предстоит умозрительно воспроизвести эти поступки и творения» [118, с. 24]. Предмет гуманитарных наук следует рассматривать в его исторической динамике. Динамический характер предмета гуманитарного знания американский историк Эрвин Панофский выразил следующим образом: «В противоположность естественным наукам, перед гуманитарными науками не стоит задача тем или иным образом установить нечто ускользающее, они стремятся оживить то, что в противном случае осталось бы мертвым. Они не имеют дела с временными феноменами, заставляя время остановиться, а проникают в те уголки, где время замерло само по себе, и стараются привести его в движение» [118, с. 33]. Таким образом, одной из особенностей гуманитарного знания является специфический способ конструирования их предмета.

Проблему эпистемологического статуса гуманитаристики можно выразить следующим образом: в какой степени в гуманитарных науках разработан эпистемологический аппарат, то есть зафиксированы допустимые способы конструирования предмета исследования и общенаучные методы работы с ними: наблюдение, описание, сравнение, эксперимент, рациональное доказательство?

Один из самых влиятельных методологов XX в. Карл Раймунд Поппер полагал, что среди возможных интерпретаций реальности могут быть как истинные, так и ложные. Согласно британскому философу, объективность научного знания исключает его абсолютность, а наука не более чем свай, забитые на болоте [122, с. 246]. В этой философской неоднозначности и состоит вся суть познавательного процесса, в котором истина является не конечной целью, а скорее, неким недостижимым идеалом. Появление релятивизма в качестве самостоятельной и, как оказалось влиятельной антитезы объективизму отражает внутренний кризис гуманитарного знания. Поскольку в гуманитарных исследованиях существует плюрализм парадигм, концептуальных схем и теоретических оснований, релятивизм отвергает требование определенности и единственности этих концептов. В гуманитарном познании истина всегда окрашена ценностями, интересами,

целевыми и культурными установками. Отсюда напрашивается вывод о том, что истина в чистом виде здесь невозможна, ибо ее природа зависит от целого комплекса субъективных обстоятельств, а критерии научности относительны в самой своей основе. Подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивающему себя за волосы из болота, гуманитарные науки опираются на собственную субъективность, чтобы извлечь себя на поверхность научности. При этом сами ученые-гуманитарии никогда не согласятся с мнением о том, что их исследования представляют собой несистематическое нагромождение фактов, субъективные мнения или игру воображения.

Следует признать, что гуманитарном познании, так же как и в естествознании, существуют абсолютные и относительные истины, т. е. истины, которые сохраняют свою справедливость в любой системе ценностей, а есть истины, замыкающиеся на личной исследовательской позиции автора. «Единство объективных и субъективных условий мыслимости предмета познания фиксируется в понятии познавательной позиции, которая предполагает, во-первых, внутренний, субъективный момент, выражаемый наличием у субъекта в любом познавательном акте той или иной интеллектуальной перспективы. Во-вторых, внешний, объективный момент, связанный с выбранным (из множества возможных) интервалом рассмотрения. Иными словами, познавательная позиция исследователя включает в себя такое важное гносеологическое качество: с одной стороны, она есть некая точка отсчета познающего субъекта, с другой стороны, она есть нечто извне детерминируемое, задающее объективность смысла» [94, с. 30].

3. Проблема критериев научности гуманитарных исследований

В нашей диссертационной работе мы отмечали, что современное состояние гуманитарного познания характеризуется значительной неопределенностью в вопросе его научности. В более широком смысле здесь следует обсуждать проблему демаркации научного и ненаучного познания. Сегодня невозможно отрицать факт влияния на некоторые гуманитарные дисциплины псевдонаучных концепций и, как следствие, возникновение на этой почве девиантных научных теорий, таких как концепция «новой хронологии», «новое учение о языке», многообразные исследования в духе «фолк-истории» и пр.

Интеграция гуманитарных наук с культурой приводит к тому, что критерии оценки научной рациональности становятся предельно релятивизированными, а гуманитарная мысль все стремительнее сливается с мировоззренческим поиском – мифом, искусством, религией

и философией. Российский философ и историк науки В. С. Степин указывает на тот факт, что в философской литературе «гуманитарное знание трактуется предельно расширительно: в него включают философские эссе, публицистику, художественную критику, художественную литературу и т. п.» [155, с. 101]. Не следует ли из этого признать, что гуманитарные науки сегодня занимают пограничное место между подлинно научным и квазинаучным (паранаучным) знанием?

Если в пределах гуманитарного познания реальность дана не натуралистически, а духовно-ценностным образом, то задача учено-гуманитария состоит в наполнении исследуемой субъективной реальности объективным ценностным смыслом, т. е. в том, чтобы сделать мир сопричастным человеку (экзистенциальный аспект) и общечеловеческой культуре (культурологический аспект). Ненаучность методов очевидна там, где речь идет о человеческом счастье, судьбе или нравственности, однако нам представляется возможным выделение критериев для разграничения «гуманитарного знания» и «научного гуманитарного знания». Каким же условиям должно соответствовать «научное» гуманитарное знание?

Во-первых, гуманитарные теории, при всем плюрализме точек зрения, в гносеологическом аспекте должны отвечать требованиям рациональной обоснованности и логической непротиворечивости. Во-вторых, научное гуманитарное знание должно быть систематическим, то есть быть теорией или частью теории, но не чьим-то субъективным мнением. В-третьих, элементы гуманитарной теории должны входить в качестве частного случая в состав более фундаментальной научной теории, т. е. формировать предпосылки теоретической науки.

Конечно, не все гипотезы в рамках гуманитарных теорий равноценны или имеют равное право на существование. Например, должны ли иметь статус научности гипотезы, которые невозможно обосновывать с помощью критических проверок? Речь идет о возможностях эмпирического подтверждения теорий и обосновании понятий (верификационизм), а также о стратегии фальсификационизма, в силу которого знание можно считать научным лишь в том случае, если оно подлежит эмпирическому опровержению. Мы полагаем, что ни критерий верификации, ни критерий фальсификации в отдельности не являются достаточными для проверки истинности любых теорий. Если рассматривать гуманитарное познание, то данные критерии проверки не подходят в принципе по причине невозможности «подлинных» научных экспериментов. Современный канадский антрополог

Джон Пайнел утверждает, что для современных психологических исследований «характерны квазиэкспериментальные исследования, выглядящие как эксперименты, однако не являющиеся подлинными экспериментами ввиду отсутствия контроля над переменными» [210, с. 10]. Гуманитарные теории не проверяемы даже концептуально; они не могут быть ни истинными, ни ложными, но могут быть применимы или неприменимы. Тем не менее они несут ценностный характер в том смысле, что они могут быть адекватными, удобными и полезными, не будучи при этом истинными. Гуманитарные теории не опровержимы, но исправимы, т. е. их можно улучшить фактуально или сделать более сложными в теоретическом отношении. Недостаток фальсификационизма состоит прежде всего в том, что он обнаруживает наивное доверие к дедуктивному идеалу построения научной теории. В самом общем виде этот идеал утверждает, что научное знание должно строиться как непротиворечивая дедуктивная система. Если данное правило нарушается, то все становится выводимым и *modus tollens* теряет способность выполнять роль опровергателя гипотез.

В гуманитарном научном познании могут сосуществовать различные точки зрения относительно одного и того же объекта. На эту характерную черту научного знания указывал Т. Кун, говоря о том, что при смене парадигм научное сообщество может трактовать одно и то же знание совершенно противоположным образом [90, с. 222]. И все же эти различные точки зрения могут рассматриваться в качестве равноправных при условии, что они удовлетворяют критерию рациональной обоснованности.

Таким образом, размывание границ между отдельными сферами познания хотя и представляет эпистемологическую угрозу, но все же не соответствует реальным тенденциям развития современных гуманитарных исследований. В этом смысле никак не утратило смысл высказывание английского методолога Стивена Тулмина: «Научность естественных дисциплин является преувеличенной, а научность гуманитарных дисциплин преуменьшенной» [167, с. 3].

4. Методологический кризис

Формирование метода в научном познании является сложным творческим процессом, его особенности выяснены далеко не в должной мере, в частности, отсутствует ясное понимание процедур построения и использования метода в гуманитарном исследовании. Очевидно, что философская рефлексия в области методологии гуманитарных наук позволяет пересмотреть стереотипные представления об их взаимоотношении с естествознанием.

В гуманитарном знании практически отсутствует кумуляция знаний. Если в естествознании исследование начинается с проблемы, то гуманитарные дисциплины разрешают загадки и тайны, на которые в принципе не может быть строго научного ответа, например, смысл и назначение истории, сущность и закономерности развития культур-цивилизаций, структура и свойства социального времени и пространства и т. п. Кроме того, в гуманитарных науках последних десятилетий отсутствуют крупные научные открытия, масштабные концептуальные решения, которые были бы направлены на познание духовного мира человека и общества, законов общественного развития. Никто не сомневается в том, что так называемому прогрессу в познании и преобразовании мира мы обязаны математическому естествознанию, однако эти достижения не всегда были радостно встречены гуманитариями, обществоведами, ни всеми философами и культурологами как достижения, позволяющие создать целостную модель изучения человека.

В настоящее время принципиальный научный прорыв (на уровне модификации научной картины мира) возможен при системном взгляде на предмет одних дисциплин с позиций и накопленного методологического багажа многих других. Осознание этого факта привело к созданию в области гуманитарного знания большого количества теоретических моделей, пытающихся дать определение механизму функционирования методологического, исследовательского сознания ученых-гуманитариев. Речь идет о «когнитивном», «онтологическом», «культурном», «лингвистическом» повороте, каждый из которых дает интересные результаты в деле изучения социально-гуманитарного дискурса. Однако перечисленные формы анализа гуманитарных наук не исчерпывают всех возможностей изучения познавательных механизмов мышления. Более того, науки о культуре всегда выходят за границы логики, языка или символов.

Современная наука – наука парадигмальная в том смысле, что ученые заняты «нормальной» наукой, а их деятельность, как правило, сосредоточена на решении прикладных задач. Однако в гуманитарных науках положение дел таково, что их вообще трудно назвать «наукой» в привычном смысле слова. Как указывает английский историк науки Роджер Смит в своей работе «История гуманитарных наук» (The History of the Human Sciences, 1997), «нынешняя ситуация в науках о человеке такова, что в ней имеет место великое разнообразие точек зрения и отсутствует междисциплинарное единство. Суще-

ствуется множество различных социологий и психологий (во множественном числе); имеется заметное расхождение между антропологией культурной и физической и т. д.» [149, с. 12]. Тем самым эклектичность методов и подходов выражается в размывании границ между исследовательскими жанрами гуманитарного знания. На наш взгляд, плюрализм методов и их конкуренцию следует оценивать не как ущербность, а как эвристическое достоинство. В составе ряда общетеоретических методов нередко оказываются спекулятивные идеи, не поддающиеся верификации, что затрудняет установление истины, но не отменяет ее. С другой стороны, в гуманитарных науках наметился «поворот к опыту» и использование методов художественного понимания. Так, голландский историк Франклин Рудольф Анкерсмит (р. 1945) полагает, что между структурой текста и живописью имеется непосредственное структурное сходство [200]. Признание равных прав «натурализма» и «культурцентризма» свидетельствует о намечающемся синтезе естественных и гуманитарных наук на основе последних.

Научная теория обязана не только объяснять, т. е. как можно более полно и точно описывать свой объект, но и предсказывать новые явления в рамках существующей системы знаний. Обладают ли гуманитарные науки предсказательной силой? Решение этого вопроса способствовало бы высокой оценке познавательных качеств гуманитарного знания. Несмотря на весь пафос некоторых специалистов-гуманитариев, считающих свои прогнозы относительно будущего человеческого общества весьма точными, мы наблюдаем другую картину: практически ни одна социально-гуманитарная теория не способна создать удовлетворительную модель описания будущего. Достаточно вспомнить конфуз политологов, социологов и философов относительно результатов выборов президента США в 2018 г. Возможно, что гуманитарная культура вообще не должна предсказывать будущее, ибо она выполняет более значимую миссию, которую можно выразить знаменитым афоризмом русского историка В. О. Ключевского: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

5. Кризис понятийного и категориального языка гуманитарных наук

Научные идеи выдвигаются, проверяются и опровергаются в однородном для каждой исторической эпохи пространстве. Соответственно, язык, на котором эти идеи формулируются, отражает общий интеллектуальный и идеологический уровень культурно-цивилизаци-

онного пространства, мыслительные горизонты эпохи. Ключевая проблема заключается в том, что для гуманитарной культуры язык выступает и как средство описания (понимания) мира, и как средство воздействия на мир, и как инструмент познания самой себя. Такая предельно широкая трактовка языка приводит к серьезному затруднению, а именно к вопросу о том, существует ли возможность с помощью понятий, имен и категорий упорядочить внешний мир и в то же время адекватно выразить внутренний мир, свое сознание и подсознание? Отсюда возникают более конкретные методологические трудности, связанные с понятиями языковой деятельности, диалога, понимания, интерпретации. Вот почему для обозначения границ языка, используемого в гуманитарном познании, как нельзя лучше подходит фраза английского логика и философа Людвиг Витгенштейна, завершающая его «Логико-философский трактат»: «То, о чем нельзя сказать, следует обойти молчанием» [165, с. 156].

Сегодня прослеживается неустойчивость терминологического языка в области гуманитарных наук, а также частичная утрата культуры пользования традиционными понятиями и категориями, выработанными в философии и науке XVII – начала XX в. Мы уже указывали на присутствие в гуманитарном познании терминологической двусмысленности и неопределенности таких терминов, как «объект», «предмет», «парадигма», «закон», «теория» и т. п. Это приводит к частой подмене исследования описательностью без связи с какой-либо достоверной теорией или, наоборот, дает схоластическое теоретизирование без опоры на научные факты. При прочтении некоторых специальных работ по социально-гуманитарной тематике появляется устойчивое ощущение того, что гуманитарии специально выработали собственный «междисциплинарный» язык, который в лучшем случае понятен лишь немногим, а в большинстве своем непонятен даже автору. Другой вопрос: существует ли хоть какая-нибудь существенная мысль за этими многосложными языковыми построениями? Некоторые понятия и термины гуманитарного знания, такие как «текст», «дискурс», «нарратив», «сценарий», или утрачивают свою актуальность, или, напротив, обретают чрезмерную экспансию, вплоть до отождествления со всей культурой. Все это усиливает степень сомнения в научности гуманитарного знания, по крайней мере, заставляет воспринимать и трактовать некоторые гуманитарные теории в качестве «пустого говорения», «софистики», «литературщины» [165, с. 157–158].

В качестве примера размытости и нестабильности языка гуманитарных исследований можно привести опыт создания компьютерных программ для генерации текста, имитирующих грамматику и синтаксис гуманитарного языка (“dada engine”). С помощью этой системы искусственного интеллекта мы можем получать тексты, практически неотличимые ни по содержанию, ни по форме от трудов классиков современного постструктурализма и постмодерна. Так, в 1994 г. английский профессор математики Алан Сокал (р. 1955) написал статью в жанре постмодернистского гуманитарного исследования под названием «Преодолевая границы: к вопросу о трансформативной герменевтике квантовой гравитации» [212]. Несмотря на нарочитую нелепость и бессодержательность текста, один из уважаемых гуманитарных журналов опубликовал данную статью, что привело к большому скандалу в научном сообществе.

В гуманитарных науках терминология в значительной мере опирается на лексику «живого» языка, например, часто употребляются уточняющие выражения типа «знак в смысле Чарльза Пирса», «оговорка по Фрейд», «карнавал по Бахтину», «постструктуралистское письмо» и т. п. Тем самым в гуманитарном знании связь имени ученого с его идеей более плотная и сущностная, нежели в естествознании, ибо в наименованиях гуманитарных наук обозначается не только авторство, но и общая система идей, созданная конкретным ученым и включающая в себя данный термин [60, с. 289]. Отсюда следует, что «мозаичность языка гуманитарного познания, а также некорректное использование языковых форм приводят к запутыванию и без того сложных проблем. Между тем взаимодействие философского и научного (логического) подходов здесь представляется не только возможным, но и необходимым. Возможно, что объединение этих парадигм станет одной из ключевых задач современного гуманитарного познания» [65, с. 98].

6. Гуманитарная наука и практика: проблема взаимодействия

В современных условиях на гуманитарные науки ложится ответственная задача: сформировать знания, необходимые для сознательного включения в исторический и культурный процесс, для активного участия в социальном управлении, научить самостоятельно ими пользоваться, т. е. мыслить независимо, без оглядки на начальство. Но решение данной задачи невозможно без создания глубинных теоретических разработок, высокого уровня исследовательской культуры, точности исторических и культурологических описаний. Эти показатели,

видимо, следует рассматривать как основные критерии методологических преобразований в области гуманитарных наук. Однако требования к тем или иным гуманитарным дисциплинам должны быть дифференцированы. Так, в современной российской науке и образовании четко прослеживается тенденция на развитие и, соответственно, финансирование прикладных исследований, которые обязаны завершаться практическими приложениями, рекомендациями или проектами. Специфика гуманитарных наук такова, что многие из них по своему характеру никаких практических результатов дать не могут и их практическое значение состоит в том, что они формируют теоретическое мировоззрение, расширяют культурные горизонты, формируют синтетический стиль мышления. К сожалению, в современных социальных и экономических реалиях это считается недостаточным или маловажным. Мы полагаем, что утилитарная трактовка практики крайне опасная тенденция, ведущая к деградации гуманитарной культуры, заставляющая ученых и педагогов социально-гуманитарного цикла формально следовать спущенным сверху инструкциям, выдумывать возможное практическое приложение собственным исследованиям.

Для обеспечения необходимой связи науки и практики требуется соблюдение ряда условий. Во-первых, готовность практиков использовать результаты и рекомендации гуманитарных наук или, по крайней мере, способности их воспринимать и правильно интерпретировать. Во-вторых, готовность самой гуманитарной культуры к выработке эффективных практических знаний, переходящих в гуманитарные технологии. Наконец, необходимо создание механизма взаимодействия науки и практики, формирование активно действующих каналов, по которым происходил бы обмен информацией в обоих направлениях, реализовались взаимные требования. Данную экспертную функцию могла бы взять на себя философия как среднее звено между теориями и практическими рекомендациями.

7. Проблема гуманитарной «классики» и гуманитарной «традиции»

Ввиду того что гуманитарные науки значительно «моложе» корпуса естественных и логико-математических наук, тема «классики» для них крайне важна. Известно, какую роль для любой науки играют ее основатели, основоположники ключевых теорий, направлений и школ. При всей неоднозначности термина «классика» таковыми в науке принято считать работы, которые, во-первых, называются классическими в научном сообществе; во-вторых, изучаются в процессе обучения, т. е. в классах; в-третьих, явным образом используются в исследованиях современных авторов [143, с. 13].

Какие факторы определяют результаты исследовательской деятельности в качестве «классической» работы? Почему одни работы почитаются в качестве классических трудов, а другие – нет? Какую роль играют классические работы в развитии той или иной дисциплинарной отрасли? Существуют ли универсальные каноны для определения классики? Как гуманитарий должен работать с первоисточниками? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать основные модели развития гуманитарной науки, которые отражали бы процесс ее становления и развития от прошлого, до настоящего и будущего состояния. Однако в современной гуманитарной сфере знаний к этой теме обращаются крайне редко.

В связи с проблемой гуманитарной «классики» возникает принципиально важный вопрос: как усваиваются и транслируются образцы исследований внутри научного сообщества? Речь идет о роли учебных пособий в рамках научной парадигмы. Именно Томас Кун стал первым философом, обратившим внимание на учебник как инструмент, делающий человека профессиональным ученым. Учебная литература подготавливает научные кадры, образующие сообщество, работающие на основе парадигмы, но вместе с тем наука, транслируемая через учебники, выглядит упрощенной, кумулятивной и примитивной, а теории, не входящие в учебник, игнорируются или оцениваются в качестве ненаучных. Так искажается история и облик науки, и для гуманитарного познания эта проблема носит системный характер.

На наш взгляд, именно отношение к классике определяет характер сдвигов парадигм в гуманитарном познании. Если в естественнонаучном дискурсе линейная поступательная форма развития предполагает критику и отказ от устоявшейся традиции, что соответствует этапу смены парадигм, то гуманитарные науки существуют в рамках «нормальной» науки, которая во многом воспринимается как состояние застоя, в том числе по причине уважительного и почтительного отношения к своей классике. Любая революция, в том числе научная революция, предполагает решительный отказ от традиций; достаточно вспомнить максимум английского математика Альфреда Уайтхеда: «Наука, которая не решается забыть своих основателей, обречена». Заметим, что речь не идет об окончательном забвении классики или авангардном проекте освобождения от груза прошлого в духе призыва Владимира Маяковского сбросить классиков с парохода современности. Просто характер естественнонаучного мышления таков, что требует не воспроизводства традиций и канонов, а, напротив, их пре-

одоления через механизм приспособления к изменяющимся условиям реальности. Гуманитарная модель классичности предполагает постоянное возвращение к своим истокам, а принципиально новые идеи, как правило, встречаются в штывы. Возникла своеобразная мода на «школы», «имена» и «течения», зачастую ведущая не к критическому анализу их оснований, а к стереотипизации или созданию ореола святости и непогрешимости. Так или иначе, мы видим, что до сих пор многие фундаментальные вопросы и проблемы гуманитарных наук по-прежнему связаны с именами их основателей: Вильгельмом Виндельбандом, Генрихом Риккертом, Вильгельмом Дильтеем.

8. Кризис гуманитарной науки как социального института

Поскольку гуманитарные науки – это сложно организованный социальный институт, то необходимо изучение их как системы учреждений, структуры профессионального сообщества, механизмов социальной мобильности, источников финансирования, внутринаучных норм и ценностей. В качестве социального института гуманитарная наука выполняет не только функцию производства знаний для общества, но и характеризуется функцией передачи объективного знания для последующих поколений в виде социальных эстафет. Кроме того, командно-административная система организации науки оказывает значительное влияние на проблемно-инструментальный цикл исследования в гуманитарном знании, начиная с этапа постановки проблемы и формирования метода и заканчивая обоснованием теоретического результата. Поэтому стоит затронуть вопрос о том, сохраняют ли значение в наше время научные школы и каково состояние гуманитарного образования в целом. Помимо этого следует указать на такие кризисные явления, как непоследовательная политика и управление в гуманитарной сфере и недостаточность перехода гуманитарных знаний в область гуманитарных технологий. Перечисленные вопросы требуют обширного систематического анализа, поэтому в нашей работе мы затронем их лишь пунктирно.

Помимо научного сообщества в гуманитаристике по-прежнему сильна традиция научной школы. История науки богата примерами того, какие импульсы развитию науки придавали научные школы. Однако все чаще можно услышать утверждения о том, что научные школы – это категория исторического прошлого, они создавались из гениальных достижений отдельных ученых в то время когда сама наука носила дилетантский характер, а научные знания были доступны лишь немногим, следовательно, научные школы в современных

условиях являются анахронизмом. Более перспективными называются новые формы организации профессионального научного сообщества, такие как «многопрофильный научный коллектив», «научные группы, основанные на принципах гибкого проективного финансирования» и др.

Для власти «странность» научных школ заключается в том, что они напрямую не нацелены на извлечение прибыли (это признак лженауки), но и платить им надо не за продукт, а за процесс труда, за то, что они будут проводить исследования в надежде, что у кого-то состоится открытие. Однако структура гуманитарного научного сообщества такова, что в своей деятельности ученые-гуманитарии в большей степени ориентируются на традицию и классические труды своих предшественников, следовательно, о каких-либо принципиально новых открытиях говорить не приходится.

Не оспаривая тезис о том, что условия развития процесса исследовательской деятельности с течением времени существенно изменились, мы полагаем, что научные школы, в традиционном понимании, являются важнейшим элементом современной науки и образования. Вспоминая успехи отечественной гуманитаристики, можно указать на тот факт, что они стали возможны лишь благодаря наличию школ и подготовивших их выдающихся ученых. Стоит перечислить хотя бы такие имена, как С. Н. Дурьлин, Ю. М. Лотман, Б. М. Гаспаров, М. А. Лифшиц, М. К. Мамардашвили, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Д. Б. Эльконин, Р. Г. Скрынников, А. Я. Гуревич и др.

Научная школа как специализированное направление должна задавать тематику исследований. Главная ее характеристика – «манифестация исследовательского подхода и задание модуса исследования. Можно говорить о “духе школы” примерно в том же смысле, в каком мы говорим о “духе времени”» [142, с. 312]. Тем не менее следует признать, что в науковедческом и историко-социологическом исследовании отсутствуют критерии научной школы, учитывающие специфику гуманитарных наук и современные факторы их развития [78, с. 46–65].

Наконец, важнейшая проблема современного гуманитарного знания заключается в кризисе гуманитарного образования и гуманитарных ценностей в целом. Современность такова, что можно создавать политологические, экономические, социологические доктрины и даже разрабатывать исторические концепции, не имея при этом профессионального образования. Гносеологический и методологический

плюрализм, отсутствие жестких демаркационных критериев между научным и вненаучным знанием привели к тому, что в гуманитарные науки стали проникать дилетанты, карьеристы и просто не блещущие талантами люди. Невнятная политика в сфере отечественного образования, проводимая в течение последних десятилетий, лишь усугубляет положение дел. В командно-административной системе отсутствуют какие-либо ожидания от социально-гуманитарного познания, а в обществе отсутствуют теоретико-практические запросы на него. При этом результаты гуманитарных исследований рассматриваются управленческим корпусом прежде всего сквозь призму прибыли и коммерциализации.

Кроме того, с советских времен сохраняется тенденция контроля над гуманитарной и обществоведческой сферами. Необходимость держать в узде гуманитарную мысль никогда не исчезала у российской власти, ибо формирование и функционирование русской цивилизации подчинено неизменным фундаментальным принципам: государство превыше общества, общество превыше личности, следовательно, наука, техника и технологии имеют смысл, если они направлены на укрепление мощи государства. Исходя из этих стандартов, политическая элита привыкла воспринимать только те достижения гуманитарной культуры, которые способствуют укреплению ее власти. Этот факт хорошо иллюстрирует исторический анекдот о посещении императором Николаем I Московского университета, якобы произнесшим после беседы со студентами: «Мне нужны не умники, мне нужны послушники». Современная научная политика по-прежнему имеет патерналистский характер, она стимулирует цели, но ее мало интересуют результаты, если, конечно, они не приносят материально ощутимой прибыли, а для большинства администраторов типично представление о научном сообществе как «банде некомпетентных и неразборчивых мошенников, которые вымогают средства и оборудование с помощью элементарного нахальства» [119, с. 204].

С другой стороны, деятельность ученого, как и в любой другой профессии, невозможна без внешнего обеспечения, финансирования и патронажа, но, если этот патронаж превращается в активную форму социального контроля, ученому волей-неволей приходится приспосабливаться к иерархии административных ценностей и бюрократических правил. По существу, в этом случае речь идет о конфликте между ценностями гуманитарной науки и структурами власти и господствующей идеологии. Ученые стремятся внести вклад в достиже-

ние определенной истины, имеющей всеобщий характер, тогда как для бюрократии значение имеет лишь вклад в достижение локального успеха. Научные работники пытаются сохранить профессиональную автономию, тогда как администрация стремится низвести ее до уровня, где возможно планирование деятельности и регулярная отчетность. В итоге конфликт между учеными-гуманитариями и бюрократией переходит границы научного сообщества: либо управленец вынужден одергивать потерявших чувство реальности «умников», апеллируя к традиционным ценностям и идеологемам, либо гуманитарии побеждают административный аппарат, апеллируя к ценностям нового порядка. Поглощение идеологией науки, особенно гуманитарных дисциплин, искусства и культуры, приводит к опасной черте – возникновению тоталитарной системы, трансформирующей человеческую сущность.

К сожалению, следует констатировать следующий эпистемологический факт: в последние десятилетия интерес к информации подменил собой интерес к знанию. Мы живем в слишком большом мире, что вызывает безудержные информационные потоки – религия, философия, наука и даже искусство превратились в информацию, в бесконечную новостную ленту. Привычные нам формы описания мира более не являются средствами объяснения, а становятся все более темными и неясными. Во многом это объясняется тем, что современные поколения людей привыкли воспринимать любую информацию диффузно: в газетах, с экранов телевидения или на страницах сайтов, сообщения о массовых смертях, терактах и катастрофах соседствуют с рекламой еды, бытовых продуктов и развлечений, что неминуемо порождает чувство безразличия и морального цинизма. В то же время открытость информационного мира и всепроникающая сила социальных сетей порождает свою диалектическую противоположность – закрытость, социальный атомизм и обособленность людей друг от друга. Подобный общественный консерватизм на индивидуальном уровне целиком обязан примитивизации гуманитарной мысли и общим тенденциям деградации современной культуры.

Один из основоположников классической социологии Макс Вебер полагал, что науки о культуре должны воздерживаться от духовных оценок. По его словам, «студенты должны видеть в профессоре не вождя, а учителя» [28, с. 730]. К примеру, будет ли естественным считать, что каждый специалист в области исторической науки может иметь и преподавать своим ученикам собственное видение событий

прошлого и будет ли такое положение считаться нормальным в образовательной и научной практике? На наш взгляд, идеологический стиль мышления не может быть использован в научном поиске, так как он искажает идеал точности и объективности, и в то же время программа гуманитаризации образования не должна и полностью деидеологизироваться, поскольку ее значение не исчерпывается преодолением односторонности профессиональной подготовки студентов, приобщением к знаниям, выходящим за пределы специальных наук. Вместе с тем разговор о философии гуманитарных наук возможен только при условии, что он помещен в определенную идеологическую рамку (об этой специфической черте мы будем говорить ниже).

Существуют и частные, однако, не менее важные проблемы, связанные с гуманитаризацией образования. Нынешняя ситуация в системе подготовки кадров высшей квалификации парадоксальна: с одной стороны, круг гуманитарных дисциплин расширился, а с другой – учебное время по этим предметам резко сократилось. Дистанционные и информационные формы обучения качественно не улучшают положения дел. Никто не будет отрицать факта возрастания роли информационных процессов в современном обществе, но вместе с тем прямо пропорционально возрастает значение гуманитарной экспертизы. Забвение и примитивизация гуманитарной культуры может привести к тому, что в результате информационной революции произойдет возврат если не к доиндустриальному производству, то к доиндустриальной форме сознания. Для того чтобы не допустить этих опасных тенденций, необходим пересмотр моделей гуманитарного образования, в частности, нужно отказаться от стратегии повальной цифровизации гуманитарного знания, являющейся признаком интеллектуальной нищеты. Напротив, отказ от любых видов цифровых услуг и получение информации и знаний на базе живого общения, понимания и диалога есть признак высокой гуманитарной культуры.

Перечисленные проблемы гуманитарного познания говорят об изменениях в общей культурной атмосфере, которые, в свою очередь, отражают изменения социальных, экономических, политических и духовных условий функционирования социальной реальности. Для того чтобы не утратить оптимистическую веру в науку и прогресс, необходимо более пристально проанализировать картину исторического развития социальных и человеческих отношений. Изучение разнообразных представлений социальной жизни поможет нам приблизиться к реальной картине исторических и общественных процес-

сов, свободных от привычных схем и теоретических конструктов. Мы осмелимся провести этот анализ на примере исследования специфики парадигм гуманитарного познания.

1.2. Парадигмальная модель гуманитарных наук в историческом и философском контексте

В 1962 г. в Чикаго увидело свет первое издание монографии американского историка науки Томаса Сэмюеля Куна «Структура научных революций» (The Structure of Scientific Revolutions). Данная работа не только вызвала жаркие споры внутри научного сообщества, но и имела колоссальный успех в среде революционно настроенных западных интеллектуалов конца 1960-х – начала 1970-х гг. Во многом интерес к концепции Т. Куна был определен не только оригинальностью идеи исторической изменчивости познания через механизм чередования «нормальной» и «экстраординарной» науки, но и возможностью самых разнообразных ее трактовок. Так, в модели Куна нет однозначного определения понятия «парадигма», являющегося ключевым элементом для интерпретации научной деятельности. Уже в начале 1970-х гг. XX в. западные специалисты по философии науки насчитывали более 35 различных пониманий парадигм [209]. Согласно Т. Куну, «парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [90, с. 11]. Парадигма состоит из следующих элементов: 1) ценности, используемые для оценки результатов научного исследования; 2) философские и мировоззренческие идеи, определяющие отношение ученого к изучаемой реальности; 3) законы природы, описывающие функционирование объективного мира; 4) образцы решения научных проблем, собственно парадигма в широком смысле слова (от др.-греч. *παράδειγμα*, «образец», «пример», «эталон»). В совокупности эти факторы позволяют оценить любую теорию и сформировать контекст парадигмы.

Кратко модель развития науки, согласно Куну, можно представить следующим образом. Наука не сразу обретает черты зрелости, до определенного момента она является допарадигмальной. По отношению к естествознанию парадигмальность возникает лишь к XVII в. Допарадигмальная стадия характеризуется отсутствием фундаментальных теорий, единых образцов, средств и методов исследований.

Затем возникает научный консенсус среди членов научного сообщества и формируются предпосылки к созданию единой парадигмы. На ее основе осуществляется развитие так называемой «нормальной» науки, которая решает сложные задачи-головоломки, используя при этом набор устойчивых теорий и методов. Но постепенно накапливаются такие проблемы (аномальные факты), которые вводят науку в состояние кризиса, и возникают все предпосылки научной революции. В результате такой революции происходит смена парадигм, а новая утвердившаяся парадигма принципиально несоизмерима со старой. Далее весь процесс повторяется снова.

Несмотря на неоднозначность парадигмальной модели, она стала применяться как для объяснения эволюции отдельных научных дисциплин, так и для оценки состояния науки в целом. На первый взгляд схема развития науки, предложенная американским исследователем, кажется убедительной и привлекательной. Она удовлетворительно обосновывает периоды развития естественных наук, однако по отношению к социально-гуманитарному познанию создает определенные трудности, связанные со статусом и уровнем развития данных наук. В области общественных дисциплин (социологии, экономики, психологии) поиски парадигм велись весьма активно как в западном, так и в отечественном науковедении [203], [8]. Что касается гуманитарных наук, то подобные методологические исследования носили редкий и несистематический характер. Очевидно, что вопрос о парадигмальности гуманитарного знания является на сегодняшний день открытым и требует определенной философской рефлексии.

Хотя сам автор «Структуры научных революций» сомневался в существовании парадигм в социально-гуманитарном познании, мы попытаемся дать собственное представление о характере и специфике парадигм гуманитаристики, связав их происхождение и генезис с понятием научного метода. Данная задача позволит не только проследить специфику методологии гуманитарных наук, но и определить их нынешний и будущий эпистемологический статус в структуре научного знания. Итак, попробуем экстраполировать концепцию Куна на гуманитарные исследования.

Рассматривая элементы, из которых состоит парадигма (или «дисциплинарная матрица», как позднее ее назовет Т. Кун), мы увидим неоднозначность и неоднородность этой категории. Попытка Куна синтезировать элементы парадигмы (символические обобщения – философские идеи – ценности – образцы решения проблем) в единую

систему представляет собой попытку философской эклектики и проявление философской толерантности по отношению к другим методологическим подходам в истории науки. Напомним, что Т. Кун отрицал тождественность понятий «теория/метод» и категории «парадигмы». То, что мы обозначаем в качестве научных теорий, американский историк науки называл символическими обобщениями, представляющими из себя формализованный понятийно-категориальный аппарат, служащий для выражения основных обобщений, принятых большинством научного сообщества. Очевидно, что в естествознании все понятия и термины формализованы, однако в гуманитарных науках практически не существуют законы общего характера, практически отсутствует эксперимент, а понятийный аппарат основан не на математическом языке, а на лексике живого языка. Отсюда возникает серьезная трудность выражения основных теоретических обобщений (методологический плюрализм) и несогласованность между членами гуманитарного научного сообщества при принятии этих обобщений (методологический анархизм, который характерен для постнеклассической гуманитарной науки). Выход из этого трудного положения гуманитарии находят в формализации собственных теорий по образцу естественнонаучного познания. Однако, пытаясь заимствовать методологию экспериментально-математического естествознания, гуманитарная наука становится похожа на «иностранку», использующую свой язык на чужой территории, вследствие чего внутри научного сообщества гуманитарии воспринимаются как «дилетанты», не способные точно и объективно изложить достижения собственных исследований.

Проблемность существования символических обобщений в гуманитарном знании иногда служит основанием для отрицания парадигм в гуманитарных науках, например в исторических. «Их особенность в том, что они плохо поддаются теоретизации. Некоторые авторы полагают, что задача построения теории в них вообще не решаема вследствие их многофакторности, гибридности, нелинейности. Для них нужны факты, опыт, интуиция, воображение, но не парадигмы... причем это не недостаток, а онтологическое свойство этих наук» [177, с. 8].

Вторым элементом парадигмы, согласно Куну, является метафизика. В отличие от своих последователей, неопозитивисты, в том числе и Т. Кун, реабилитировали традиционную философию в форме метафизики или философской онтологии. Онтологизация парадигмы

означает признание ведущей роли философии в качестве основополагающего элемента научного мышления. И хотя сам Кун позднее был вынужден отказаться от метафизического компонента парадигмы [206], это вовсе не означает, что философская составляющая науки не играет в ней ведущей роли. По крайней мере, такова наша позиция при описании гуманитарных исследований.

Гуманитарным наукам присущи методологические трансформации и появление на их основе альтернативных концептов, свойственных мировоззренческому и паранаучному знанию. Зачастую сами ученые-гуманитарии не в состоянии однозначно идентифицировать свои исследования. Например, выдающийся русский литературовед Михаил Бахтин в разное время неоднозначно формулировал дисциплинарную принадлежность своих работ. На первый план в гуманитарных работах выходят не операции, правила и методы, а умозрительные идеи и смыслы. Такова ситуация в большинстве гуманитарных дисциплин – литературоведении, истории, культурологии. При внимательном анализе результатов данных научных дисциплин видно, что мы имеем дело с философской онтологией, т. е. с общефилософскими установками на познание человека и общества, и попытками создания общей картины культуры. Еще раз подчеркнем, что философия оказывает непосредственное и решающее влияние на формирование гуманитарных теорий. Более того, в массовом сознании формируется ряд еще более конкретных и менее общих, чем философские теории, интегральных форм знания и программ действия, которые являются как бы промежуточными звеньями между философией и частнонаучными гуманитарными теориями: мировоззрение, картина мира, стиль мышления, парадигма. В этом обнаруживается еще одна отличительная черта гуманитарных наук по сравнению корпусом естественнонаучных дисциплин. Из этого следует, что гуманитарную парадигму невозможно представить без дополнительных философских факторов, детерминирующих механизмы гуманитарных наук и содержание всех их исследовательских задач, т. е. метафизический (онтологический) компонент является определяющим для парадигмального функционирования гуманитарных исследований.

Третьим элементом парадигмы являются ценности научного методоса, т. е. набор образцов решения проблем, которым руководствуются члены научного сообщества. По Куну, именно они составляют сердцевину научно-исследовательской деятельности ученых, которые заняты решением задач особого типа – задач-головоломок.

Приобщение молодого ученого к парадигме, к умению правильно формулировать проблемы и искать надежные варианты их решения начинается с усвоения исследовательской традиции. В связи с этим возникает принципиально новый вопрос: как усваиваются и транслируются существующие образцы внутри научного социума? Томас Кун был первым историком науки, указавшим на философскую роль учебной литературы (исследовательской традиции) в качестве главного средства, делающего ученого ученым. Тем самым традиция (классические работы, учебная литература, идеология) есть главный источник парадигмы, а ее роль в гуманитарных исследованиях значительно выше, нежели в естественнонаучных. Гуманитарная научно-исследовательская традиция не нацеливает ученого на революционные открытия, но формирует стиль мышления, подстраивающийся под характер социальной реальности. Элементы социальной реальности – идеология, духовные ценности, межличностные отношения – оказывают значительное влияние на формирование и функционирование парадигм в гуманитарном познании. Согласно Куну, профессиональные ученые не стремятся быть новаторами, ибо, решая задачи-головоломки, они приспособливают их к существующей системе знаний, т. е. познают то, что уже известно другим. Но ввиду того, что гуманитарное научное сообщество значительно отличается от естественнонаучного, ее специфику следует рассматривать особо, что пока не входит в наши исследовательские задачи.

Даже беглый анализ перечисленных аспектов исследовательской парадигмы как конституирующих элементов «нормальной науки» приводит к затруднению понимания механизма гуманитарных теорий, эволюции их развития и функционирования. Однако невозможность однозначного ответа на вопрос о том, каким образом субъективное сознание гуманитария конструирует объекты познания, будет равносильно ликвидации гуманитарных наук. Для того чтобы определить эпистемологический статус гуманитарного познания, необходимо центрировать роль принципа историзма при рассмотрении соотношения различных периодов в развитии гуманитарной науки, что, на наш взгляд, дает гарантию методологической адекватности. Нам импонируют представления Т. Куна, рассматривающего историю науки не как нагромождение исторических фактов, а как непрекращающийся процесс эволюции концептуальных моделей и фундаментальных теорий. Исторический подход требует учитывать культурные, психологические, экономические и социальные факторы. Чтобы

понять важность принципа историзма в познании закономерностей развития науки, достаточно вспомнить, что позитивистская и неокантианская традиции, имевшие наибольшее влияние в трактовке философских и методологических основ социально-гуманитарного знания, были в основном чужды принципу историзма. Кроме того, мы солидарны с идеей Т. Куна о невозможности создания единой истории науки, ввиду того что не существует никакого единства в самой науке, следовательно, наука представляет собой некое подобие отдельных пересекающихся, разрозненных научных дисциплин. Все это позволяет нам заявить, что не существует никакого единого комплекса гуманитарных наук в строгом смысле слова, а есть сложная и пересекающаяся между собой сеть разрозненных дисциплин мировоззренческого характера.

Согласно Куну, совокупность знаний, лежащих в основании науки, длительное время находится на стадии допарадигмальности. Данный этап характеризуется наличием многочисленных конкурирующих школ, многообразием методов и оценок фундаментальных проблем науки. Все это обеспечивает внутреннее социальное и психологическое напряжение внутри научного сообщества, где коллективные эмоции и реакции на «чужие» идеи не позволяют построить единую стержневую методологию. Такое состояние дел характерно для большинства социальных дисциплин: психологии, юриспруденции, экономики, социологии и т. п. Однако, по Куну, принятие какой-либо теории за образец должно завершить допарадигмальный этап, сформировав новую парадигму, которая будет принята учеными в качестве бесспорного утверждения, наподобие религиозного постулата. С наступлением этого момента радикально меняется и социальное поведение исследователей – беспрекословно принимая парадигмальный стиль мышления, ученые утрачивают статус дилетантов и превращаются в профессионально организованное научное сообщество. Такова, согласно Куну, «нормальная» наука, которая, несмотря на весь свой догматизм, способна решать поставленные перед ней трудные задачи. Именно подобным образом должно развиваться экспериментально-математическое естествознание и его приложения в виде технических наук и инженерных технологий.

Однако означает ли это, что в гуманитарных науках допарадигмальный этап развития знания должен закончиться созданием парадигмы? Критический анализ разрозненных высказываний самого Куна по этому вопросу заставляет нас сомневаться в подобной картине.

Во-первых, непонятно, является ли смена допарадигмального этапа развития знания на этап «нормальной» науки закономерным процессом для всех гуманитарных дисциплин. Во-вторых, можно ли говорить о гуманитарных исследованиях как о науке в строгом смысле этого слова, если в них не может сложиться парадигма? Возможен ли консенсус, о котором говорит Кун по отношению к естественнонаучному сообществу, среди гуманитариев, работающих в одном научном направлении? Наконец, каким методолого-философским статусом обладает гуманитарное знание: допарадигмальным, квазипарадигмальным, мультипарадигмальным или метапарадигмальным? Для решения этих вопросов обратимся к истории гуманитарной научной культуры.

Тем, кто знаком с историей науки, бросается в глаза, что в работах по методологии научного познания в центре внимания находится естествознание, прежде всего физика. Проблемам гуманитарных наук уделяется значительно меньше внимания. Такое отношение к истории и методологии гуманитарных наук, на наш взгляд, не случайно и объясняется специфическими чертами развития знания в гуманитарных дисциплинах. Ключевым своеобразием истории гуманитарной мысли является то, что ее история формируется порой из несовместимых источников. Существование концепций, рассматривающих исторические и методологические предпосылки генезиса гуманитарного знания, поражает мировоззренческим плюрализмом и методологической несовместимостью. Соответственно, мы вправе говорить о невозможности создания единой теоретической истории гуманитарных наук в целом. Укажем на высказывание одного из основателей исторической школы Анналов Марка Блока: «Ограничиться описанием нынешнего состояния науки – это в какой-то мере подвести ее. Важнее рассказать о том, какой она надеется стать в дальнейшем развитии. Но подобная задача вынуждает того, кто хочет анализировать эту науку, в значительной мере основываться на личном выборе. Ведь всякую науку на каждом ее этапе пронизывают разные тенденции, которые невозможно отделить одну от другой без некоего предвосхищения будущего» [25, с. 11–12].

Гуманитарные научные представления всегда формируются во взаимодействии с донаучными и вненаучными формами знаний, причем роль последних является во многом определяющей. Мировоззренческие, идеологические политические представления нельзя считать чем-то внешним по отношению к истории развития гуманитарных парадигм. Несмотря на то что все научные дисциплины имеют

самобытный характер своего возникновения и развития, мы можем говорить о наиболее общей схеме истории гуманитарных наук в целом. Стержнем данной схемы может служить процесс создания парадигмы. Однако у современных историков до сих пор не сложилось общей точки зрения на время возникновения науки. Подавляющее большинство исследователей (в том числе и Т. Кун) полагают, что наука как особое культурно-историческое явление окончательно формируется лишь к XVII–XVIII вв. Данная точка зрения справедлива для естествознания, однако по отношению к гуманитарным исследованиям она, на наш взгляд, неверна. Этап так называемой «преднауки», т. е. античная философская мысль и последующая за ней средневековая схоластика, является фундаментом гуманитарной научной мысли; первая заложила метафизический элемент парадигмы, а культура Средневековья выработала эпистемический и социальный компоненты парадигмы гуманитарного знания.

Античная картина мира, тождественная мифологическому сознанию, была наполнена антропоморфными субъектами: богами, демонами, духами, поэтому появление философии было связано с критическим переосмыслением этих фикций. Возникли два способа объективизации. Речь идет о двух парадигмах европейского философского и научного мышления – конкурентной борьбе материализма и идеализма, спор которых до сих пор определяет основные тенденции развития современной науки и философии. Следует согласиться с В. И. Лениным, утверждавшим, что за две тысячи лет развития философии не могла устареть борьба идеализма и материализма, тенденции линий Платона и Демокрита [102, с. 106]. Античный материализм предложил радикальный путь устранения всего сверхъестественного: природа всецело естественна. Идеалисты ограничились ролью богов введением объективных и идеальных сущностей. Тем самым древние натурфилософы не просто заложили фундамент науки, но и попытались рационально обосновать жизнь человека и общества. Критическое отношение, характерное для древнегреческой философии, позволило выработать теоретическую позицию по отношению к жизни или духу. Возникли предпосылки для научного анализа специфических человеческих видов деятельности и типов человеческих и общественных отношений. Однако при интерпретации того или иного социального процесса следует не только учитывать субъективные намерения человека, но и устанавливать закономерные процессы, происходящие в обществе. Тем самым античная философия, абсолютизируя теоре-

тическое, рационально-логическое познание, вызвала к жизни естественнонаучный стиль мышления, а ее пристальное внимание к жизненному миру развили идеи герменевтики. Однако, несмотря на всю значимость античной культуры, подлинное рождение гуманитарных наук связано со Средневековьем.

Средневековая наука занимает особое место в истории развития европейской цивилизации. Как правило, средневековый этап развития научного знания оценивается негативно: здесь вспоминают и о доминирующей власти церкви, инквизиции, и о прочих идеологических факторах, мало совмещающимся с научным поиском. Действительно, методологические рассуждения о гуманитарной науке имеют смысл, если они помещены в некую идеологическую рамку, но в то же время «современная наука не возникла непосредственно из античности, минуя средневековье. Она скорее дитя средневековой науки» [202, с. 176]. Так называемые «темные» века средневековой эпохи определили рационалистический характер современной европейской цивилизации. Европейское сознание и современное научное мышление следуют принципу каузальности, предполагающему исключение внутренних, субъективных и психологических условий, затрудняющих объективное исследование. Только исключение субъекта наблюдения обеспечивает объективность его результатов. Следовательно, западное мышление следует принципу дихотомии объект – субъект так, что, исключая одну сторону, можно получить другую. Такой картине мира мы целиком обязаны Средневековью, с его идеалом классификации, систематизации, рационального поиска, анализа и синтеза. Именно средневековая культура, несущая в своей основе текстовый и символический характер, определила парадигмальный статус современной гуманитаристики. Мы можем выделить ряд существенных признаков средневекового европейского мышления, которые легли в основу гуманитарного познания и научного исследования вообще.

В истории культуры понятия «личность», «индивид», «субъект» принято считать основополагающими принципами западной европейской цивилизации и связывать историю их появления с эпохой Возрождения. Абсолютизовав культ субъективной человеческой личности, Высокий Ренессанс создал почву для гуманитарных наук. Тем самым некоторые исследователи связывают появление гуманитарных наук с эпохой Возрождения [149, с. 20–28]. Однако идею личности следует ассоциировать не с эпохой Возрождения, а со Средневековьем. Вместе с проблематикой индивида возникает идея исторического раз-

вития и прогресса, что обусловило поворот в сознании западной цивилизации, начавшийся в Средние века и завершившегося в XIX столетии. Как указывал Освальд Шпенглер: «Неверно, что ее открыл Ренессанс. Он придал ей блистательную и плотскую форму, в которой любой мог сразу ее заметить. Но родилась она вместе с готикой; она составляет интимнейшее состояние последней; она тождественна готическому духу» [188, с. 52]. Идея «личности» и вера в поступательный характер развития цивилизации и культуры стали открытием социально-гуманитарного познания.

Средневековым мыслителям ввиду мировоззренческих и идеологических ограничений необходимо было построить картину мира, соответствующую духу Святого Писания, что послужило предпосылкой к формированию принципиально нового метода описания реальности – символического обобщения. Символические образы и архетипические представления стали методом постижения законов природы. Можно утверждать, что гуманитарный стиль мышления средневекового человека стал причиной возникновения новоевропейского естествознания, а умозрительные воззрения духовного характера стали теми «строительными лесами», на которых в XVII в. воздвигалось здание европейской науки.

По словам С. С. Аверинцева, «сама структура символа была направлена на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию “первоначал” бытия и дать через это явление целостный образ мира» [3, с. 827]. Как следствие, символизация бытия означала, что расшифровка, интерпретация, понимание становятся ключевыми процедурами мышления. В этом отношении средневековая герменевтическая наука близка к искусству. На этот факт указывал основатель новоевропейской герменевтики Фридрих Шлейермахер: «Занятие герменевтикой в полном объеме надлежит рассматривать как произведение искусства, но не в том смысле, будто оно завершается созданием произведения искусства, а в том, что сама эта деятельность имеет лишь характер искусства, ибо в правилах не задано их применение, т. е. оно не может быть механизировано» [187, с. 48]. Средневековый ученый – это типичный гуманитарий, воспринимающий мир как собрание «египетских иероглифов», однако процедуры расшифровки и истолкования не препятствовали его научно-исследовательской деятельности, поскольку лишь разжигали творческую любознательность мыслителя. Тем самым истоки герменевтики как всеобщего метода современной гуманитаристики связаны с высокой культурой Средне-

вековья. Причем «истолкование означает процедуру, приближающую нас к пониманию, что, в свою очередь, означает познание объекта заново» [22, с. 20–24]. Есть у средневековых герменевтов, в частности у Августина, один принцип, используемый в позднейших герменевтиках. Он называется принципом конгенитальности, т. е. соразмерности творческих потенциалов исследователя какого-либо текста и его создателя [89, с. 94]. У нас есть основания полагать, что философская герменевтика может быть рассмотрена в качестве метанауки для любых гуманитарных исследований, поскольку их основная проблема – вопрос понимания – целиком совпадает с проблематикой герменевтики.

Еще одной важной чертой средневековой науки, определившей гуманитарный стиль мышления, является познание мира с позиций истинно-сущего мировоззрения. Н. С. Мудрагей видит в такой форме умопостигаемости мира препятствие на пути развития науки, так как оно не имеет ничего общего с рационализмом и эмпиризмом, а представляет особый тип отношения к реальности, определяемый тем значением, которое христианство придавало божественному Откровению [111, с. 18]. Именно в средневековую эпоху была обозначена целевая установка гуманитарного познания: конкретизировать тот смысловой фундамент, который содержится в мировоззренческих формах исследования – религии и метафизике. Гуманитарная научная деятельность средневековой традиции стремится к трансцендентальным основаниям, что позволяет им освободить рациональные научные понятия от формализации и раскрыть их сущность во вненаучном контексте жизни субъекта исследования.

Наконец, третьей характерной чертой средневекового мышления, ставшей водоразделом между парадигмой гуманитаристики и естественнонаучной парадигмой, является ценностный характер отношения к миру. Через поиск порядка и законов, царящих в природе, средневековые мыслители пытались засвидетельствовать величие замысла бога. В этом отношении гуманитарная мысль, нацеленная на выделение предельных аспектов бытия, совпадает с задачей естествознания, ибо та реальность, с которой имеет дело современная физика, целиком не совпадает с материальным миром, подобно средневековой науке, она стремится найти свой путь к «предельной реальности». Такая предельная реальность не может быть выражена в категориях материи, причинности, пространства, времени, движения, но может отражаться в символических формах, следовательно, статус реальных объектов, выраженных на языке понятий и категорий, зависит от актов сознания, в которых они конституируются.

Таким образом, выделяя сущностные характеристики средневековой науки, мы видим, что для нее был характерен гуманитарный стиль мышления. Рассмотрение ключевых аспектов средневековой науки убеждает нас в том, что гуманитарная парадигма возникает приблизительно к XI–XIV вв. При этом она может быть описана с использованием категорий теории Томаса Куна. Во-первых, средневековая наука сформировала первый компонент, характеризующий парадигмальное развитие, – внутринаучные ценности, описывающие результаты теоретических исследований в виде символических обобщений. Были определены ключевые правила и операции научной работы: логика, диалектика, казуистика, классификация и пр. Во-вторых, был сформирован стиль исследовательского мышления, который стал сводиться к комментированию текстов и их логическому анализу на основе авторитетной мысли (традиции). Суть средневековой науки сводилась к истолкованию, комментированию и цитированию текстов, и подобный метод познания синтезировал гуманитарный и естественнонаучный стили мышления в единое целое. При этом герменевтику, ставшую основным методом исследований в рамках средневековой культуры, следует трактовать в качестве «субъективного понимания», т. е. формы познания, основанной на принципе индивидуальности, а не универсальности, аналогии, а не методе каузального детерминизма.

Важнейшим элементом средневековой гуманитарной науки, обосновывающим ее ценностный характер, стала особого рода метафизика, которая сформировала мировоззренческий компонент в обосновании функционирования общества, истории и культуры. Начиная со времени Высокого Средневековья, гуманитарная наука примеряет на себя метапарадигмальный образ – необходимость сочетания строгого научного исследования, логики, философской культуры, а также заимствование образов из вненаучных форм познания – религии, мистики, искусства. Это определило теоретические задачи и методологическую основу гуманитарного познания, связанные с выявлением места, функций, способов и форм теоретического познания в научных исследованиях культуры, ценностей, общества и человека. Необычайная сложность объектов гуманитарных исследований, неравномерное развитие и дифференциация гуманитарных дисциплин привели к постулированию важнейших задач социально-гуманитарного познания, актуальных и не решенных до сих пор: во-первых, создание научной теории общекультурных свойств и явлений (теоре-

тический аспект); во-вторых, построение теоретической гуманитаристики в качестве метапарадигмы (методологический аспект)

Таким образом, проблематика средневековой науки, которая была гуманитарной по своей сущности, стала первой исторически сформированной парадигмальной моделью, послужившей основой для дальнейшего возникновения экспериментально-математического естествознания Нового времени. Подлинно парадигмальным развитие гуманитарных наук было лишь в эпоху развитого Средневековья; то, что описывается в истории науки в качестве научно-технической революции XVI–XVII вв., есть не просто своеобразный водораздел между наукой и религией, между наукой и философией, но переход от парадигмы средневековой гуманитарной науки к естественнонаучной парадигме современности. В дальнейшем в науке произойдет раскол на две культуры, две методологические установки анализа – возникнет сциентистская (естественнонаучная) парадигма и герменевтическая парадигма.

Трансформация господствующей средневековой герменевтической парадигмы была связана с декартовым переворотом в науке и философии и с глубокими изменениями философского и культурного горизонта. С торжеством техники, основанной на идеях нового естествознания, пришлось пожертвовать категорией личности в угоду универсальному математическому методу, с помощью которого человек превратился в функцию, механизм, производную от алгебраического метода Декарта. По словам А. Койре, «идея иерархически упорядоченного, наделенного конечной структурой мира – мира, качественно дифференцированного с онтологической точкой зрения; была заменена идеей открытой, безграничной и даже бесконечной Вселенной, объединенной и управляемой одними и теми же законами» [79, с. 130]. Общая прагматическая ориентация в понимании сущности знания означала, что познание превратилось в совокупность приемов и средств для достижения конкретных целей. Такой предпосылкой не обладала ни греческая культура с ее культом созерцательности, ни средневековая наука с ее трансцендентной герменевтикой. Говоря словами О. Шпенглера, «фаустовский» естественнонаучный тип деятельности становится всепроникающим, что в дальнейшем и приведет к возникновению на рубеже XVIII–XIX вв. комплекса социальных наук, ставших результатом синтеза гуманитарной культуры с науками о природе.

После научной революции XVII в. будущее гуманитарного познания оказалось под вопросом. Потеряв собственную идентичность,

гуманитарные науки были вынуждены формировать новые подходы, способные обосновать их методологическую и теоретическую самостоятельность. Наметилось несколько возможных путей их дальнейшего развития: во-первых, можно было выработать собственные черты парадигмальности, в противовес естественнонаучной культуре (квазипарадигмальность); во-вторых, гуманитарное познание могло остаться вне парадигмального развития и слиться с вненаучными формами познания – религией, искусством, эссеистикой. Наконец, гуманитарные науки могли попытаться выйти за границы парадигмы, создав единую теорию гуманитаристики на основе синтеза с философией и создания гуманитарных технологий.

Первый вариант развития гуманитарного знания (квазипарадигмальность) был осуществлен неокантианцами в конце XIX в. Деятельность философов баденской школы (В. Виндельбанда и Г. Риккерта), казалось, должна была возродить интерес к социально-гуманитарному познанию. Однако, поставив во главу угла гносеологическую проблематику и особо подчеркивая методологическое различие «наук о природе» и «наук о культуре», неокантианцы лишь усилили пропасть между двумя формами познания: «естествознание и историческая наука всегда должны находиться в принципиальной логической противоположности между собой» [132, с. 200]. Определение естественных наук происходило через ограничение их универсалистских претензий – под наукой стали понимать прежде всего вещественность, чисто репродуктивную предметную деятельность с бесконечной воспроизводимостью опыта. Показав недостаточность естествознания, Г. Риккерт посчитал, что недостающий пробел могут восполнить исторические науки путем использования ценностного метода. Несмотря на то что риккертская теория ценностей и идея различия методов оказали значительное влияние на взгляды М. Вебера, феноменологию и социологию науки, они по-прежнему представляли собой философский спор между идеализмом и непоследовательным материализмом. Можно сказать, что, проиграв в конкурентной борьбе естествознанию, гуманитарные науки обрекли себя на инертное существование путем повторения традиций и постоянного возвращения к проблематике классических гуманитарных трудов. Такое положение дел означало отсутствие внутренних конфликтов, а как следствие, отсутствие новых открытий и поступательного движения вперед.

Методологическая программа неокантианцев, идеи понимающей социологии М. Вебера, философия наук о духе В. Дильтея, а также другие классические работы по методологии социально-гуманитар-

ного познания на длительное время определили эпистемологическую конфигурацию гуманитарных дисциплин в системе научных знаний. С этого времени для методологов и историков науки, занимающихся проблемами социально-гуманитарного познания, стало традиционным выделение ключевых характеристик гуманитарной парадигмы, отличающих ее от парадигмы естественнонаучной. Согласно российскому философу и А. В. Юревичу, «отличия гуманитарной парадигмы от естественнонаучной сводятся к следующему:

1. Отказ от культа эмпирических методов. Ученые гуманитарного цикла в большей степени предпочитают апеллировать к результатам мировоззренческого познания, нежели к эмпирическим фактам.

2. Признание научным не только верифицированного знания, но и знания, подтвержденного “внесубъектным” эмпирическим опытом.

3. Легализация интуиции и здравого смысла исследователя.

4. Возможность обобщений на основе изучения частных случаев.

5. Единство исследования и практики.

6. Изучение целостной личности, включенной в “жизненный контекст”» [197, с. 30].

Второй сценарий, по которому могли развиваться гуманитарные науки в XX в., – это движение к мультипарадигмальности. Данный подход отрицает качественную эволюцию гуманитарного знания, отрицает наличие в них контекста научного открытия. Всерьез говорить о кумуляции и прогрессе знания в гуманитарных науках не имеет смысла, например, утверждать, что современный историк, социолог или экономист, используя современный понятийный аппарат и методы исследования, может понять прошлое гораздо лучше, чем люди, жившие в то время. Невозможность прогресса гуманитарных знаний, отсутствие качественно новых открытий в форме научных революций привели гуманитарные науки к идее синтеза с искусством, религией, философией, а то и вовсе с ненаучными формами познания – мистикой и эзотерикой.

Таким образом, в «сильном» варианте мы можем говорить о внепарадигмальном развитии гуманитарных наук, поскольку их вообще трудно называть «наукой»; скорее, для них применима средневековая формула *liberal arts education* (свободные искусства). В «слабом» варианте гуманитарные науки имеют мультипарадигмальный статус в том смысле, что они включают в себя набор различных парадигм, методов, теорий, критериев научности. В дискуссиях между представителями различных школ и направлений истина не рождает-

ся, но благодаря этим спорам знание внутри гуманитарных наук накапливается, растет, что, в свою очередь, говорит об известном прогрессе гуманитарного знания.

Наконец, третий, по-прежнему не реализованный сценарий развития гуманитарных теорий связан с созданием метапарадигмы. «В данном случае предмет гуманитарных наук сливается с предметом философии (метафизики). Речь идет о процессах взаимоотношений мира и человека на основе духовных ценностей. Иммануил Кант называл представления о таких ценностях “трансцендентальными идеями”, которые играют огромную роль в познании, будучи его предельными целями, – только сами они лежат за пределами науки» [168, с. 160].

Само по себе стремление к созданию единой парадигмы гуманитарного знания вполне оправданно. Однако на сегодняшнем этапе это скорее теоретический идеал, чем действительность. Примерно то же самое можно сказать и о разработке единой методологической основы гуманитарного познания. Пока теоретическая сфера в гуманитарном познании выступает скорее как комплекс более-менее общих, но все-таки специализированных теорий, различных методологических принципов, подходов, средств, т. е. всего того, что принято обозначать термином «парадигма». Различные методы, теоретические построения и обобщения, методологические подходы в некоторых гуманитарных дисциплинах вовсе отсутствуют, а иногда в определенной степени противоречат друг другу, следовательно, первостепенное значение имеет разработка методологических вопросов теорий гуманитарного знания.

Задача построения единой парадигмы гуманитарного знания является, по сути дела, задачей дальнейшей теоретизации, теоретического оформления и осмысления всего знания «наук о духе». Эта теоретическая работа имеет множество аспектов и уровней. Важнейшим из аспектов является задача теоретического и методологического оформления тех идей и подходов, которые лежат в основе развития современной гуманитаристики. Так или иначе все философско-методологические проблемы современного социально-гуманитарного познания связаны с проблемой соотношения эмпирического и теоретического знания, так как именно при рассмотрении этого соотношения оказывается необходимым специальный анализ философских категорий, изучение категориального характера мышления.

Кроме проблемы создания метаязыка, для гуманитарных наук характерна проблема превращения знания в гуманитарные технологии. Как технология является практическим продолжением естественных наук, так и гуманитарные науки имеют свое практическое продолжение, иногда называемое «трансформативными гуманитарными науками» (трансгуманизм) или «культуроникой» [193]. Область преобразующих гуманитарных наук включает в себя различные практики и технологии, например языковое планирование, построение новых языков (например, эсперанто), изобретение оригинальных художественных и литературных жанров и движений в жанре манифеста, таких как романтизм, символизм или сюрреализм. Гуманистическое изобретение в сфере культуры в виде практики, дополняющей науку, является важным аспектом гуманитарных наук.

Мы здесь осветили лишь некоторые вопросы, связанные с историческими закономерностями возникновения гуманитарного познания и с теми тенденциями, которые характерны для средневековой культуры и стиля мышления как прообраза науки вообще. Логическим продолжением этих проблем будет анализ ключевого понятия куновской теории, а именно категории «научной революции», и роли в них научного сообщества.

Согласно Куно, фундаментальной основой научной деятельности является конфликт, или научные революции различного масштаба. Кризис характеризуется множеством новых подходов, своего рода творческим бумом. В период кризиса развивается экстраординарная наука, которая уже не подчиняется правилам старой парадигмы и еще не попадает под правила новой, еще не сформированной. Спрашивается: какова природа кризисов в рамках гуманитарных теорий и возможны ли вообще научные революции в гуманитарном познании?

Любая идея, открытие или новый метод отрицают старое, и это отрицание невозможно представить без социального конфликта, но, в отличие от политической сферы общества, научные конфликты, как правило, не превращаются в столкновения между людьми. Они раскрывают свою сущность в форме дискуссии, гарантирующей право несогласного меньшинства научного сообщества высказывать свою точку зрения. В современной гуманитарной науке конфликты если и не исчезли, то перешли в латентную фазу, не находя конструктивных решений, – дискуссии становятся все реже, как следствие, замедлилось обновление концепций, методов, теоретических идей.

Аргумент Куна о том, что научное сообщество определяется его лояльностью к единой парадигме, имел особый резонанс в области

мультипарадигматических (или предпарадигмальных) социальных и гуманитарных наук, поскольку членов этих сообществ часто обвиняют в ревности к парадигме естественных наук. Т. Кун предположил, что на вопрос о том, является ли конкретная дисциплина наукой или нет, можно ответить только в том случае, если члены научного сообщества, сомневающиеся в своем статусе, достигнут консенсуса в отношении того, как оценивать свои прошлые и текущие достижения.

Проблема заключается в том, что гуманитарное научное сообщество по своим характеристикам значительно отличается от естественнонаучного. Так, известный историк науки Дерек Прайс отмечает, что «коммуникативные паттерны в естественных науках существенно отличаются от социогуманитарных дисциплин, где коммуникативные сети формируются как социальные, внедисциплинарные сообщества. Гуманитарии отличаются более низкими показателями использования научной периодики, в отличие от представителей технических и естественных наук, предпочитая ей монографии» [127, с. 215]. Также «существуют различия и в “возрасте” цитируемых источников в естественных и гуманитарных науках, состоящие в том, что гуманитарии предпочитают цитировать “классические” работы» [204]. Перечисленные факторы значительно затрудняют выделение парадигмального статуса конкретной гуманитарной дисциплины.

Прогресс гуманитарного знания во многом невозможен по причине того, что гуманитарные науки существуют в двух режимах: повторение канона (традиции) и комментарии (критика) к нему. Отсюда возникает иллюзия отсутствия их развития и эволюции. Тексты классиков гуманитарной мысли, в отличие от классиков естествознания, постоянно читаются и перечитываются. Так, для женевской школы лингвистики непререкаемым авторитетом служат тексты Фердинанда де Соссюра, для профессионального сообщества психоаналитиков непререкаемым лидером по-прежнему является Зигмунд Фрейд. Подобное можно сказать и о других трудах знаменитых ученых-гуманитариев: Чарльза Пирса, Карла Маркса, Клод Леви-Стросса, Мишеля Фуко и др. Джамбаттисто Вико, Генрих Риккерт, Герберт Спенсер, Фердинанд де Соссюр, Вильгельм Дильтей и другие являются классиками социально-гуманитарной мысли не только потому, что заложили основы дисциплин, но прежде всего потому, что споры их преемников не утихают и сейчас.

Естествознание прогрессирует, начиная с эпохи Нового времени, именно по причине отказа от традиций. Процедура эксперимента,

которой мы обязаны Галилео Галилею, сделала новоевропейскую науку независимой от авторитетов, так как процедуры проверок и перепроверок опытных данных предполагали, что любой ученый способен адекватно воспроизвести полученные результаты. Математическое естествознание Нового времени перестало оглядываться на прошлое, а весь массив имеющихся знаний стал уточняться и совершенствоваться. Будучи современником этих новаций, Вольтер писал о них так: «Любой покупатель скажет вам: я признаю, что изобретатель челнока был гениальнее, нежели мануфактурщик, изготовивший мое сукно, но мое сукно лучше, чем сукно изобретателя. Каждый мало-мальски разбирающийся человек признает, что мы чтим гениев, создавших первый набросок искусств, однако ближе нам умы, усовершенствовавшие эти искусства» [34, с. 264].

Парадигма направляет исследовательские усилия научных сообществ и является критерием, который наиболее точно определяет предметные области науки. Фундаментальный аргумент Куна заключается в том, что для зрелой науки типичным путем развития является переход от одной парадигмы к другой через механизм научной революции. Когда происходит смена парадигмы, научный мир качественно меняется и качественно обогащается принципиально новыми фактами и теориями. В гуманитарных науках, где разные парадигмы могут возникать одновременно, неизбежны парадигматические войны, то есть борьба с учеными из разных лагерей и отрицание научного характера их исследований. Парадигмы в социально-гуманитарном знании очень разделены, и споры между их представителями можно наблюдать во всем мире. Современниками научная революция или смена парадигм, безусловно, переживается как «сотрясение основ», как время, в котором коренным образом меняются мировоззренческие устои и представления об окружающем мире. Для самих ученых научная революция связана с попытками представить историю, философию и методологию своей науки в принципиально новом свете.

Глобальные научные революции в естествознании происходили как минимум дважды. Первая революция связана с возникновением науки в современном смысле этого слова – так называемая коперниканская революция в физике и последующее за ней создание механистической научной картины мира. Вторая научная революция связана с термином «информационная революция», который описывает современные экономические, социальные и технологические тенденции, выходящие за рамки промышленной революции. Однако о при-

роде и механизме научной революции в гуманитарных теориях говорить затруднительно. Если в некоторых гуманитарных исследованиях научные революции и возможны, то чрезвычайно редки и имеют не макроскопический, а скорее микроскопический характер. В гуманитаристике эти изменения связаны с междисциплинарными подходами. Так, значительное влияние на гуманитаристику оказала кибернетика, а затем синергетика, а вместе с ней попытки построить ряд гуманитарных дисциплин (психологии, лингвистики, истории) по лекалам математических и физических наук.

Некоторые исследователи не отрицают возможность научных революций по отношению к социально-гуманитарному познанию. Так, Р. Фрумкина, говоря о сменах парадигм в гуманитарном познании, утверждает, что они происходили трижды. Первая революция связана с возникновением «понимающей» методологии гуманитарного знания (конец XIX в.). Вторая революция произошла в 50-е гг. XX в., когда появилась кибернетика, а вместе с ней попытки «устроить» лингвистику как математику, а психологию – как естественную науку. К третьей революции автор относит возникновение «новой исторической науки» (школа Анналов), а также постпозитивистских тенденций в философии и методологии науки (Карл Поппер, Томас Кун, Имре Лакатос, Пол Фейерабенд, Майкл Полани, Стивен Тулмин) [178, с. 381–382].

Следует напомнить, что Т. Кун различал два типа научных открытий. Открытия, совершаемые в рамках принятых парадигм, не нарушают кумулятивности и преемственности знаний. Открытия, знаменующие переход от одной парадигмы к другой, оцениваются в качестве научной революции – разрушение традиций и создание принципиально новых теоретических схем [207, с. 137]. По мнению Куна, ученые склонны игнорировать факт научных революций ввиду того, что их собственное видение науки формируется под влиянием искажающих ее историю источников: философии, учебников и научной литературы. В наибольшей степени это утверждение касается социально-гуманитарного познания. Высокая ценность традиций и авторитетов в гуманитарном знании связана с предметом их исследований, который в значительной мере зависит от прошлого. Для ученого-историка это свидетельства очевидцев прошлого, для лингвиста – традиции языковой культуры, для литературоведа – художественные тексты прежних эпох. Гуманитарная наука, изучая традицию, сама становится частью традиции.

Таким образом, если для естественнонаучного сообщества характерен научный консерватизм, то для гуманитарных наук и организации деятельности ученых гуманитарного цикла – научный конформизм. Гуманитарные науки характеризует низкий уровень внутренней координации и неопределенность результатов исследований, по сути, деятельность гуманитариев сводится к комментированию и уточнению работ своих предшественников. Гуманитарное сообщество не сковано консенсусом и даже, напротив, обязано постоянно осуществлять радикальные творческие инновации, которые в науке возможны только в период смены парадигм. Более того, можно предположить, что в современном мире, в более развитых обществах наиболее развит естественнонаучный (технологический) стиль мышления, направленный на инновацию и изменения, а в менее развитых – гуманитарный (герменевтический), ориентированный на традицию и консерватизм. Так, в традиционных обществах тенденции развития познания определяет традиция, универсальный образ мысли и действий, разделяемых обществом в качестве универсального механизма.

Итак, в существующем гуманитарном знании образовалась определенная конфликтная ситуация, образовался разрыв между многими принципами, методами и результатами современной науки и традиционными представлениями, средствами, стилем мышления «классической» гуманитаристики. Внутри гуманитарного научного сообщества происходит деление на идейно-политические направления исследований, например, в историческом познании различие подходов определяется выбором политических критериев (либеральная историография, неолиберальная, консервативная, социалистическая и т. д.). Так, с середины XIX в. и до 1980-х гг. идеологическая ориентация историков определяла выбор методологических средств и приемов, например, Карл Маркс практически игнорировал немецкую историческую школу, отдавая предпочтение трудам французских историков – авторов теории классовой борьбы.

В отличие от естественнонаучного знания, гуманитарная культура более интуитивна, однако интуитивизм и конструктивизм не позволяют четко выделить предмет и проблемное поле своих исследований, что приводит к вопросу о ее самодостаточности. Здесь мы видим, что гуманитарное познание сочетается с искусством, религией и философией ничуть не хуже, чем с наукой. То, что Т. Кун определял метафизической парадигмой, есть не что иное, как фундаментальный градиент научного гуманитарного знания.

Очевидно, что дальнейшее развитие комплекса социально-гуманитарного знания будет зависеть от изменения общеметодологических принципов в связи с внедрением компьютерных технологий, системного подхода и синергетики. Обобщение и синтез современного гуманитарного знания требуют всестороннего охвата и теоретической разработки всего комплекса гуманитарных наук. Существующий опыт научного гуманитарного познания не дает оснований для противопоставления традиционных и новых методов и способов исследования истории и культуры, как эмпирических, так и теоретических. Будущее гуманитарного знания заключается в интеграции и синтезе различных теоретических и методологических подходов и принципов, приведение их в максимально целостную систему.

Наш краткий обзор научно-методологических и историко-научных установок Томаса Куна по отношению к социально-гуманитарному познанию показывает, что основная проблема связана не только с общеметодологическими затруднениями, но и с мировоззренческими проблемами гуманитарных наук, от которых современная философия науки не вправе отгораживаться. Как мы видим, наиболее плодотворными можно считать исторический и логико-методологический подходы к философскому анализу гуманитарного познания. Этот феномен достаточно примечательный. В целом анализ концепции парадигм Куна дает основание заключить, что выдвинутые им общеметодологические и научно-философские проблемы представляют значительный научный интерес и требуют дальнейшей философской рефлексии и разработки.

1.3. Предпосылки возникновения методологической программы гуманитарных дисциплин

Как уже подчеркивалось, представленная монография является продолжением нашей диссертации «Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии» [158]. Поэтому обратимся к идеям, высказанным в данной работе, а точнее, к выводам, сделанным в первой главе, которая частично включена в монографию для целостного представления взглядов автора и в интересах читателей, не знакомых с диссертационным исследованием.

Известно, что наука во все эпохи развивалась в контексте человеческой культуры и цивилизации, поэтому для понимания и обосно-

вания статуса гуманитарных наук следует учитывать своеобразие их генезиса, структуры и функций. С помощью метода философской рефлексии возможно фиксировать социальные детерминации науки, выявить методологические основы, с помощью которых происходит конструирование предмета конкретных гуманитарных наук, а также найти их отличие от художественной литературы, критических текстов и других форм ненаучного знания. Но прежде всего необходимо провести различие между понятиями гуманитарной науки и гуманитарного знания.

Определение науки как деятельности, направленной на исследование первых начал и причин, не изменилось с традиций, заданных Аристотелем, выделившим в качестве идеала науки естествознание. В современном понимании наука ставит перед собой цель – «познание законов природы» [114]. Похожее определение научной деятельности дает известный российский методолог В. С. Степин, который отмечает, что наука – это «особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных системно организованных и обоснованных знаний о мире» [153, с. 114–116]. Следовательно, методология естествознания целиком отвечает характеристикам науки, в которую входят системность, обоснованность и доказательная сила.

Нам более близка точка зрения В. М. Розина, согласно которой наука предстает как «специализированная, культурно обусловленная форма построения знаний о действительности, тесно связанная с построением идеальных объектов, разрешением проблем, описанием определенной области действительности» [158, с. 20–21]. Как культурно обусловленный способ получения знаний наука ориентирована на решение разных социальных задач и поэтому самоорганизуется в отдельные типы [136, с. 114]. Тем не менее нельзя не признать, что в отличие от естествознания в гуманитарных науках соединение объективного и субъективного, а также отсутствие экспериментальной проверки – норма научной деятельности. Именно в сравнении с естественными науками происходило изменение взглядов на предмет, методы и цели гуманитарного познания в рамках двух философско-методологических традиций.

К представителям первой мы можем отнести философские взгляды позитивизма на разных стадиях его развития, которые отечественные философы науки обозначают как механицистскую (В. С. Степин) или натурцентристскую (В. Г. Федотова) программу анализа социальных процессов. В данном случае гуманитарные науки должны ориен-

тироваться на идеалы и нормы естествознания как образцы научного исследования. Вторая, альтернативная, традиция может быть обозначена как гуманистический (Э. Кассирер) или культуроцентристский подход. Он включает в себя такие направления, как философия жизни (В. Дильтей, Ф. Ницше, О. Шпенглер и др.), неокантианство (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), феноменология (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер), философская герменевтика (Г.-Х. Гадамер). Перечисленные стратегии характеризуются критическим отношением к возможности прямого переноса установок, идеалов и норм естествознания на социально-гуманитарные науки, а также идеи «возвеличивания» гуманитарного знания. В любом случае дискуссия о различиях между предлагаемыми подходами имеет не столько онтологический, сколько гносеологический характер, ибо речь идет о возможности познания социальной и культурно-исторической реальности теми же методами, что и природы.

Понимание исторической природы науки, то есть того факта, что она существует в конкретном историческом времени и при конкретных исторических обстоятельствах, справедливо лишь отчасти. История науки представляет собой не только инструмент социального, методологического и философского анализа, но и символическую форму, которая позволяет выразить достаточно (хотя и не безгранично) различное идеологическое содержание. В качестве продукта культуры наука пребывает не только в истории, но прежде всего в форме самосознания его субъектов, так называемых интеллектуалов – ученых и предшествующих им до XVIII в. философов и религиозных деятелей. Традиционный взгляд на историю науки как на хронику достижений и открытий новых фактов не является полноценным взглядом на природу научного знания. Научные теории создаются, оспариваются, проверяются и опровергаются в определенном социальном и культурном пространстве, свойственном определенной исторической эпохе. Поэтому историк науки должен не просто рассказать о том, что было достигнуто в той или иной период времени, но проникнуть в дух той эпохи, которую он исследует, понять своеобразие ее способа мышления. В то же время в науке заложено не только идеальное содержание, но и внутренняя логика ее развития.

Как мы указывали выше, возникновение и дальнейшая эволюция гуманитарных наук в том виде, в котором мы воспринимаем их сегодня, целиком обязаны высокой книжной культуре Средневековья. Дело не только в появлении идеи личности и «открытия индивида»,

то есть обретении им чувства самоценности, но и в эпистемологическом сдвиге, произошедшем в сознании средневековых мыслителей. Он заключался в новом отношении человека к самому себе и предполагал наличие существующей данности, которую индивид пытается не только постигнуть, но и изменить, преобразовать. Мишель Фуко называл такое представление о человеке «герменевтическим Я», отличая его от греко-римской познавательной традиции, которая была ориентирована не на открытие мира и истин самих по себе, а на их усвоение. «Герменевтический» способ постижения мира субъектом исходит из того, что в нем есть «нечто скрытое и что мы всегда находимся в состоянии заблуждения относительно самих себя» [180, с. 21–22]. Отсюда такое внимание средневековых философов к процедурам истолкования, понимания, классификации и систематизации в качестве методов постижения реальности как Текста (книги), написанного на божественном языке. Все эти идеи в дальнейшем легли в основу прогрессистских теорий в истории и других социальных и гуманитарных науках. При этом не только искусство, но и цивилизационный процесс в целом стали трактоваться как процесс индивидуализации.

Длительное время, вплоть до середины XX в., т. е. до появления неопозитивистских концепций, проблеме возникновения и эволюции науки, а также вопросам ее методологии не уделялось значительного внимания в научно-философских кругах. Философские основания науки включались в контекст предшествующих натурфилософских идей, а функционирование метода рассматривалось исходя из логики развития существующих научных теорий. Как правило, под методологией понималось развитие естественнонаучной картины мира, эволюция которой требовала серьезных изменений в целях и средствах познания. Именно под влиянием естественнонаучного и математического дискурса происходило формирование социального элемента науки, а также все ее познавательных ценностей, норм и идеалов.

Такая методологическая ориентация на естественнонаучный и математический стиль мышления была определена «отцами-основателями» современной науки: Френсисом Бэконом и Рене Декартом. Несмотря на различие их методологических подходов: Ф. Бэкон ориентировался на физику, опыт и основанный на нем метод индукции; Р. Декарт опирался на математику, рациональное мышление и дедукцию, их объединяет идея эпистемологического редукционизма, а также общая убежденность в истинности и полноте методов экспериментально-математического естествознания. Для обоих философов

метод познания стал принципиально новым инструментом конструирования реальности.

Как Ф. Бэкон, так и Р. Декарт утверждают программу новой науки с поисков истинных оснований мышления, для чего английский мыслитель призвал устранить факторы, затрудняющие познание, с помощью метода экспериментальной индукции (так называемые «идолы» ума) [27, с. 303–310], а французский мыслитель начал разработку своего учения о методе с поисков простейших начал, которые можно обнаружить в человеческом разуме. Декарт писал: «...мое намерение состоит... только в том, чтобы показать, каким образом старался я направить свой собственный разум... Я же всегда имел величайшее желание научиться различать истинное от ложного, чтобы лучше разбираться в своих действиях и уверенно двигаться в этой жизни» [48, с. 251]. Так была получена формула картезианского метода: 1) начинать с простого и очевидного; 2) путем дедукции из простых высказываний получать более сложные; 3) сохранять непрерывность цепи умозаключений; 4) делать перечни и обзоры полученного знания [48, с. 256–260].

Картезианские правила стали выражением духа познавательного оптимизма, желанием отличать истину от заблуждения и уметь эффективно применять собственный разум. «Никогда не принимать ничего на веру, в чем с очевидностью не уверен, т. е. тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не может дать повод к сомнению» [48, с. 257]. Перед нами не просто философская рекомендация, а фундаментальный нормативный принцип, сводящий любое знание к максимальной простоте и полноте описания и объяснения. По сути, Декарт продолжает философскую традицию Аристотеля, согласно которому нами «движет предмет стремления, и через него движет размышление, так как предмет стремления есть начало для него. Итак, нами движет ближайшее предметное бытие. Ум же, совершенно очевидно, не движет без стремления... Поэтому приводит в движение всегда предмет стремления... А предмет стремления определяется нашей внутренней природой, сущностью: растение в силу своей органической природы движимо солнцем, водой, воздухом, животное, предположим, заяц, движимо растением, необходимы для его питания, а волк, в свою очередь, движем зайцем... Человеком движут, кроме названных причин, общих для него со всеми живыми существами, еще и социаль-

ные интересы, то есть тоже предметы, но только обусловленные общественной природой человека» [12, с. 442–443].

Однако, в отличие от древних авторов, в рассуждениях французского мыслителя проблема методологии выступает в связи с обсуждением вопроса о том, на каких основаниях и с помощью каких средств достижимо новое знание. В «Рассуждении о методе» новаторская мысль Декарта состояла в том, чтобы создать фундамент новой науки, базирующийся на очевидных исходных принципах, по аналогии с постулатами и аксиомами евклидовой геометрии. В результате научное знание мыслилось Декартом как единый механизм, или, по словам Э. Кассирера, «как один единый, замкнутый в себе ряд, внутри которого нет ни одного необоснованного перехода» [73, с. 28–30].

Философские взгляды Декарта на природу научного знания стали отправной точкой, с которой начинается трансформация средневековой герменевтической традиции и основанного на ней интуитивного стиля мышления. Тем самым начиная с XVII в. гуманитарные науки были обречены на зависимость от естественнонаучного идеала, заданного картезианской традицией. Экстраполяция нормативных требований универсальной математики на проблемы человека и общества во многом способствовала институализации социально-гуманитарного знания. Гипертрофия темы механицизма привела к ошибочной идее о том, что любые параметры социальной и культурной жизни должны поддаваться калькуляции и расчету, т. е. укладываться в рамки применения количественных методов, по крайней мере, на уровне теоретических моделей.

В начале XIX в. возникло множество сциентистски ориентированных парадигм, пытающихся инкорпорировать естественнонаучную методологию в процесс объяснения социальных процессов. Можно назвать наиболее влиятельные парадигмы и их представителей: механистический подход (А. Кетле, В. Парето), органицизм (Г. Спенсер, А. Шеффле, А. Эспинас), натуралистическая парадигма (Г. Лебон, К. Гумплович), позитивистская философия (О. Сен-Симон, О. Конт, О. Нейрат). Все перечисленные направления объединяет критическое отношение к спекулятивной и умозрительной философии прошлого, стремление к предельной точности и ясности используемых понятий, строгости научного мышления, переносу стандартов точных и естественных наук в предметную область социосферы.

В какой-то мере игнорирование позитивистской наукой XIX в. ценностных оснований человеческой деятельности и уподобление

социальных фактов объектам неживой природы способствовало эффективно решению некоторых проблем внутри социального знания. Так, О. Конт не просто отбросил метафизические вопросы о причинах, целях, направленности истории и предназначении человека, но и сумел сформулировать идею единства науки, ставшей методологическим принципом развития научного знания на столетие вперед. Благодаря принципу единства научного метода к началу XIX в. начинает формироваться корпус социальных дисциплин: экономика, социология, политология, право (см. Приложение). На раннем этапе своего развития эти науки имели весьма размытую объектно-предметную область исследования, что в дальнейшем определило их понятийную структуру. Изначально методологические основания гуманитарных наук были схожи с естествознанием, в которых объяснение фактов и выявление точных закономерностей – главная цель исследований. Однако мировоззренческий и психологический компоненты наук о человеке и культуре были проигнорированы, а ценности были исключены из контекста рассуждений, что в дальнейшем лишь усилило оппозицию «естествознание – обществознание». Таким образом, «произошло разделение по предмету и по методу, которое закрепило за этими науками статус социально-гуманитарных, имеющих различие в предмете, методе и функциях» [157, с. 18]. В дальнейшем мы постараемся показать, что сциентистская парадигма, выразителем которой являлись позитивисты первой волны, отрицая специфику гуманитарного знания, так и не сумела создать программу «позитивного» освоения мира, хотя и внесла значительный вклад в дело рационального просвещения человека и общества.

Представители классического позитивизма исходили из понимания общества как явления, которое имеет автономный характер от самого индивида, его мыслей и деятельности. Сам человек рассматривался в качестве несущественного явления в мире социальных объектов, которые, в свою очередь, отождествлялись с явлениями природы, а система знаний строилась на фундаменте естественнонаучной картины мира. Эмпирическое наблюдение, эксперимент и широкое использование количественных математических методов становятся основными приемами при интерпретации явлений социальной и культурной реальности. С учетом отрицания ценностных компонентов познания такой подход привел к чрезмерной схематизации культуры и общества, и человека. В данном случае гуманитарные науки были обязаны ориентироваться на идеалы и нормы естествознания

как истинные эталоны подлинной науки. Примечательно, что в дальнейшем попытки позитивистской философии выдвинуть идею науки, из которой будут полностью элиминированы ценностные включения, подверглись критике уже в рамках дальнейшего развития самого позитивизма. В частности, именно Т. Кун впервые отметил «неустранимость ценностных включений из структуры научного познания» [90, с. 28].

Позитивистская и сциентистская методология сложилась как критическая реакция на умозрительные высказывания философии, требуя переносов методов естествознания в область гуманитарных и социальных наук. Для позитивистов в качестве науки, сочетающей в себе общность приемов по освоению предметных сфер естествознания и гуманитарных дисциплин, выступила социология. Но, несмотря на активное внимание представителей раннего позитивизма к социологии, проблема метода в значительной мере растворялась в проблематике предметной теории и общей научной методологии.

Идеи О. Конта были продолжены в трудах другого классика социологической мысли – Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Несмотря на то что Э. Дюркгейм признавал существование общества в качестве совокупности фактов индивидуального сознания, в целом он продолжил натуралистические тенденции позитивистской парадигмы. Метод Дюркгейма свободен от каких-либо философских и религиозных ценностей, а также от тех или иных идеологических предпочтений. В этом отношении метод объективен и рационален, хотя он и не предполагает редукции к более общему виду реальности: физической, биологической или психологической природе. В своих поздних работах Э. Дюркгейм попытался представить социальную науку не только на эмпирическом, но и на новом методологическом фундаменте. Данный подход противостоял произвольному набору фактов для обоснования тех или иных предвзятых идей. Французский ученый стремится дать четкое описание способов постижения социологической истины: определения и наблюдения социальных фактов, социологического доказательства, конструирования социальных типов, описания и объяснения фактов. Поэтому можно заметить некое сходство работ Э. Дюркгейма, например «Метода социологии», с «Рассуждением о методе» Р. Декарта.

В своих работах Дюркгейм акцентировал свое внимание на проблеме социального факта и методе его объяснения. Под социальным фактом он понимает «всякий образ действий, резко определенный или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение,

или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, но имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [56, с. 256]. Таким образом, социальный факт тождествен объективно существующей вещи или явлению. Социальный факт, будучи порождением объективной реальности, наличествует в индивидуальном сознании, зависит от общих условий социальной жизни, поэтому имеет свойство нормативной обязательности, универсальности и принудительности. Тем самым Дюркгейм предложил собственную характеристику социологического метода, с помощью которого социальное (социологическое) исследование не должно зависеть от каких-либо философских идей или концепций. По его словам, метод, которым обыкновенно пользуются социологи для объяснения, одновременно и психологический по существу своему, и телеологический. Оба эти признака тесно между собою связаны. Действительно, если общество является лишь системой средств, создаваемых людьми для достижения известных целей, то эти цели могут быть лишь индивидуальными, так как до общества могли существовать только индивиды. Следовательно, идеи и потребности, определившие образование обществ, исходят от индивида, а если все исходит от него, то все по необходимости должно найти в нем свое объяснение. С другой стороны, в обществе существуют лишь отдельные сознания, следовательно, в последних и находится источник всякой социальной эволюции. С этой точки зрения социологические законы могут быть лишь «корреляциями более общих психологических законов; последнее объяснение коллективной жизни будет состоять в узаконении, каким образом она вытекает из человеческой природы вообще, в виде ее и из этого источника или непосредственном, без предварительных наблюдений, или же с помощью последних» [56, с. 256].

Ярким примером позитивистской методологии Э. Дюркгейма является его социологический этюд «Самоубийство» (1897), посвященный анализу самоубийства как социального явления. В этой работе Дюркгейм продолжает отвергать попытки объяснения исследуемого феномена внесоциальными факторами: психологическими, психопатологическими, климатическими, сезонными и т. п. По мнению французского ученого, лишь с помощью строгих социологических методов можно объяснить феномен самоубийств, их качественные и количественные проявления, наблюдаемые в разных странах и в разное время. Выявляя связь самоубийств с принадлежностью к оп-

ределенным социальным группам, Э. Дюркгейм определяет зависимость числа самоубийств от степени ценностно-нормативной интеграции общества (социальной группы). В результате Дюркгейм говорит о трех основных типах самоубийств, которые обусловлены различной силой влияния социальных норм на индивида: эгоистическое, альтруистическое и анемическое. Мы не будем подробно останавливаться на характеристиках данных типов, а лишь рассмотрим структуру применения метода их исследования.

Причины совершения различных типов самоубийств французский социолог видит в специфических условиях его осуществления, а классифицируя причины совершения самоубийства, можно вывести социальные условия, от которых оно зависит. Дюркгейм говорит: «Затем мы сгруппируем условия по их сходству и различию в отдельные классы и можем быть тогда уверенными в том, что каждый такой класс будет соответствовать определенному типу самоубийств. Одним словом, наша классификация будет этиологической, вместо того чтобы быть только морфологической» [57, с. 42]. Другими словами, исследователь должен рассмотреть причины социального явления, а затем перейти к тому, как они отражаются на конкретных индивидах. При этом важной особенностью является то, что исследование причин не должно учитывать мотивы и идеи индивида, а лишь рассматривать различные состояния социальной среды, под влиянием которых изменяется процент самоубийств: религия, семья, политика, и т. д. Затем социолог может вернуться к индивиду и рассмотреть, каким образом индивидуализируются эти общие причины, вызывая конкретные акты самоубийства. Таким образом, «Дюркгейм в социологическом исследовании предлагает использовать телеологический метод, представляющий причинно-следственную связь через формы деятельности и сознания» [158, с. 26].

Итак, мы можем отметить, что метод социальных наук, предложенный Э. Дюркгеймом, отвечает нескольким критериям натуралистической исследовательской стратегии. Во-первых, его метод имеет автономный характер, т. е. полностью свободен от затрудняющих познание мировоззренческих факторов. Во-вторых, он ориентирован на объективность, т. е. нацеливает исследователя на рассмотрение социальных фактов, и требует соблюдения принципа экономии мышления. Наконец, третья характерная черта дюркгеймовского метода: он является строго социологическим. Объективистская методология Дюркгейма стала основой социологической парадигмы, которая описы-

вала социальные, а затем и гуманитарные науки исходя из методологических принципов естествознания, то есть описания их объектов с помощью количественных методов, требуя наблюдать социальные факты как вещи в их обязательности.

В отличие от натуралистического подхода, проповедуемого позитивистски настроенными философами и методологами, последующая гносеология критически оценила возможность применения естественнонаучных и точных методов при описании явлений истории и культуры. Речь идет об одном из самых мощных культурцентристских направлений конца XIX – начала XX в. – неокантианской философии. Несомненно, объективистские взгляды Дюркгейма не могли не оказать влияние на философские взгляды неокантианцев в их дискуссии о кардинальном различии между стилями обобщения в естествознании и гуманитарных науках. Неокантианцы, прежде всего представители Баденской школы, указывали на тот факт, что методологическая деятельность ученого подчиняется не только идеалу объективности. Объективные явления внешнего мира не детерминируют внутренние принципы жизнедеятельности человека и общества, следовательно, ученый должен апеллировать не к количественным методам и единичным фактам, а к эмпатии, вживанию, интуиции и пониманию другого «Я». Обратимся к краткому обзору идей неокантианцев, а также их методологии, утвердившейся на принципе жесткого противопоставления «наук о природе» и «наук о духе».

Неокантианство получило широкое распространение в Европе в конце XIX – начале XX в. и не было однородно в основных тенденциях и школах. Самыми крупными из них оказались две: Баденская во главе с Вильгельмом Виндельбандом (1848–1915) и Генрихом Риккертом (1863–1936) и Марбургская, представленная Германом Когеном (1842–1918), Паулем Наторпом (1854–1924), Эрнстом Кассирером (1874–1945), Рудольфом Штаммлером (1856–1938) и др. Особого внимания заслуживает тот исторический фон, на котором возникло неокантианство. Дело в том, что в философской традиции последней трети XIX в. преобладающее влияние получили направления, занимавшиеся главным образом гносеологией и методологией, т. е. проблемами не бытия, а познания. Одной из важнейших закономерностей развития науки, выявленных неокантианцами, является то, что наука в процессе своего развития предстает как все более углубляющаяся рационализация знания. Это выражается, согласно неокантианцам, в том, что наука освобождается от умозрительного момента,

от опоры на созерцание и начинает осознавать логическую функцию установления связей как свою основную функцию. Рационализация научного знания выступает как одна из важнейших закономерностей в ходе развития науки.

Представители неокантианства акцентировали внимание на эпистемологической стороне кантианства, сосредоточившись на проблематике ценностей и методологии наук гуманитарного цикла. Подробнее рассмотрим взгляды представителей Баденской школы неокантианства на проблему обособления естественных и гуманитарных наук. Проводя демаркацию между естественнонаучным и гуманитарным познанием, Виндельбанд, а позднее Риккерт взяли за основу для классификации не предмет, а метод. Принципом деления должен служить «формальный характер познавательных целей наук» [133, с. 69–71]. Согласно представителям Баденской школы, естественные науки открывают общие законы, гуманитарные – отдельные факты и события. Первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было. В. Виндельбанд устанавливает различие двух основных методов научного познания, двух типов мышления – номотетического, законополагающего, и идеографического, описывающего особенное. В рамках неокантианской философской традиции метод идеографической абстракции представляет собой один из логических полюсов методологии, другой представлен методом номотетическим, который используют науки, изучающие общие законы природы с помощью эксперимента и объяснения. В реальном исследовании предполагается сосуществование обоих методов при доминировании одного из них. Хотя оба метода применимы как в естествознании, так и в исторических науках, индивидуализирующий метод доминирует именно в исторических науках, под которыми понимаются науки о возникновении принципиально нового как в природе, так и в обществе.

Наиболее последовательно дискуссия о методологических различиях между гуманитарными и естественными науками проводилась Генрихом Риккертом (1863–1936). Можно согласиться с некоторыми авторами, что Г. Риккерт не повезло с оценками его творчества в последующей философской традиции – его взгляды критиковали как в «идеалистической» западной философии, так и в марксистской литературе [191, с. 5]. В начале XX в. произведения немецкого мыслителя были очень популярны, в том числе и в России, однако начиная с 20-х гг. интерес к его творчеству заметно снизился, уступив место работам

продолжателей неокантианской традиции в социологии – М. Вебера, А. Шюца и др.

Генрих Риккерт продолжил традицию, заданную В. Виндельбаном, но его философские взгляды на гуманитарную методологию представлены в более развернутом виде. Свою основную задачу Г. Риккерт видел в объяснении специфического характера исторической науки, который выражался как в предмете, так и в методе. Для него предмет методологии – не мир психических переживаний ученого, а общезначимые логические процедуры образования научных понятий. Главной задачей методологической рефлексии «наук о культуре» Риккерт считал обоснование рационалистического метода «их изучения», позволяющего удерживать в понятии ценность индивидуального, с одной стороны, и гарантирующего рациональный результат – с другой. Своеобразие гуманитарных наук немецкий философ также усматривал в идеографичности индивидуальных событий человеческой жизни, но он углубил анализ оппозиции естественных и гуманитарных наук, показав, что последние познают на основе ценностей. В противоположность иррационалистам Г. Риккерт подчеркивал рациональный характер процедуры исследования, осуществляемой с помощью индивидуализирующего метода. Индивидуальное, уникальное, исторически однократное для него – это то, что вполне постижимо логическими средствами, так что здесь нет необходимости апеллировать ни к иррациональной интуиции, ни к «вчувствованию», ни к «вживанию» и т. д.

Указывая на рационально-логический характер процедуры, осуществляемой в рамках индивидуализирующего метода, Риккерт дает понять, что этот метод в такой же мере отвечает требованию научности, как и метод генерализующий, ориентированный на выделение общего и повторяющегося, а не индивидуального и однократного [132, с. 315–316]. Он утверждает, что цель его учения об индивидуализирующем методе – это обосновать научный статус исторических наук и тем самым опровергнуть мысль о противоположности науки и истории. Общезначимость индивидуализирующего понятия, являющегося основной целью индивидуализирующего метода, обеспечивается тем, что оно отнесено к той или иной ценности, от которой получает удостоверение собственной объективности. Индивидуальный объект, выделенный среди бесконечного множества других и превращенный таким образом в предмет мыслительной обработки, получает свою общезначимость, не теряя при этом своей уникальности и

неповторимости лишь потому, что он выбран именно в свете общезначимых ценностей как имеющий определенный смысл. Индивидуальность, воссоздаваемая на основе индивидуализирующей абстракции, совершенно иная, чем та, которой она отмечена в «эмпирической действительности», взятой до ее мыслительной обработки в свете определенных ценностей. Г. Риккерт подчеркивал, что два типа научных методов различаются лишь по своей логической структуре, а в реальном исследовании они всегда сплетены друг с другом. Кроме того, оба эти метода находят свое применение как в естественных, так и в гуманитарных науках. Так, немецкий философ признает использование точных методов в изучении общества, например, в социологии и экономике, когда исследователя интересуют обобщенные типы явлений. В свою очередь, исторический метод приложим к исследованию уникальных природных объектов, например, в космогонии. В зависимости от приложения того или иного метода один и тот же объект может выступать и как отдельный случай, и как уникальный по значимости феномен культуры.

«Действительность становится природой, если мы рассматриваем ее с точки зрения индивидуального», – полагает Г. Риккерт [132, с. 92]. Таким образом, научные методы мыслятся как взаимодополняемые: метод естественных наук применим в обществознании, если исследователя интересуют закономерности или обобщенные типы, а исторический – в естествознании, в той мере, в какой исследователя привлекает неповторимая индивидуальность природного объекта. В данном случае Риккерт близок к идеям современной постнеклассической науки. Именно исследовательский интерес ученого конституирует объект исследования в предмет науки о природе или науки о духе. При этом социолог или экономист пользуется преимущественно обобщающим, номотетическим методом, логически не отличимым от естественнонаучного. Генерализирующий (номотетический) метод пригоден в науках, придерживающихся эссенциалистской установки, цель которых – теоретически представить наличное многообразие в виде научного закона.

Риккертская логика и методология исторического познания основана на онтологическом неприятии и гносеологической критике естественных наук. Согласно немецкому философу, естествознание не способно адекватно описывать действительность, а центральный тезис Риккерта гласит, что эмпирическая действительность есть «предел, которого никогда не способно перешагнуть естественнона-

учное образование понятий» [132, с. 210]. Хотя Риккерт формально признает равноправие естествознания и истории как двух одинаково возможных и необходимых логических методов образования понятий, однако в дальнейшем оказывается, что история имеет по сравнению с естественными науками существенное преимущество, ибо в истории преобразование действительности идет в направлении, которое совпадает с подлинным характером реальности. Этот тезис является ключевым для понимания методологии Риккерта и неокантианства в целом. Логика естествознания служит лишь возможностью к пониманию логики развития истории, которая является наиболее адекватной формой описания действительности. Согласно Г. Риккерту, история не дает копию действительности в строгом смысле этого слова, т. е. в качестве науки история наиболее близка к действительности и не ставит перед собой задачи рассказывать об индивидуальности процессов и явлений в смысле их простой разнородности. Предметом истории является сама действительность, само гетерогенное и индивидуальное бытие, только история есть единственная и подлинная наука о реальности. «История также нужна для образования понятий и для того, чтобы быть в состоянии давать познание, проводить границы в непрерывном течении действительного бытия, превращая его невообразимую разнородность в обозримую прерывность» [132, с. 210]. Тем самым Генрих Риккерт абсолютизирует онтологический аргумент в интерпретации природы гуманитарного знания. Гносеологическое различие в плоскости анализа методов образования понятий служит для баденцев лишь формальным способом размежевания видов знания.

Искомая спецификация предмета и метода исторической науки была найдена Риккертом в анализе ценностей как важнейшей характеристики гуманитарных наук. «Главной предпосылкой данного метода служит возможность приписать значимость тем или иным явлениям культуры. Немецкий философ не приемлет субъективизм, низводящий мир объектов до просто явления или распространяющий категории субъекта на всю действительность» [117, с. 37]. Во избежание субъективизма нужно подвести под субъект положительный фундамент, которым может быть только царство ценностей и значений, но не действительность субъекта [133, с. 31]. Мы видим, что, согласно неокантианской традиции, процедура теоретической концептуализации должна осуществляться в качестве метода отнесения к ценности. Ценностный эталон выступает критерием значимого в на-

личном культурном многообразии. Таким образом, относя феномен к ценности, гуманитарий открывает в нем не общее как основу повторяемости, а единичное или значимое. Главной предпосылкой идеографического метода, основанной на кантовских допущениях об упорядочивающей роли рассудка по отношению к эмпирическим данным, является возможность приписать значимость тем или иным явлениям культуры, а процедура теоретической концептуализации осуществляется как отнесение к ценности.

Генрих Риккерт постулировал принципиальное отличие отнесения к ценности как исследовательского метода «наук о культуре» от обыденно-практической оценки. Он трактовал оценку как атрибут эмпирической реальности, а ценность – как объект общезначимого трансцендентального мира, причем и то и другое коренится в структуре сознания. При этом процедура отнесения к ценности предстает как удержание в понятии характеристик изучаемого объекта, существенных с точки зрения определенной ценности. Выявляя значимое, исследователь уже основывается на всеобщем признании ценности, по мнению Г. Риккерта, гарантирующем наивысшую степень объективности, доступную наукам о культуре: «Имеются науки, целью которых является не установление естественных законов и даже вообще не образование общих понятий, – это исторические науки... Они хотят излагать действительность, которая никогда не бывает общей, но всегда индивидуальной, с точки зрения ее индивидуальности; и поскольку речь идет о последней, естественно-научное понятие оказывается бессильным, так как значение его основывается именно на исключении им всего индивидуального как несущественного» [133, с. 66–70]. Подобный идеалистический взгляд на природу науки связан с идеей о том, что «историческое и социальное бытие не существуют в качестве объективной сферы нашего опыта, а обязаны своему существованию интересу нашего логического мышления к индивидуальным фактам, уникальным и неповторимым явлениям исторического прошлого».

Мы видим, что принятие антинатуралистических тезисов в методологии Риккерта выражается в отсылке к кантовской эпистемологии. Риккертский «мир трансцендентных ценностей» является эквивалентом и в то же время расширением концепции априорных категорий И. Канта. Следует подчеркнуть следующее обстоятельство. Тот факт, что основной функцией анти-натуралистической методологической ориентации неокантианства стало расширение мировоз-

зренческой роли гуманитарных наук, не подрывает утверждение о том, что отдельные варианты предлагают жесткие методологические нормы и директивы. В целом такая ориентация обусловлена аксиологической валоризацией исследований в сфере культуры в качестве особого царства культуры. Главная заслуга парадигмы, предложенной неокантианством, прежде всего эпистемологией истории Г. Риккерта, сводится, во-первых, к тому, что она впервые обратила внимание на своеобразный характер общественно-культурного исследования и мировоззрения. Данный факт отличает ее от натуралистической парадигмы. Во-вторых, в рассуждениях неокантианцев проведена познавательно-аксиологическая валоризация исследований символической культуры. При этом «ценность, как и истина, является не свойством, а отношением между мыслью и действительностью» [62, с. 9]. Описание Генрихом Риккертом исследовательской деятельности историка является ответом на вопрос о том, как исторический материал трансформируется в сознании ученого в мировоззренческую (ценностную) картину прошлого. Мировоззренческая картина называется так прежде всего не потому, что она включает в себя единичную ценность, а потому, что она охватывает единичные факты, которые соотносятся с мировоззренческими ценностями. Этим отношением ценностей к действительности определяется высшая задача мировоззрения. Ценности связываются в отдельные причинно-следственные связи согласно критерию временного следствия и аксиологического подчинения. Тем самым становится возможным определение целого ряда фактов, стремящихся к максимальному осуществлению определенной мировоззренческой функции.

Выделение ценностей в качестве основы гуманитарной методологии, на наш взгляд, стало наиболее значимым философским достижением неокантианства. Г. Риккерт полагал, что рассмотрение благ и оценок как современности, так и прошлого с точки зрения значимости связанных с ними ценностей, т. е. попытки установить, заслуживало ли какое-нибудь «благо» действительно такого названия, являлось ли оно подлинным и по праву ли совершалась какая-нибудь оценка, – ничто из этого историка не интересует. «Я упоминаю об этом, – говорит Риккерт, – только для того, чтобы сказать, что исторические науки о культуре при исследовании благ и идей, вступающих к ним в отношении оценивающих субъектов, не могут дать на подобные вопросы никакого ответа. Это заставило бы их взыскать оценки, а оценивание не должно никогда входить в чисто историче-

ское понимание действительности» [133, с. 93]. Позднее Макс Вебер понимал это утверждение так, что речь идет только о весьма тривиальном требовании, сводившемся к тому, чтобы исследователь отчетливо разделял две группы гетерогенных проблем: установление эмпирических фактов (включая выявленную исследователем «оценивающую» позицию эмпирически исследуемых им людей), с одной стороны, и собственную практическую оценку, то есть свое суждение об этих фактах (в том числе и о превращенных в объект эмпирического исследования «оценках» людей), рассматривающее их как желательные или нежелательные, то есть свою в этом смысле оценивающую позицию, – с другой. Однако для неокантианства в чистом виде, представителями которого являлись Г. Риккерт и В. Виндельбанд, проблема была поставлена более сложным образом – через отнесение к ценностям.

Однако, определяя специфику гуманитарных наук через метод, неокантианцы не уделили должного внимания противоположности способов образования понятий в естественном и гуманитарном познании. В гуманитарных науках понятия образуются телеологически, благодаря индивидуализирующему методу. Индивидуальное у неокантианцев противопоставлено общему. По словам российского историка А. С. Лаппо-Данилевского, «теория исторического знания, построенная с идеографической точки зрения, не должна приводить к смешению двух принципиально разных точек зрения, с которых один и тот же ученый может изучать эмпирически данную ему действительность» [93, с. 230]. Схема индивидуальное – общее существует только в их логических построениях истории, не проецируя на ту действительность, которую, по их утверждению, должна познавать историческая наука. Согласно мнению Юргена Хабермаса, ошибка Г. Риккерта состоит в недооценке диалектики особенного и всеобщего, т. е. философия неокантианства представляет вариант методологического номинализма [181]. Проведенный неокантианцами анализ специфики методов в естественных и гуманитарных науках выявил в них больше общего, чем различий. И отнесение к общему (сущности), и отнесение к ценности (значимому) неявно апеллируют к трансцендентному, стоящему за гранью видимого, природы или истории. Вводя в качестве отличительной особенности методологии гуманитарных наук всеобщий характер ценностей, Г. Риккерт прибегает к трансцендентальному аргументу, не верифицируемому эмпирически и придающему его рассуждениям о методе характер изошренной

социальной метафизики. Тем самым, наделяя ценности всеобщим и необходимым характером, неокантианцы придали им статус мировоззренческих универсалий разума.

Анализируя социальные корни неокантианства, можно сделать вывод о пессимистическом характере выводов этой философии. Парадигма неокантианства имела, прежде всего, этическую ориентацию, ибо мир «трансцендентного смысла» есть мир долженствования, обращенный своими императивами к миру свершающегося, но никогда не находящийся в нем своего полного свершения. Тем самым Генрих Риккерт приходит к идее исторического и культурного пессимизма; он исходит из убеждения в том, что истинное свершение или реализация должного в форме ценностей неосуществимы в ходе истории. Риккерт не смог решить проблему должного и сущего, сформулированную Кантом, а попытка снятия противоречий между материализмом и идеализмом путем построения философской теории ценностей лишь абсолютизировала формально-логическую проблему различий между естественнонаучным и социально-гуманитарным познанием.

Методология неокантианцев стала первоисточником противопоставления естественных и гуманитарных наук, несовместимых между собой как по методологическим, так и по онтологическим основаниям. Эпистемологически взаимоисключающие ряды наук позволили, с одной стороны, выработать собственные черты парадигмальности в противовес естественнонаучной культуре. Однако использование методов идиографизации и индивидуализации, которые противопоставлялись неокантианцами методу рационального объяснения, привело к субъективизму при интерпретации гуманитарных явлений. Понимание как метод превратилось в произвольную исследовательскую установку, где процедуры интерпретации объекта целиком зависели от «сферы ценностей». В конечном итоге гуманитарные науки так и не сумели сформировать черты «нормальной» науки, поэтому взгляды неокантианцев на философию гуманитарных наук, на наш взгляд, следует называть «квазипарадигмальными» (от лат. *quasi* – мнимый, схожий). Взгляды философов Баденской школы (В. Виндельбанда,

Г. Риккерта), казалось, должны были возродить интерес к социально-гуманитарному познанию, однако, поставив во главу угла гносеологическую проблематику и особо подчеркивая методологическое различие «наук о природе» от «наук о культуре», неокантианцы лишь усилили пропасть между двумя формами познания.

Тем не менее «ценностная» парадигма неокантианства значительно повлияла на философские размышления о характере культурно-исторического процесса, о месте и роли человека в нем. Методологическая программа неокантианцев, идеи понимающей социологии М. Вебера, философия «наук о духе» В. Дильтея и другие классические работы по методологии социально-гуманитарного познания на длительное время определили эпистемологическую конфигурацию гуманитарных дисциплин в системе научных знаний. Выработанные неокантианцами идеи представляют собой источник, из которого пытаются развиваться новые конкурирующие между собой парадигмы гуманитарных наук: «объясняющая» (позитивистская, натуралистическая), технологическая парадигма развития (синергетика и междисциплинарные исследования), герменевтика, структурализм и связанные с этими подходами «лингвистический поворот», а также постмодернизм как особая форма внепарадигмального развития.

Дальнейший процесс исторического развития науки внес свои коррективы в проблему принципиального дуализма сферы ценностей (гуманитаристика) и сферы бытия (естествознание). В современной трактовке социально-гуманитарного знания отчетливо прослеживается отказ от ориентации на классическое естествознание как единственный и абсолютный идеал научности. Если для XIX в. скорее был характерен культ естественных наук, а гуманитарные в известной мере рассматривались как неполноценные по причине присущей им «неточности», отсутствия математического аппарата и других особенностей, то в философии и методологии науки XX в. постепенно произошла переоценка ценностей. С одной стороны, само естествознание обнаружило, что в целом оно не в состоянии достичь идеала безупречной однозначности, строгости и точности. В то же время попытки построить социально-гуманитарное знание в полном соответствии со стандартом естествознания также не привели к успеху – были обнаружены такие черты социально-гуманитарной науки, которые невозможно исключить без риска утраты ею своего культурного, общественного и познавательного значения. Тем самым мы видим, что истоки гуманитарной науки уходят к двум противоположным исследовательским тенденциям – натуралистической и культурцентристской исследовательским стратегиям, которые также можно обозначить термином «парадигма». Однако как первая (позитивизм), так и вторая стратегии (философия неокантианцев и В. Дильтея) так и не смогли достигнуть поставленных перед собой целей. Попытки превратить социально-гуманитарное знание в «позитивную» науку, так

же как и снять метафизическое противопоставление между природой и духом, закончились неудачно.

ГЛАВА II. СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В середине XIX в. в социально-гуманитарной научной традиции обозначился явный прогрессивный сдвиг, выразившийся не только в появлении новых дисциплин (социологии, религиоведении, лингвистики, психологии), но и в возрождении интереса к традиционным наукам (история, экономика, право). Возникла ситуация сравнительного осмысления методов естественнонаучной культуры, правил и операций гуманитарного мышления. Как мы уже отмечали, философы выработали несколько возможных парадигм гуманитарного познания. Наиболее радикальную позицию высказали некоторые представители «философии жизни» (Фридрих Ницше, Вильгельм Дильтей, Анри Бергсон и др.), которые преуменьшали или вовсе отвергали познавательную ценность естествознания. Никаких объективных фактов не существует, «факт в себе» есть бессмыслица. Так, согласно видному представителю «философии жизни» Георгу Зиммелю (1858–1918), жизнь представляет собой непрерывный поток переживаний, но сами эти переживания культурно-исторически обусловлены [61]. Если естествознание гордится тем, что оно объясняет факты, то это не более чем иллюзия. Человек пребывает прежде всего не в физической реальности, а в духовной; он познает то, что задается набором ценностей, следовательно, любое познание есть истолкование и интерпретация смыслов в определенной ценностной перспективе.

Более умеренная позиция была выработана неокантианством и В. Дильтеем, обосновавшим оппозицию «объяснение (науки о природе) – понимание (науки о культуре)». Если гуманитарные науки и искусство занимаются пониманием культурных ценностей, то философия берет на себя задачу истолкования смыслов. В дальнейшем проблеме методологического различия процедур истолкования и понимания феноменологической философской традицией было уделено значительное внимание. Оригинальное решение было предложено российским мыслителем Густавом Шпетом (1879–1937). Согласно ему, смысл и значение производятся самими людьми как особыми социальными субъектами [189, с. 304]. Динамику смысла способна обеспечить герменевтика как особое искусство, сочетающее в себе чувственное и рациональное усилие познающего субъекта.

На рубеже XX–XXI вв. возникли основания осмыслить принципиальное сходство естественных и гуманитарных наук на основании существования для них единого корня – рационального освоения мира человеком. Кроме того, стоит указать на синергетику, которая может выступать в качестве универсальной методологии, интегрирующей гуманитарное и естественнонаучное познание. Одна из наших задач заключается в том, чтобы показать, что не только в гуманитарных науках, но и науке вообще «истина» относительна, но ее плюралистичность и интервальность не исключает того, что «истины» могут образовывать сложные смысловые конфигурации. На наш взгляд, цели ученого-гуманитария сводятся к ценностному истолкованию исследуемой реальности, наделению ее смыслом, который сопричастен как отдельной личности, так и всей человеческой культуре. Все это откладывает особый отпечаток на структуру методологического поиска внутри гуманитарного исследования, характерные черты которого мы рассмотрим в данной главе.

2.1. Методологический базис гуманитарного знания: правила, операции, познавательные средства

Настало время рассмотреть структуру научного метода и особенности его функционирования в гуманитарных науках. Для этого мы обратимся к результатам нашего диссертационного исследования, а также к идеям технологической концепции мышления [158], [194], [195], [196].

Технологическая концепция научного мышления, предложенная отечественным философом и методологом науки В. Ф. Юловым, позволяет учитывать результаты философской дискуссии о рациональности научного познания. Данный подход дает возможность проведения полноценного методологического анализа исследовательских способностей ученого. Основное внимание технологической концепции акцентировано на динамической взаимосвязи проблемы и метода, которую можно выразить триадной формулой: «проблема – метод – результат». В более развернутом виде она реализуется в следующем алгоритме: 1) фиксации предмета исследования и постановка проблемы; 2) формирование метода; 3) применение метода к проблеме и оценке полученного результата. Вслед за В. Ф. Юловым мы полагаем, что такая активность научного сознания, несмотря на некий

схематизм, носит универсальный характер. Как мы уже указывали, проблемно-инструментальные основания концепции технологического способа мышления подробно описаны в работах В. Ф. Юлова [194], [196]. Поэтому мы не будем подробно их пересказывать, а лишь укажем на следующий момент. В работах В. Ф. Юлова выделяются две основные формы активности научного мышления: ценностно-регулятивная и инструментальная [194, с. 5]. Обе компоненты рассматриваются по отношению к активности естественнонаучного сознания, а механизм функционирования научного метода развернут на богатом историческом материале естественных наук, прежде всего физики. На наш взгляд, такой подход эффективен и применим в анализе не только специфики естественнонаучного поиска, но и работы метода в гуманитарном исследовании. Сохраняя концептуальные идеи В. Ф. Юлова, мы постараемся проследить механизм научного творчества в гуманитарном исследовании, сделав акцент на неявных связях ценностного и когнитивного в активности социально-гуманитарного сознания.

Известно, что научный метод – одна из ключевых гносеологических категорий и нельзя вступать на путь ограничения его общности, т. е. многообразие методов можно учесть, не теряя их единства. В качестве универсального признака, который следует положить в основу определения, выступает функция метода – быть средством решения проблемы. Для научного познания это дает широкий содержательный критерий отбора. В его ракурсе у метода выявляется интегральная структура из трех основных уровней: 1) объектные и субъектные теории; 2) методологические и методические правила; 3) мыслительные операции [194, с. 32]. «Эффективность применения любого метода оценивается с помощью универсальных критериев: понятийная связность, логическая непротиворечивость, рациональность, относительная простота» [195, с. 114]. Можно предположить, что перечисленные признаки метода должны выступать идеалами не только в сфере естествознания, но и в области социально-гуманитарного знания. Однако динамика научного метода, его структурные элементы (правила и стиль мышления), а также связь с проблемным материалом в гуманитарном исследовании имеет свои отличительные черты.

Известно, что любое исследование начинается с выделения проблемного материала. Проблемное знание представляет в сознании исследователя предмет мышления, то есть то, о чем следует размышлять. В естественных и точных науках проблемное знание выступает

в виде логических противоречий. Значение проблемного материала в гуманитарном исследовании имеет свою специфику. Как и в мировоззрении, это содержание своеобразно тем, что формируется зачастую из ценностных представлений и категорий, дающих смысловую несвязность. Если ученый-естествоиспытатель стремится к получению истины, то есть объективно понятого значения, то гуманитарий получает истины-смыслы. Следовательно, проблема гуманитарного материала состоит в открытии таких знаний, которые содержат потенции смыслов. В гуманитарных науках, в отличие от естественнонаучных, идет постоянная рефлексия над проблемным полем исследования, работает постоянная переоценка как проблемного материала выбранных методов, так и полученных результатов. Следовательно, гуманитарное исследование представляет собой бесконечный процесс меняющихся смыслов. Большое значение в «изменчивости» гуманитарного знания играет феномен исторической дистанции. Гуманитарию требуется включить изучаемый материал в контекст современности с одновременной истинностной оценкой понятий символов. Их принятие происходит с господствующими мировоззренческими установками, которые преломляются в личностном сознании исследователя. Примером может служить любой текстовый материал прошлого.

По мнению выдающегося русского философа Михаила Бахтина, «мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того “великого Шекспира”, которого мы теперь знаем» [20, с. 331]. «Подобная близость любого гуманитарного исследования, например, исторического повествования или литературоведческого анализа, к литературному жанру, дает основания для опасений по поводу доказательности знания. В герменевтике Г.-Х. Гадамера данный феномен обозначен понятием “исторического горизонта”. Совокупность исторических горизонтов образует один большой «внутренне подвижный горизонт, который, выходя за рамки современности, охватывает исторические глубины нашего самосознания» [37, с. 331]. По мнению отечественного методолога В. П. Кохановского, проблемно-инструментальное исследование в сфере гуманитарного знания может быть охарактеризовано как ценностно-смысловое освоение и воспроизведение человеческого бытия [84]. Действительно, если мы берем в качестве примера историческое исследование, то мы видим, что исторический объект имеет в значительной степени мировоззренческую структуру, поэтому оценка историка неминуемо исходит из потребности в раскрытии этических, эстетических, религиозных и иных ценностных аспектов прошлого.

Если метод субъективен, то проблема объективна. Эта бинарная оппозиция фиксируется в индивидуальном сознании ученого. Если предметом гуманитарного исследования выступает значимый для человека материал, превосходящий конкретные природные значения, то объектом гуманитарного знания является пространство человеческих ценностей, значений и смыслов. Следовательно, акт проблематизации в гуманитарных науках строится на ценностной селекции, далекой от жестких норм и алгоритмов. Итак, мы можем утверждать, что цель проблемного поиска в гуманитарном исследовании состоит в следующем: 1) понять смысл изучаемого; 2) включить его в контекст современности. Таким образом, включенность субъекта в объект социально-гуманитарного познания определяет его аксиологическую детерминацию.

Решение исследовательских проблем возможно только на основе метода. Если проблема определяет объект мышления, то метод диктует способы его постижения для получения необходимого результата. Следовательно, сравнение наличной познавательной проблемы с необходимым идеальным состоянием и уже имеющимися образцами ранее решенных проблем задает магистральный путь решения: «В качестве методов оценивания действуют исторически сложившиеся целевые образцы знаний-результатов. Центральную линию здесь определила логическая культура, в рамках которой возникли ключевые идеалы когнитивной связанности и непротиворечивости. Эти нормы вместе со своими частными и особыми вариантами стали ведущими методами проблематизации. Если некоторое знание в качестве предмета оценивания соответствует образцам, оно квалифицируется в виде нормативного и рационального продукта. Любое отклонение от идеалов расценивается как иррациональное образование. Такие фрагменты знания отделяются от нормальных структур и становятся содержанием проблем» [195, с. 71–72].

Когда выявлено проблемное поле исследования, то внимание исследователя центрируется на нем, а научный метод, формируемый в интеллекте, остается на периферии внимания и ускользает от сознательной фиксации. По словам В. Ф. Юлова, «из поля внимания может выпадать большая часть инструментального этапа, где из проблемного материала метод производит результат. Но на фоне непрерывного слежения за проблемой внезапная фиксация результата дает эффект инсайта» [195, с. 234]. Следовательно, сознание, а точнее, психика ученого, представленная как набор определенных эмоциональных ре-

акций и предпочтений, ориентирована в большей степени на идеальную сторону ценности – на определенные цели, задачи и образцы. Если же «предмет оценивается в виде задачи и формулируется в вопросной форме, мы имеем начало мышления, где конституируются особые акты формирования метода и его применения» [195, с. 77]. Здесь важную роль играет теоретическая составляющая научного метода, задающая ключевые для исследователя представления о мире, позволяющие находить связи между наблюдаемыми фактами. Эти связи и являются, в свою очередь, важнейшим информационным продуктом исследования, а в дальнейшем – основой исследовательского метода, применимого к другим проблемам данной дисциплины.

Мы упоминали, что, согласно В. Ф. Юлову, научный метод имеет интегральную структуру и включает в себя: 1) объектные и субъектные теории; 2) методологические правила; 3) мыслительные операции. Известно, что любой научный метод формируется на базе определенного теоретического знания, которое выступает его нормативной предпосылкой. Значение и эффективность метода обусловлены содержательной глубиной и фундаментальностью теории. В свою очередь, научный метод используется для дальнейшего развития научной теории. Таким образом, теория и метод представляют собой две стороны одной медали. Их схожесть состоит в том, что они взаимосвязаны, отражая в своем единстве аспекты наличной реальности. Действуя по принципу дополнительности, теория и метод едины в своем взаимодействии, не отделены жестко друг от друга и в то же время не есть непосредственно одно и то же.

Развитие теории и совершенствование методов исследования и преобразования действительности, по существу, один и тот же процесс с этими двумя неразрывно связанными сторонами. Не только теория резюмируется в методах, но и методы разворачиваются в теорию, оказывают существенное воздействие на ее формирование и на ход практики. Однако нельзя полностью отождествлять научную теорию и методы познания и утверждать, что всякая теория и есть вместе с тем метод познания и действия. Метод не тождествен прямо и непосредственно теории, а теория не является непосредственно методом, ибо не она есть метод познания, а необходимо вытекающие из нее методологические установки, требования, регулятивы. Таким образом, теории, законы, категории и другие абстракции еще не составляют метода. Чтобы выполнять методологическую функцию, они должны быть соответствующим образом трансформированы, преоб-

разованы из объяснительных положений теории в деятельные операции мышления.

Метод не «подстраивается» под предмет исследования, а изменяется в соответствии с его спецификой. Процесс исследования предполагает тщательное знание фактов и других данных, относящихся к его предмету, – оно осуществляется как движение в определенном материале, изучение его особенностей, связей, отношений и т. п. Таким образом, правильность метода всегда детерминирована содержанием предмета. Поэтому метод всегда был и есть «сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания», «сам себя конструирующий путь науки» [41, с. 251]. Такое понимание для развития гуманитарной науки остается важным и актуальным, так как оно неотделимо связано с вопросом природы исследуемого объекта и его неразрывной связи с субъектом. Метод в гуманитарном исследовании не следует отождествлять с неким набором предписаний и средств, на основе которых можно решить исследовательские задачи: не только в гуманитарных, но и естественных и точных науках метод не является жестким алгоритмом действий ученого. Использование конкретного метода в различных условиях вовсе не означает автоматического копирования и бездумного переноса действий из одной ситуации на другую. Не существует метода, который можно было бы систематически применять для достижения конкретной цели. Здесь уместно вспомнить высказывание Г.-Х. Гадамера о том, что «не существует метода, который позволил бы научиться спрашивать, научиться видеть проблематически» [37, с. 28]. Отсюда следует, что процедура проблематизации для гуманитарных наук гораздо сложнее, чем для естественных и математических наук.

Метод существует и развивается только в сложной диалектике субъективного и объективного. При этом считается, что определяющая роль отводится последней. Конечно, метод в гуманитарном исследовании, как и в естественнонаучном познании, объективен и фактичен, но вместе с тем он субъективен, что выражается в том, что на основе объективной стороны (познанные закономерности исторической действительности) формулируются определенные принципы, правила и регулятивы. Значимая роль субъективных факторов метода в гуманитарных науках объясняется их спецификой, тем, что «носителем метода является конкретный индивид, субъект, для которого, собственно говоря, данный метод и предназначен» [161, с. 63]. Следовательно, справедлив вывод о том, что метод является «деятельностной структурой индивидуального сознания» [68, с. 60–61]. Тем не

менее «все методы, какими бы различными не были, обладают общим свойством, быть применением знания» [16, с. 59].

Интегральность научного метода заключается, на наш взгляд, в том, что его нельзя описывать в форме чистых абстракций (гуманитарное познание) или, напротив, в качестве жестких алгоритмов (естественнонаучное и математическое познание). Метод «бытийствует» лишь в условиях сознания своего носителя: личности философа, ученого, профессионального научного сообщества, производственного коллектива и т. п. Любой метод всегда «замыкается на конкретный субъект, а включенность субъекта в структуру метода объясняет его эвристический характер, который направлен не только на научные открытия, но и на фиксацию новизны в интеллектуальной культуре» [161, с. 63]. Такие специфические методы гуманитарных наук, как диалог, понимание и герменевтические процедуры истолкования текста, мы рассмотрим в третьей главе.

Для неклассической эпистемологии методология гуманитарных наук также стала продуктом теоретического, критического и философского осмысления. В процессе развития науки стало совершенно очевидным, что важнейшим компонентом, детерминирующим научное исследование, является разработка методов в самых различных сферах человеческой деятельности. С возникновением гуманитарных наук и формированием новой роли философии в диалоге с науками междисциплинарность принимает неклассические черты. Она проявляется не только в форме идейных и методологических заимствований из других наук, но как философская рефлексия, проблематизирующая как предмет, так и метод, а также конкретные темы, выходящие за границы одной дисциплины. При этом философский анализ познания начинает не просто усваивать представления, заимствованные из иных научных дисциплин, но включаться в методологические дискуссии по поводу понятий и проблем, значимых для эпистемологии [70, с. 5]. Появление неклассических черт в эпистемологии можно связать с лингвистическим поворотом в философии и появлением социальной эпистемологии. Изменение рамок классической рациональности позволило некоторым авторам предложить создание новой дисциплины, например новой эпистемологии у Стивена Тулмина [167] или новое понимание эпистемологии у Карла Поппера [122] и т. д.

Итоговая форма знаний относительна как в естествознании, так и в гуманитаристике. В гуманитарной сфере вновь полученное знание оценивается с позиций уже известных теорий, при этом используются

естественнонаучные (общенаучные) идеалы научных результатов. Если какой-то фрагмент знания противоречит данным-образцам, например идеалу завершенности, тогда следует вывод о его проблемности и необходимости дальнейшей доработки. Тем самым гуманитарные теории в силу сложности их предмета и объекта (проблем) могут перерабатываться бесконечно.

Установление ценностно-проблемной формы знания в гуманитарных науках сопряжено с деятельностью языка. Вопрос в виде высказываний фиксирует содержание научной проблемы – рассогласование знаний. В этой форме проблемы приобретают интересубъективность и с помощью коммуникации становятся достоянием научного сообщества. Текстовый надличностный статус создает ту иллюзию непричастности ученых к выдвижению проблем, которую разделял в своих работах Карл Поппер.

Согласно К. Попперу, в социально-гуманитарных науках, как и в естественных, должна применяться «общая» (формальная) логика. Однако для первой группы наук характерна ситуационная логика – «специальная логика познания социальных наук» («ситуационный анализ») [122, с. 367]. Необходимость применения в этих науках ситуационной логики обусловлена, согласно К. Попперу, тем, что социальные и гуманитарные науки стоят перед задачей объяснения невольных и часто не желаемых социальных человеческих действий, которые не могут быть объяснены средствами рациональной, общей (формальной) логики. Ситуационная логика как «метод объективного понимания» «подвергает анализу ситуацию действующего человека с тем, чтобы объяснить действие из ситуации, не прибегая к помощи психологии. Объективное понимание состоит в том, что мы видим, как поведение объективно соответствует ситуации», т. е. что это за человек, каковы его цели, какими теориями он руководствуется, какой информацией обладает и т. п. Иначе говоря, необходим конкретный анализ конкретной ситуации.

Полагая, что ситуационный анализ является важнейшим объективным методом социально-исторического познания, Поппер противопоставляет его «методам субъективного понимания» – психологизму, априоризму, интуитивизму и т. п. Под ситуационным анализом он подразумевает «определенный вид пробных или предположительных объяснений некоторого человеческого действия, апеллирующих к той ситуации, в которой находится человек, производящий действие» [122, с. 23]. По мнению Поппера, «творческое действие никогда нель-

зя полностью объяснить» [122, с. 16]. Однако это обстоятельство во все не исключает того, что «все же мы можем попытаться в виде предположения построить идеализированную конструкцию проблемной ситуации, в которой находился субъект действия. И в той мере, в какой нам это удастся, его действие станет “понимаемым” (или “доступным рациональному пониманию”), т. е. адекватным его той ситуации, какой он ее видел. Этот метод ситуационного анализа можно назвать “приложением принципа рациональности”» [122, с. 23]. Таким образом, ситуационный анализ – это метод не эмпирического, а теоретического исследования и одной из его задач является различение ситуации, какой ее видел познающий субъект, и ситуации, какой она была на самом деле.

По сути, в своих взглядах на методологию социально-гуманитарных наук и при их сравнении с естественнонаучным познанием Поппер исходит из эволюционной теории формирования и отбора научных концепций, следовательно, любая научная концепция может рассматриваться как своеобразный «организм», пытающийся выжить в определенной среде. На наш взгляд, эволюционный подход, предложенный К. Поппером, весьма эвристичен не только в естественных науках, но и гуманитарных. Во-первых, есть все основания полагать, что именно в рамках эволюции живого сформировался ряд принципиальных механизмов реакции человека на окружающую среду, в том числе и наука. Во-вторых, на принципах глобального эволюционизма, которые имманентно включают установку на объективное изучение саморазвивающихся объектов, возможно объединение естественных и гуманитарных наук. Соотнесение развития таких объектов с проблематикой места человека, учет включенности человека и его действий в функционирование подавляющего большинства исторически развивающихся систем, освоенных в человеческой деятельности, привносят в научное знание новый гуманистический смысл.

Развивая концепцию эволюционизма, К. Поппер предлагает метод фальсификации как способ «естественного отбора» конкурирующих научных гипотез. Согласно принципу фальсифицируемости, научная теория должна допускать эмпирическое опровержение: «От научной системы я не требую, чтобы она могла быть раз и навсегда выделена в позитивном смысле, но я требую, чтобы она имела такую логическую форму, которая делает возможным ее выделение в негативном смысле: для эмпирической научной системы должна существовать возможность быть опровергнутой опытом» [122, с. 63]. Согласно

фальсификационизму Поппера, наука прогрессирует от менее глубокой проблемы к более сложной. Модель роста научного знания выглядит следующим образом: 1) наука начинается с проблем; 2) научными объяснениями проблем выступают гипотезы; 3) гипотеза научна, если она в принципе фальсифицируема; 4) фальсификация гипотез обеспечивает устранение выявленных научных ошибок; 5) новая и более глубокая постановка проблем и выдвижение гипотез достигаются в результате критической дискуссии; 6) углубление проблем и гипотез (теорий) обеспечивает прогресс в науке, точнее рост научного знания [67, с. 274–275]. Естественно, что в концепции К. Поппера не находится места ценностным мировоззренческим элементам, которые следует отделять от научных проблем – истинности, релевантности, простоты. Следовательно, механизм развития научного знания у К. Поппера – это последовательная смена теорий путем их фальсификации, причем фальсифицированная теория элиминируется окончательно и ее реабилитация невозможна.

Вероятно, британский философ пытался решить задачу, которую до него безуспешно пытались решить позитивисты, – найти рациональный критерий демаркации научного и ненаучного. То, что фальсифицируемо, научно, причем научно именно в той степени, в которой фальсифицируемо, а все, что не фальсифицируемо, – это не научно. Но работает ли критерий Поппера только в сфере естественных наук или может быть применен в рамках социально-гуманитарных исследований?

По сути, возможность или невозможность осуществления эксперимента является, по К. Попперу, критерием научности или не научности теории, однако в социальных и гуманитарных дисциплинах эксперимент как метод либо крайне ограничен в применении, либо вовсе невозможен. В гуманитарных науках, например в истории, источники зачастую не могут ни подтвердить, ни опровергнуть ту или иную концептуальную идею, поскольку не являются равноценными эмпирическими данными, сравнимыми с таковыми в естествознании. Если мы рассматриваем исторические науки, то мы вынуждены признать, что в них не существует «нулевой гипотезы», поскольку всегда существуют различные варианты интерпретации источников как данных экспериментов с неизвестными условиями. Кроме того, следует рассматривать не закономерности истории в отражении на материальных носителях, а законы истории, т. е. направленность всего исторического процесса. Критерии «научной строгости», о которых гово-

рит Поппер, работают только там, где условия эксперимента контролируются экспериментатором. Если в гуманитарных науках человек исследует самого себя, то добиться независимости результатов эксперимента от заданных «условий» принципиально невозможно. На наш взгляд, в любой гуманитарной науке исследователь обращается не к истине как таковой, а лишь к вероятности того, что то или иное предположение верно, а затем вынужден выбирать между уровнями этих вероятностей. При этом подобный выбор будет во многом зависеть от мировоззренческого «бэкграунда» самого исследователя. Конечно, в исторической науке, как и любой гуманитарной науке, изучающей текстовые источники, существует эмпирический уровень, представленный материальными свидетельствами, но на данном уровне невозможно построить эксперимент по опровержению, так как пространство исторических закономерностей изначально негомогенно.

Кроме того, в гуманитарном познании действуют не только специфические, но и общенаучные методы, которые модифицируются с учетом специфики предмета гуманитарного исследования – общества, культуры и человека. Наиболее часто применяемый здесь метод – это метод наблюдения. Однако, в отличие от естественных наук, в гуманитарном исследовании результаты наблюдения в большей степени зависят от личности наблюдателя, его жизненных установок, ценностных ориентаций. Поэтому в гуманитарном познании можно различать обычное наблюдение, когда факты и события регистрируются со стороны, и соучаствующее (интенциональное) наблюдение, когда исследователь включается, «вживается» в определенную социальную среду, адаптируется к ней и анализирует события «изнутри». Например, в психологии (науке, которая соединяет в себе элементы естественных, социальных и гуманитарных исследований) давно применяются такие специфические формы наблюдения, как самонаблюдение (интроспекция) и эмпатия. Интроспекция – это осознанное, систематическое наблюдение за действиями собственной психики с целью выявления ее особенностей. Для преодоления субъективизма самонаблюдение должно сочетаться с внешним наблюдением («со стороны»). Эмпатия – это способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки, т. е. проникновение в переживания других людей. Таким образом, «эмпатия есть восприятие внутреннего мира другого человека как целостное, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков, сопереживание его духовной жизни» [130, с. 463]. Она позволяет чувство-

вать себя как бы другим, как бы жить жизнью других. Разновидность включенного наблюдения используется в методологии этнографии, суть которой состоит в том, чтобы «результаты описания и наблюдения социальных явлений и событий дополнить идеей их понимания» [115, с. 211–226]. Мы видим, что перечисленные методы находят все более широкое применение в этнографии, социальной антропологии, социологии и культурологии и других социальных и гуманитарных дисциплинах.

В социальном и гуманитарном познании также нашли применение и классические методы естествознания: классификация и типологизация. С развитием неклассического типа рациональности типологизирующая методология стала претендовать на универсальное значение для гуманитарного познания. Макс Вебер предложил категорию «идеальный тип», задав определенное направление для дискуссий в гуманитарном научном сообществе. Типологический метод в социальных науках основан на введении понятия «тип» и типологическом обобщении и описании. Этот метод принадлежит к одной из форм обобщения и идеализации – важному методологическому средству научного познания и гуманитарных наук, в частности. Так, один из основоположников дескриптивной лингвистики Э. Сепир выступал в защиту изучения типов языковых структур. Он считал, что языковые изменения происходят не хаотичным, случайным образом, а регулируются некоторым механизмом, тесно связанным с внутренней структурой языка. Понять природу этого механизма невозможно, не подобрав ключи к сути языковой структуры. Необходимо «понять язык в его истинной сущности» [114, с. 120], Э. Сепир не уравнивает элементы языковой структуры – он последовательно проводит мысль, что языковая структура устроена иерархически, в ней имеются более внешние, поверхностные и более глубинные элементы. Именно элементы второго типа в наибольшей мере ответственны за формирование типа языковой структуры, и именно эти элементы должны учитываться в типологических классификациях.

Классификация группирует объекты на основе сходства и различия. Систематизация группирует и связывает полученные классы объектов. Типологическое обобщение и описание осуществляется разными способами в зависимости от того, как трактуется тип. Классификация продвигается от общего к частному (дедукция). Типология стремится от отдельных разрозненных признаков выйти на некоторый уровень общности (индукция). Если классификация предприни-

мает секущее, аналитическое продвижение, цель которого – дойти до возможно мелких элементов, то в типологии движение индуктивно-конструктивное, синтетическое. Здесь мы строим некие связные комплексы, причем предельные неделимые элементы этих комплексов могут нас особо и не интересовать. Таким образом, типология, решая задачу выделения подмножеств, несет функцию конструирования, построения, задания объемов. Классификация опирается на основание деления, типология – на некоторый исходный материал, который можно назвать типологической базой признаков; при этом признаки, входящие в базу, могут пересматриваться, расширяться, уточняться. Результатом классификации оказывается формальная иерархия подмножеств, результатом типологии – логически разноуровневые типы. В классификации задача считается выполненной, если универсум оказывается исчерпывающе структурирован. Так, Николай Яковлевич Данилевский выделял понятие культурно-исторических типов для характеристик локальных культур [46]. О. Шпенглер типологизировал культуры на основе присущей им «души» – аполоновская культура античности, мистическая культура Востока, фаустовская культура Запада [188]. Тем самым мы видим, что типологии и классификации широко применяются при сравнительно-историческом изучении обществ и культур.

Следует перечислить некоторые специфические методы, характерные именно для гуманитарного познания. В рамках неклассической парадигмы научной рациональности особое внимание уделяется не только пониманию, но и понятийному объяснению. С методом понимания схож метод диалога, представляющий по своей сути «вопросно-ответный» метод. Во многих гуманитарных дисциплинах (истории, литературоведении, этнографии, лингвистике и пр.) широко применяются биографический и автобиографический методы, а также метод анализа документов – качественный и количественный (контент-анализ). Также одним из основополагающих методов (особенно в материалистической философской традиции) можно считать диалектический метод, то есть структуризацию универсума на противоположные предметы, свойства и отношения, выделение из этого множества базового противоречия, последующую реконструкцию всех противоположностей универсума и усложнение исходного противоречия.

Основополагающими методами социальных наук с момента их формирования стали методы опроса, тестирования, проектирования

(характерные для психологии), игровые методы, применяемые при выработке управленческих решений. Здесь также можно перечислить методы, непосредственно использующие результаты естествознания и служащие вспомогательным средством для ответа на конкретные вопросы, возникающие в ходе гуманитарного исследования (точные методы установления возраста документа, восстановления хронологии исторических событий, химический и биохимический анализ археологического материала и т. п.).

Если гуманитарий развивает ценностно-смысловой тип знаний, то помимо общенаучных и логических методов исследования он должен использовать методологию философского познания. Однако по отношению к общефилософским методам по-прежнему сохраняется скептическая оценка. На наш взгляд, не следует абсолютизировать действенный характер философских методов, однако следует учитывать их регулятивный характер. В гуманитарной сфере исследования применение философских методов – диалектики, философских метафор и моделей, рефлексии и других – связано прежде всего с выработкой общей стратегии действий в конкретной познавательной ситуации, что может определить итоговый результат знания. Утверждение, что «чем более общим является метод научного познания, тем он неопределеннее в отношении предписания конкретных шагов познания, тем более велика его неоднозначность в определении конечных результатов исследования» [85, с. 13], на наш взгляд, справедливо по отношению к естественным наукам, но не так однозначно для гуманитарных дисциплин.

Как мы уже неоднократно указывали, спецификой гуманитарного познания считается нацеленность на изучение внутреннего мира человека и самоидентификация его как другого – таково современное понимание. В гуманитарном знании нет отражения объективных законов, законов исторического развития, так как человек – существо со свободной волей, хотя и зависит от природных, климатических, политических и других условий. Специфика любого метода определяется его предметом, т. е. тем, что именно исследуется (отдельные объекты или классы объектов). В качестве формы исследования той и иной деятельности научный метод не может оставаться неизменным, а вынужден меняться вместе с предметом, который он изучает. В свою очередь, это означает, что истинным должен быть не только конечный результат познания, но и ведущий к нему путь, т. е. сам метод. Кроме того, в гуманитарном исследовании в большей степени,

чем в естественнонаучном знании, огромное значение имеют интуиция и воображение. В качестве иррациональной формы мышления интуиция, используемая в научном поиске, обладает определенными качественными характеристиками: во-первых, невозможностью получения искомого результата посредством эмпирии и посредством прямых рациональных связей; во-вторых, интуиция характеризуется внезапностью и неожиданностью полученного результата; в-третьих, с помощью интуитивного видения результат кажется очевидным без применения методов и средств. Наконец, для интуиции характерен бессознательный механизм творческой работы, путей и методов, приведших ученого от начальной постановки проблемы к готовому результату.

В данном контексте мы можем указать на еще один трудный вопрос, а именно на проблему «правильности», или «истинности» полученного знания. По утверждению классиков марксизма, «истинное исследование – это истина, разъединенные члены которой соединяются в результате» [107, с. 7]. Если в естественных науках представление об истине как соответствии объекту уже не рассматривается как абсолютный принцип, то в гуманитарных науках еще труднее оценить, что есть истина или правильное значение. Мысль о чем-то может быть достаточным основанием для того, чтобы нечто появилось. Например, для психологии чья-то мысль об особом виде мышления будет основанием правильности этой мысли по самому факту мышления (которое, кстати, может быть продемонстрировано). Поэтому гуманитарные науки гораздо глубже уходят не в поиск истины как соответствия объекту, а в нахождение «смысла», который *a priori* несет в себе мировоззренческую и ценностную нагрузку.

Конечно, это не означает, что мы отстаиваем позицию антисциентизма, хотя во многом разделяем идеи Пауля Фейерабенда, утверждавшего, что «наука, претендующая на обладание единственно правильным методом и единственно приемлемыми результатами, представляет собой идеологию» [174, с. 465]. Однако следует согласиться, что высшей степенью реализации принципа гуманизма будет господство принципа мультипарадигмальности всех типов познания, без признания господства какого-либо из них. Если подлинное бытие метода – это проблемная деятельность, где «исследователи ставят проблемы, ищут к ним подходы и конструируют искомые результаты, то метод становится деятельностью структурой индивидуального сознания» [196, с. 59], ориентируя исследователя на то, как следует решать познавательные задачи. Поэтому особо важно учитывать актив-

ность сознания исследователя, эффективность его действий, ведущих к исследовательской цели.

Подведем промежуточные итоги. Как в естествознании, так и в гуманитарных науках исследование начинается с постановки проблемы как фиксации предмета исследования, это означает, что из всего многообразия свойств и связей объекта ученый концентрируется лишь на тех, которые интересны ему в контексте конкретного исследования. Выбор метода исследования начинается с отсека случайных вариантов, несущественных в контексте данного исследования связей и выявления общей стратегии. Но в гуманитарном исследовании ученый имеет дело с идеальными типами, поэтому результат исследования зависит от времени, места получения, личности исследователя. Этого нельзя сказать о естественнонаучном исследовании, которое мы обозначим не идеальным, а реальным способом исследования. В области гуманитарного знания могут и должны применяться все философские, общенаучные и общелогические методы и средства. Но для корректного использования общефилософских методов и средств они должны быть конкретизированы с учетом специфики объекта и предмета гуманитарного исследования. Тем самым область работы конкретного научного метода в наибольшей степени носит не личностно и социально значимый, а объективно обусловленный и «технологический» характер. В сфере гуманитарного знания действует сложная сеть разнообразных методов различной общности и направленности. Их функционирование протекает с учетом конкретных проблем условий и предмета и объекта исследования. Также из анализа становления этих методов заметно, что социально-гуманитарные дисциплины широко заимствовали методологические принципы и установки естественнонаучного познания, тогда как последние не стремятся заимствовать методы гуманитарных наук. Поэтому основополагающим методом, функционирующим в гуманитарном познании и сохраняющим специфику последнего, мы предлагаем считать мировоззренческий метод и метод феноменологической редукции, направленный на изучение простых и очевидных феноменов содержания сознания.

Тем самым любой научный метод представляет собой, согласно высказыванию А. Уайтхеда, лишь «удачное упрощение, с помощью любого данного метода можно открывать истины только определенного, подходящего для него типа и формулировать их в терминах, навязываемых данным методом» [169, с. 624]. Выбор метода в научном

исследовании в наибольшей степени обусловлен собственным характером изучаемого объекта, а также способностями, умениями и навыками исследователя, полученными и развитыми до этого в ходе образования и научной практики. Тем не менее ряд методов исследования, особенно теоретических, также соотносятся с определенными ценностями научного познания. Процесс формирования и применения метода в гуманитарном исследовании имеет, как указывалось выше, ценностный характер. Метод на определенном уровне укоренен в личностном знании ученого в качестве его способностей и умений, он ориентирован на то, чтобы вызывать целенаправленные преобразования проблемного содержания. Следовательно, методы, используемые в процессе гуманитарного исследования, оригинальны как по своей структуре, так и в процессе своего применения.

2.2. Структура теорий в гуманитарных науках

Как мы указывали в первой главе, научная революция эпохи Нового времени в гуманитарных науках получила продолжение лишь во второй половине XIX в. Какие же основные линии можно выявить в философских исследованиях методологических оснований гуманитарных наук этого времени? Мы предлагаем выделить два направления, определивших методологические традиции при анализе теорий гуманитарных дисциплин.

1. Герменевтический подход. В соответствии с ним под теориями гуманитарных наук понимается единая теория о наиболее общих свойствах и явлениях культуры, выступающая в качестве обобщения и осмысления всего имеющегося материала социально-гуманитарных наук. Построение теории выступает при этом как синтез и интеграция сильно дифференцированного и разрозненного гуманитарного знания путем открытия реальных связей (законов) между отдельными явлениями культурной жизни.

2. Позитивистский (сциентистский) подход. Попытка построения гуманитарных теорий по образцу физико-математического знания. В данном случае идеал гуманитарной теории – строгая дедуктивная система, в рамках которой из общего теоретического принципа (закона) с помощью логических операций можно получать знания о частном проявлении функционирования социальной и культурной сферы.

Науке всегда было свойственно стремление к созданию общих теорий, объединяющих и обосновывающих многообразие специализированных построений. Традиционно эта задача решалась путем построения все более обобщенных теорий для различных классов реально существующих явлений. Для современной науки характерным можно считать решение задачи нахождения общего фундамента специализированного знания путем построения метатеорий. Попытки создать общую теорию гуманитарных наук в своей специфической форме пока не имели успехов, соответственно, при обосновании и обобщении материала гуманитарных наук на первый план должна выдвигаться методологическая сторона дела.

Само понятие «теория» несет сомнительный статус в свете историко-философских споров о структуре теоретического знания, так как существует значительное многообразие познавательных основ науки. Одно дело – строгие логико-математические теории, и совершенно другое – гуманитарная теоретическая мысль, в которой объединены законы, эмпирические факты (как правило, в незначительном количестве) с большим массивом мировоззренческих идей. «Если естественнонаучные теории излагаются четко и компактно и выражаются, например, посредством математических формул, то гуманитарные – в виде многотомных произведений, в которых собственно теорию нелегко вычленишь из сопутствующих ей суждений и размышлений» [100, с. 63]. Любая гуманитарная теория, а в своем пределе и парадигма, опирается на тот или иной набор ментальных и психологических установок, то есть бессознательных представлений об истории, культуре, личности и обществе. Эти установки формируются под влиянием социального и исторического опыта и отражают психологическую интерпретацию основных теоретических положений. Таким образом, в любой гуманитарной теории можно выделить два основных компонента – ментальный (индивидуального и коллективного характера) и строго научный. Адекватно понять гуманитарную теорию можно только путем анализа двух уровней в их взаимодействии.

Для подкрепления наших взглядов обратимся к концепции патриарха современной философии Марио Бунге (род. 1919). Согласно ему, современные критерии и принципы научности, прежде всего критерий верификации и критерий фальсификации, в отдельности не являются достаточными для проверки истинности научного знания. В науке прекрасно оправдывает себя множество теорий, имеющих право на существование без обращения к критерию фальсификации,

а методы построения научных теорий могут быть самыми разнообразными. Отсюда следует вывод, что между наукой и теоретическим мировоззрением, например метафизикой, нет раз и навсегда определенной границы. «Очевидно, – утверждает М. Бунге, – есть линия раздела между бредовой метафизикой и наукой, так же как граница между точной метафизикой и псевдонаукой, но нам представляется, что нет границы между точной метафизикой и системой наиболее общих научных теорий – фактически они сращиваются и питают друг друга» [26, с. 39–40]. По отношению к естественнонаучному знанию о подобном тождестве говорить достаточно затруднительно, однако по отношению к гуманитарному знанию такое сравнение, на наш взгляд, вполне правомерно.

Мы уже отмечали тенденцию гуманитарного знания в своем пределе переходить на уровень метапарадигмальности, сливаясь по своим правилам, операциям и методам с философией. Все это указывает на паллиативный статус научности гуманитарного познания. Если нет истинного воспроизведения изучаемого объекта, то невозможны как теория, так и научный метод. Поэтому гуманитарная теория для сохранения статуса научности должна отвечать следующим формальным характеристикам. Во-первых, она должна изучать наиболее общие свойства реальных объектов, а не объектов духовных. Во-вторых, она должна быть теорией или частью теории, но не субъективным мнением. В-третьих, она предполагает использование логики или математики. В-четвертых, точная метафизика должна объяснять ключевые понятия философии и науки. В-пятых, элементы научной метафизики можно обнаружить среди предпосылок научной теории. Тем самым гуманитарная научная теория представляет собой некое обобщенное знание, ориентированное на идеал объективной истины, пытающийся на основе общих правил научного метода формулировать следствия из теоретических законов и обобщений.

Теории гуманитарных наук, как и естественнонаучные концепции, должны выполнять определенные функции, позволяющие производить переход от мировоззренческих идей к объективному знанию. Таких функций можно выделить четыре и сгруппировать по степени возрастания важности для гуманитарного исследования следующим образом: 1) познавательная; 2) мировоззренческая; 3) инструментальная; 4) технологическая. Если для уровня теории первостепенное значение играют две первые функции, то для функционирования метода на первое место выходят понятие инструментальности и

идея технологического успеха. Обратим внимание на то, что мировоззренческая функция, наряду с информационно-познавательной, имеет важнейшее значение в гуманитарных теориях, так как ее эмпирические данные зачастую не имеют экспериментального подтверждения. А. В. Юревич отмечает: «Наиболее выразительный результат – это судьба “решающих экспериментов” в гуманитарных науках, призванных разрешить спор соперничающих теорий в тех редких случаях, когда они, вопреки сложившейся традиции “несоизмеримости” и обитания на своих собственных территориях, все же находят какие-либо точки пересечения. Так, когнитивизм и бихевиоризм некогда повздорили по вопросу о том, что же первично, установки или поведение, весьма напомиравшему небезызвестный вопрос о яйце и курице. Все без исключения “решающие эксперименты”, выполненные в русле когнитивизма, продемонстрировали первичность установок, а все без исключения эксперименты, осуществленные в рамках бихевиоризма, зафиксировали первичность поведения. С тех пор психологи стали воздерживаться от “решающих экспериментов”, хотя отдельные попытки их проведения все же иногда предпринимаются» [197, с. 211–212].

В естествознании научная деятельность разворачивается в рамках противоречия верификации и фальсификации, причем это противоречие имеет как гносеологический, так и социально-психологический смысл. Новые результаты признаются и тем самым социализируются дисциплинарной общностью как необусловленные, лишённые пространственно-временных ограничений, универсальные и вечные характеристики знания, но, вступая по ходу объяснения в связь с предшествующими результатами, они фальсифицируют эти последние, ограничивая их и указывая им условия и пределы научной адекватности. В социологическом плане противоречие между верификацией и фальсификацией разворачивается как коммуникативное отношение ученого к научному сообществу, где ученый, в поисках новых результатов, способных фальсифицировать результаты предшественников, вынужден подчиняться набору норм и правил действующей парадигмы, а научное сообщество, в свою очередь, вынуждено социализировать продукт научной деятельности ученого и тем самым ограничивать группу предшествующих результатов, превращая их из необусловленных в частные случаи более общего результата.

Теории в гуманитаристике концептуально не проверяемы (хотя и опровержимы) в отличие от общих и частных научных теорий. Они

не могут быть ни истинными, ни ложными, а могут быть лишь применимы или не применимы в рамках определенных концептуальных задач. Следовательно, гуманитарные теории адекватны (удобны) в применении в том смысле, что они чрезвычайно полезны для научного дискурса. Хотя теории подобного типа принципиально не фальсифицируемы, т. е. не являются истинными в полном смысле этого слова, однако исправимы в том отношении, что их можно улучшить логически или сделать более сложными в теоретическом отношении. В этом смысле показательна судьба теорий классика отечественной гуманитарной мысли Михаила Бахтина. Концепции русского мыслителя не выдерживают проверки на фальсифицируемость. Однако данный факт не умаляет достоинств и красоты бахтинских идей, обладающих высокой мировоззренческой ценностью. Используя «критерий Поппера», мы должны говорить о ненаучности самобытных философских концепций: Гегеля, Маркса, Ницше, Шпенглера и других классиков социально-гуманитарной мысли.

Добавим, что гуманитарная теория должна освещать достаточно хорошо существование неформальных аксиоматических оснований научной теории, т. е. должна формировать предпосылки теоретической науки. Научность гуманитаристики предполагает точность, соответствие научным теориям, систематизацию философских понятий и принципов. Кроме того, на наш взгляд, следует указать еще один признак гуманитарного теоретического знания – это способность теории абстрагироваться от материальных сущностей исследуемой реальности, постигать их в аспекте бытийности как нечто существующее. Еще одним показателем, позволяющим оценить научный статус представлений, является его проверка на способность вписываться в структуру существующих научных представлений. Как показывает история науки, любая новая идея проходит проверку на совместимость с уже существующим массивом знаний. Эта процедура означает теоретическое оформление «сумасшедших» метафизических идей в терминах понятийного аппарата, традиционного для данной области науки. Во многом именно степень «безумности» идеи позволяет оценить ее как потенциально метафизическую, а уже затем конструировать ее подлинно научное содержание.

Согласно А. В. Юревичу, «структуру социогуманитарных теорий (в примере Юревича – психологии) можно описать как состоящую из центра и периферии, которые включают описанные компоненты и ими исчерпываются, если бы в методологической рефлексии

науки не существовало традиции, заложенной работами М. Полани [120]. Но подобно тому, как в структуре любого формализованного знания имплицитно присутствует некое не формализуемое, неявное знание, понятие о неявной области научных теорий нуждается в расширении и в другую сторону: эта область не только, помимо личного знания, включает личностные переживания и образцы поведения, но охватывает также знание, переживания и образцы поведения надличностные» [197, с. 221–222].

Соответственно, «к центральным компонентам гуманитарных теорий можно отнести: 1) общий образ изучаемой реальности; 2) центральную категорию; 3) соответствующий феномен; 4) набор основных понятий; 5) систему отношений между ними, которую, пользуясь терминологией В. С. Степина, можно назвать “сеткой отношений” [154]; 6) базовые утверждения» [197, с. 221–222].

Указывая на паллиативный характер научности гуманитарных теорий, не стоит забывать, что деятельность исследователя в гуманитарном познании имеет циклическую структуру и как таковая она движется от абстрактной темы к определенному результату. При этом вопрошание и уточнение тематизации в гуманитарных науках зачастую идет под знаком деструктивности, так как когнитивные структуры методично ставятся под угрозу. Все это указывает на то, что гуманитарные теории кажутся совершенно неэффективными как в технологическом, так и в теоретическом аспектах.

Выделяя критерии активности гуманитарных теорий, их можно дифференцировать по критерию эффект – перспектива: 1) перспективные научные теории; 2) малоперспективные; 3) неперспективные. В данном случае научные теории оцениваются по плодотворности их отдачи. При этом подлинные границы теории определяются через ее действие в роли метода, так что налицо соотношение истинность – эффективность. Основными критериями, определяющими эффективность научной теории, являются оценки знания в роли соотношения проблемы и метода. Исходя из принципа объективности, полученное знание рассматривается в плане соответствия объекту, полноты содержания, логической непротиворечивости с остальным массивом теории. При этом интегральной характеристикой этих признаков является истинность знания, через которую знание соотносится с объектом исследования.

Реальным инструментом теория в гуманитарных науках становится только во взаимосвязи с проблемой. Обретение данного статуса

начинается с того момента, как только концептуальная система вовлекается в конкретную проблемную ситуацию. Все научные проблемы можно условно поделить на ситуативно-практические и концептуально-теоретические. Если первые представлены в качестве относительно простого интеллектуального затруднения, зависящего от внешней ситуации, то концептуальная проблема определяется активностью мышления исследователя. Для гуманитарных исследований характерны именно концептуальные проблемы, которые отличаются высокой степенью абстрактности и отсутствием четких методологических нормативов, ведущих к конкретному знанию. Установление динамического отношения между теорией и проблемным знанием означает ее включение в структуру способа продуктивного мышления – теории уже нет, вместо нее существует метод. В любом производстве существует метаморфоза превращения некоего продукта в средство, нечто подобное есть и в теоретической гуманитарной культуре. Решение проблемы означает исчезновение проблемного материала, что ведет к моментальному свертыванию инструментального процесса. Теоретическое содержание теряет качество орудия и вновь обретает форму теории.

Нормативную связь проблемы и метода можно представить в виде методологической модели «двойного перевода» английского ученого Джозефа Джона Томсона [161, с. 24–25]. Теория здесь сравнивается с картой земной поверхности. Карта сначала создается путем переноса на ее признаки местности. Затем карту используют, распознавая через нее местность. Так и научная теория формируется сначала посредством отражения, становясь истинным/ложным результатом. Последующее использование превращает ее в метод, ориентирующий ученого в изучении объекта исследования. Активное функционирование метода выявляет эффективную/неэффективную ценность теории.

Некоторые авторы предлагают считать теории, отражающие объекты, средствами, а методами являются непосредственно методологические нормы, регулирующие субъективные действия. «Таким образом, методологическое значение теорий, законов науки и других предметных знаний состоит в том, что они являются средствами познавательной деятельности, применяемыми в рамках тех или иных методов, но сами по себе они не являются методами» [23, с. 45–46]. Другие авторы полагают, что теория содержит только неоперациональные элементы и в силу этого методом не является. Ее можно считать лишь носителем методологической функции [112, с. 83–94].

«Содержание теорий в гуманитарных науках отличается от частных теоретических схем точных наук, прежде всего, своей аморфностью и недостаточной упорядоченностью, которые, во-первых, не позволяют говорить об этом мало упорядоченном множестве общих утверждений как о четких схемах (а стало быть, диктуют необходимость корректировки соответствующего понятия), во-вторых, делают их вычленение еще более сложным, чем вычленение базовых утверждений. Кроме того, в гуманитарных дисциплинах вспомогательные утверждения теорий связаны с их базовыми утверждениями отношениями не столько логической, сколько терминологической дедуктивности, объединены в основном терминами, а не содержанием» [120, с. 215].

Таким образом, основной характеристикой гуманитарных теорий будет то, что они в значительной мере выражают личностно-психологические особенности их авторов, и в этом отношении теории так же несоизмеримы, как и парадигмы Куна. Так, например, «в зависимости от тех когнитивных действий, которые теории производят со своим предметом, они могут быть разделены на три категории: а) теории-обозначения, б) теории-объяснения и в) теории-систематизации» [197, с. 205]. А. В. Юревич дает следующие характеристики предложенных категорий:

«Теории-обозначения в основном задают некоторую систему определений своего предмета, таких, как психика – это деятельность, мотив – это предмет потребности, мышление – это равновесие анализа и синтеза и т. п., и в своей базовой части сводятся преимущественно к системам таких определений.

Теории-объяснения стремятся не просто определить, а объяснить свой предмет и, как правило, делают это с помощью генерализации, часто чрезмерной, некоторого ключевого для них психологического механизма. Так, вышеупомянутая теория справедливости объясняет все виды человеческих отношений – от супружеских до межгосударственных – на основе понятия о справедливости, стандартной реакции на ее нарушение и типовых способов ее восстановления, а упомянутая вместе с ней теория каузальной атрибуции объясняет все виды социального восприятия на основе базовых механизмов приписывания причин социальным событиям. В виде теорий-систематизаций обычно предстают теории среднего ранга, не столько объясняющие, сколько систематизирующие свой предмет и по непонятным причинам, как правило, выделяющие в нем какие-либо три аспекта, из-за чего их иногда, и не без иронии, называют “теориями-триадами”» [197, с. 207].

Как мы уже указывали, в обосновании гуманитарного исследования взаимодействуют как внутринаучная, так и общесоциальная значимость проблемы. Важнейшей составляющей является также личный выбор исследователя, избравшего и соответствующую научную специальность, и конкретную область исследования. Наиболее ценностно нагруженный этап исследования – оценка и обоснование результата, а также процедура его признания в качестве научно значимого как самим исследователем, так и научным сообществом. Здесь способность исследователя усвоить ценности научного сообщества и руководствоваться ими играет наиболее важную роль и способствует полноценной коммуникации внутри научного сообщества, позволяет координировать в процессе познания усилия и результаты деятельности различных ученых, сравнивать и оценивать их значимость для дальнейшего развития научного познания. Таким образом, в гуманитарных исследованиях на первый план выдвигаются субъективно-ценностные свойства когнитивных элементов.

В нашей работе «Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии», а также в статье «Роль символического структурализма в гуманитарном исследовании» [162] мы анализировали взгляды «ведущих представителей неклассической методологии гуманитарных наук (К. Гирц, К. Леви-Строс, К. Леви-Брюль, В. Я. Пропп), которые указывают на множество новых гуманитарных предметов у структурного метода» [158, с. 45–90]. Для выявления субъективно-ценностных характеристик научного метода при получении фундаментального знания обратимся к работам французского исследователя Клода Леви-Стросса (1908–2009), определившего комплексный подход к изучению явлений мировоззрения архаичных обществ, основанный на совокупности приемов и методов структурно-семиотического и сравнительно-исторического анализа.

Как известно, К. Леви-Стросс рассматривал антропологию в качестве социальной науки. Однако антропология занимается человеческими общностями, и, будучи по существу «наукой о человеке», она переходит в сферу гуманитарных наук. Также можно говорить о связи антропологии, в частности физической антропологии, с естественными науками. Субъект антропологического исследования, занимаясь истолкованием и выявлением значений, прежде всего ставит перед собой задачу объяснить свое собственное общество. Он применяет ко всему множеству явлений свои собственные логические категории, выстраивает их в своей исторической перспективе. В то же время антрополог, стоящий перед подобной задачей, произвольно и созна-

тельно формулирует систему, приемлемую как для далекого от него общества, так и для собственных современников. Наиболее ярко эти идеи были выражены в концепции Леви-Стросса, поставившего задачу проведения теоретических изысканий в этнологии и антропологии, вплоть до обнаружения этого уровня понимания иной культуры, а именно присущих ее носителям закономерностей мышления, мыслительных схем.

В методологии К. Леви-Стросса присутствуют как элементы рационализма, так и иррационального, принимая в своем единстве форму противостояния гуманитарно-антропологических течений, представленных различными вариантами экзистенциализма, персонализма и религиозной философии, с одной стороны, и сциентистски ориентированных на науку философских направлений – неопозитивизма – с другой. Структурный метод Леви-Стросса коррелирует с неопозитивизмом аналитической школы за счет особого внимания к языку в структуре логического знания. Видимо, сам ученый считал разницу между любыми научными методами не качественной, а количественной, то есть в антропологической науке можно использовать разные понятия, если они научны и истинны.

Построение структурно-семиотических моделей функционирования различных явлений бесписьменной культуры в этнологическом исследовании должно стремиться к «обнаружению и формулированию законов порядка во всех регистрах человеческого мышления» [97, с. 62]. При этом французский исследователь дает определение понятию структуры: «структура есть некая система, состоящая из таких элементов, что изменение одного из них влечет изменение всех других» [96, с. 247]. Соответственно, инструмент исследования структур выступает методом изучения всех этнологических проблем.

Таким образом, структуральная антропология как методологическое направление в изучении социокультурных явлений так называемых «примитивных», то есть традиционных, обществ опирается на следующие принципы, в совокупности составляющие метод: 1) явление культуры рассматривается в синхронном срезе общества, в единстве своих внутренних и внешних связей; 2) явление культуры анализируется как многоуровневое целостное образование, а связи между его уровнями истолковываются в семиотическом ключе; 3) исследование явления производится непременно с учетом его вариативности – в рамках конкретной культуры или более широкой области, где происходила его трансформация. Конечный результат исследования –

моделирование «структуры», то есть предполагается алгоритм, который определяет скрытую логику, присущую как отдельным вариантам явления (инвариантные связи элементов и отношений между ними), так и виртуальным переходам от одного варианта к другому.

В то же время К. Леви-Стросс особо подчеркивает, что «наблюдение явлений и разработка методов, позволяющих использовать их для построения моделей, никогда не смешиваются с экспериментом на самих моделях. Под “экспериментом на моделях” я подразумеваю совокупность методов, позволяющих выяснить, как данная модель реагирует на различные изменения, и сравнивать между собой модели одного или же разных типов» [97, с. 248].

Явления должны быть исследованы как сами по себе, так и в связи со всей совокупностью фактов. Нельзя создавать модели без статистических данных, т. е. без большого количества фактов, которые только тогда будут иметь ценность, когда будут относиться к одному и тому же типу явлений. «Всегда остается только одно – провести кропотливое изучение одного случая; единственное различие заключается в выборе “случая”, составные элементы которого будут относиться к шкале проектируемой модели или же какой-то иной шкале» [97, с. 256].

За многообразием явлений, составляющих тотемический комплекс (отождествление членами социальной группы себя с животным или растительным видом, соответствующие этой мыслительной связи верования, обряды, пищевые запреты), К. Леви-Стросс увидел специфические коды, посредством которых происходит различение социальных групп между собой. Тотемические коды суть логические формы, пригодные для выявления сходства-различия. Две другие из основных операций современного мышления, а именно обобщение – конкретизация и расчленение – соединение, также осуществляются, поскольку использование природного вида (тотема) в качестве оператора делает возможным переходы: индивид – социальная группа (половозрастная группа, клан) – племя. Результатом союза размышления и подсознания становится модель, воссоздающая реальную логическую форму, используемую туземцами для фиксации социально значимого содержания, его абстрагирования и конкретизации. Для Леви-Стросса «подсознание – это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику своей индивидуальности, и что бессознательное, организовав этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим

людям (причем лишь в той мере, в коей он организован по законам бессознательного)» [97, с. 171].

Достижением структурализма является доказательство того, что в мире архаических народов были свои порядки и смыслы, но они не могли или не хотели дать ясный ответ на вопрос, насколько правильны эти порядки и смыслы. К. Леви-Стросс доказал, что мир архаических народов, представляющийся многим абсолютным хаосом, на самом деле образован по определенным структурным законам, имеющим свою собственную логику и смысл. Американский антрополог Клиффорд Гирц, развивая взгляды Леви-Стросса, утверждал, что в любой культуре существует стратифицированная иерархия структур, состоящих из актов, символов и знаков. Расшифровка и интерпретация этих актов и символов, по мнению учёного, и является основным методом в антропологии [42]. Но, приняв за основу систему смыслов, наиболее адекватную для описания языческого мира, они тем самым возвели язычество в норматив «сакральности» и «религиозности» как таковой. И эта подмена касается широкого круга этнографов и религиоведов, которые не осознают сущностного мировоззренческого отличия христианства от других религий и видят в нем лишь определенную стадию развития одной и той же языческой религиозности. Например, самый знаменитый структурный принцип К. Леви-Стросса – это принцип «бинарной оппозиции», где противоположности природы и культуры объясняют особенности ритуального поведения архаичных народов и мифологического мышления в целом. Во всех выводах структурализма присутствует убедительное доказательство корневого морфологического единства религиозных культур, выявление универсальных закономерностей в становлении тех или иных языков, что позволяет признать генетическое единство человеческого рода.

В философских взглядах французского структуралиста можно увидеть значительное влияние идей русского исследователя Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970), создавшего морфологию (учение о формах) русских народных сказок. Он предложил относительно небольшой набор глубинных функций, задающих бесконечное разнообразие повествовательных структур волшебных сказок, а также формальный аппарат для порождения этих поверхностных структур.

Используя морфологический метод, русский ученый показал, что любую волшебную сказку можно привести к формуле, подобной математической. Несмотря на то что в сказках нет точного упоминания о какой-либо культуре и сталкиваются друг с другом различные

исторические циклы и культурные стили, в них сохранились образцы поведения, которые могли существовать во многих культурных циклах и в разные исторические моменты. Путем сравнения конкретных сюжетов русских народных сказок Пропп пришел к выводу о существовании постоянных и переменных величин в структуре повествования. Меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, не меняются их действия, или функции. Отсюда вывод, что сказка нередко приписывает одинаковые действия различным персонажам. Это дает нам возможность изучать сказку по функциям действующих лиц. Мы должны будем определить, в какой степени эти функции действительно представляют собой повторные, постоянные величины сказки.

Согласно исследовательской позиции Проппа, «постановка всех других вопросов будет зависеть от разрешения первого вопроса: сколько функций известно сказке» [129, с. 19]. Отсюда В. Пропп делает вывод о том, что «постоянными, устойчивыми элементами сказки служат функции действующих лиц, независимо от того, кем и как они выполняются. Они образуют основные составные части сказки» [129, с. 20–25]. При этом число функций в любой волшебной сказке ограничено, но последовательность всегда одинакова. Используя подобный структурно-морфологический метод, Пропп переходит к основной задаче своего исследования, которое заключалось в нахождении истоков происхождения сказки. Он делает вывод о том, что все волшебные сказки однотипны по своему строению.

Тем не менее проблема происхождения волшебных сказок так и не была решена. Если придерживаться мнения русского филолога о том, что все волшебные сказки единообразны по своей форме, то это означает, что все они происходят из одного источника. Изыскания ученого по данному вопросу не дают ясного ответа. Итак, применение К. Леви-Строссом структуралистского метода в этнологии и В. Проппом в языкознании, несомненно, способствовало превращению данных отраслей гуманитарного знания в строгие научные исследования. Они очистились от спекулятивных и неуместных метафизических допущений, наметив оптимальную связь гуманитарных и социальных наук с мировоззренческими формами познания. Одновременно под влиянием структурализма наметилась четко выраженная тенденция лингвистического редукционизма, сведения культуры к системе знаков и их интерпретации с помощью лингвистических моделей, а также сведения человеческого бытия к серии языковых значений. Существенной чертой структуралистской методологии стало широкое применение семиотических аспектов в исследовании, а

сама возможность эффективного применения структурного метода доказывает уникальность и любого гуманитарного исследования.

В заключение следует сказать, что разработка теоретической структуры современного гуманитарного познания все еще находится в недостаточной стадии развития. Но уже сейчас в этой области накоплен определенный опыт, свидетельствующий о важности разработки методологических основ теоретического познания в области современной науки о духе. При этом обнаруживается принципиальная неопределенность в постановке проблем, задач и целей теоретической гуманитаристики, в трактовке ее сущности, значимости и места в системе современной науки. Данная неопределенность проявляется, прежде всего, в отсутствии ясности исходных методологических позиций, в понимании того, что такое гуманитарная наука вообще. Многообразие методологических подходов по этим вопросам имеет объективную основу в сложности и противоречивости той реальной познавательной ситуации, которая характерна для всех гуманитарных наук и которая подпитывает различные направления современного движения теоретической мысли в этой области.

2.3. Единство методов гуманитарных наук и теоретического мировоззрения

Заключительный параграф второй главы мы посвятим проблеме взаимодействия методологии гуманитарных наук с элементами теоретического мировоззрения, прежде всего философии. Название, как и содержание параграфа, практически полностью повторяет выводы, сделанные в нашем диссертационном исследовании [158, с. 45–61], а также в статье «Специфика применения научного метода в литературоведении» [164].

Важное место в методологии гуманитарного познания занимают мировоззренческие идеи, среди которых особо выделяются религиозные и философские идеи, а также ценностные установки. Являясь необходимыми основаниями фундаментальных научных теорий, они существуют в сознании того или иного ученого в виде его убеждений и выступают стратегическими методами критики. Следует особо отметить влияние мировоззренческих форм познания на генезис, становление и развитие гуманитарных знаний.

История эволюции гуманитарного познания напрямую связана с проблемой обоснования человека и общества в форме научных объектов, изучение которых всегда вызывает определенные теоретические и методологические трудности. Донаучные знания человечества аккумулировались в мифах, в религиозных верованиях, обычаях, здравом смысле и передавались от поколения к поколению вначале в устной, а затем и в письменной традиции. С их помощью человек мог переживать и осознавать себя частью бытия, утверждаясь в нем через бесконечное многообразие духовной деятельности. Мировоззренческие формы познания выступали в качестве определенных стандартов, ориентиров и форм действий и поведения человека, помогая регулировать и межличностные, и развивающиеся социальные отношения, отношения «человек – мир». Выработывая познавательные идеалы в рамках мифа, религии, философии, человек превращал бытие в ценностный объект своих исследований. Подобное внимание к однократным, уникальным, неповторяющимся явлениям стало фундаментом для возникновения гуманитарных наук, которые могли возникнуть только у человека, для которого историчность стала формой самоутверждения и реализацией собственной свободы. Следовательно, мировоззренческое мышление стало основой для возникновения гуманитарного познания как формы онтологической озабоченности человека, вопрошающего о смысле и конечной цели собственных действий в условиях создаваемого им, символически организованного пространства мировой истории. Однако в процессе своего последующего развития гуманитарные науки, в отличие от естественных наук, не смогли избавиться от многообразия мировоззренческих символических форм, являющихся онтологическими и методологическими основаниями «наук о духе». Именно эта специфическая черта вынуждает гуманитариев периодически пересматривать методы и результаты собственной деятельности, определяя критическую направленность своих исследований и вызывая вопросы о подлинной научности гуманитарного знания.

Первые попытки установления границ предметной и проблемно-тематической области гуманитарного познания были предприняты греческой философской мыслью, рационализировавшей архетипические представления о человеческой природе. Так, систематизируя научные знания и выделяя в качестве самостоятельных дисциплин логику, политику, этику, Аристотель стремился к очищению знаний о человеке от элементов мифопоэтического мышления и обнаружению в

его существе несводимой к природе сущности. Тем не менее переход к экспериментальной науке оказался для античного мышления, при всем его рационализме, невозможным. В своей антропологии Аристотель, определив человека как «политическое животное», впервые связал собственно человеческое качество, видовое отличие человека с его языковой деятельностью, коммуникативной практикой, сообразной с выявленными в понятиях этическими и правовыми нормами и поэтому относительно свободной от внешней детерминации. «Речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» [13 с. 379]. Таким образом, акцентируя внимание на коммуникативной природе человека – способности к мышлению, речи и общественной жизни, Аристотель установил границы специфической предметно-тематической области – гуманитарных и социальных знаний, т. е. знаний о человеке, истории, обществе и культуре. Заложенный Аристотелем принцип логического вывода из нескольких базовых положений был в античности не ограничен лишь областью математических знаний, а сделался общим принципом теоретического мышления – как дедуктивной системы. Идеал доказательства путем последовательных рассуждений сохранился в философской традиции Европы на длительное время – вплоть до конца Средневековья.

Таким образом, древнегреческая философия как форма мировоззренческой культуры значительно повлияла на ценности средневекового христианства и гуманизм эпохи Возрождения. В древнегреческой метафизике, равно как и в средневековом христианстве, уделом философа было выявление скрытого содержания общих понятий, выражавших основополагающие характеристики их социокультурного бытия – красоты, блага, истины. Однако в традиции христианской теологии и философии человек не был представлен как самодостаточное и свободно мыслящее существо, поэтому в Средние века и эпоху Возрождения гуманитарное знание выступало в качестве «учебных» дисциплин, развиваясь лишь в рамках теологии и позже – философии истории в виде «утопий», политических и гуманистических идей. И только после социальных потрясений в Европе XV–XVIII вв. в философии была впервые осознана недостаточность космологического и теологического определений сущности человека и

возникло представление о том, что человеческая природа самодостаточна, онтологически самоценна и несводима к какой-либо совокупности космических элементов. В. С. Степин характеризует взгляд на отношения человека к человеку, утвердившийся в Новое время, как тип практики и дискурса, «в котором человек, его качества, его деятельность и социальные связи предстают особыми объектами целерационального действия. Именно в эпоху индустриализма объектно-предметное отношение к человеку и человеческим общностям становится доминирующим в техногенной культуре» [155, с. 44]. Гуманистическая традиция того времени представляет человека в свете антропоцентристского сознания, которое уже не «микрокосм» или «образ и подобие Божие», а скорее продукт собственного свободного деяния. Подобная познавательная установка общества породила потребность в более рациональной организации, расстановке сил и перспективных прогнозах своего развития, что в конечном итоге послужило толчком к самостоятельному развитию социально-гуманитарного знания и его институционализации. По словам французского постструктуралиста Мишеля Фуко, «гуманитарные науки появились в тот момент, когда в западной культуре появился человек – как то, что следует помыслить, и одновременно как то, что надлежит познать» [180, с. 440].

В процесс познания любых явлений, связанных с человеком, неизбежно включается особая человеческая заинтересованность в результатах познания, поскольку познающий субъект имеет предметом познания в той или иной степени самого себя. Для того чтобы проверить результаты познания, в гуманитарной сфере не существует эксперимента, как это имеет место в естествознании. Определяющим критерием истины здесь выступает социальная деятельность людей, в конечном итоге социальная деятельность людей в их исторической всеобщности. Понятно, что достижение истины в гуманитарных науках осуществляется во многом специфическими, по-особому сложными путями. По словам отечественного литературоведа М. Л. Гаспарова, «акт выражения какого-либо смысла по самой своей сути имеет объективирующий характер. “Высказать” что-либо (даже для самого себя) – значит стать на внешнюю точку зрения по отношению к высказываемому, то есть как бы выйти из потока существования, неотъемлемой и не вычленимой частью которого предмет высказывания является» [39, с. 207]. Соотношение истины и заблуждений происходит в непростых для человека условиях выбора его жизненной

позиции. Но поиски истины в сфере человеческого самопознания сосредоточены прежде всего в гуманитарном знании. Поэтому мировоззренческие идеи оказывают существенное влияние на формирование человека. Все гуманитарное знание пронизано мировоззренческими идеями: знание об обществе – история, правоведение, социальная психология, социология и т. д. – представляет собой не просто совокупность добытых сведений о развитии общественных структур, народов, общественных идей, а одновременно их осмысление с тех или иных личностных позиций. К каким бы далеким временам ни обращался, например, историк или этнолог, результатом их исследований являются выводы о существовавших в прошлом ценностях и принципах жизни. Конкретные исторические факты служат самым убедительным обоснованием исторических заключений, именно они свидетельствуют о том, каким образом формировались мировоззренческие принципы в человеческой жизни и какую роль они играли в истории человечества. В каждый исторический период человечество, осознает оно это или не осознает, в какой-то степени исходит из уже имеющихся фактов прошлого. Это имеет место даже тогда, когда люди решительно стремятся к новым общественным формам жизни, отрицая старое.

В истории философии мы находим достаточно самобытные концепции, выстраивающие гуманитарные науки на основании философской интуиции, а не на чистой аналогии с естественными и точными науками. Для всего комплекса гуманитарных дисциплин алогические познавательные структуры стали не только перспективными, но и основополагающими направлениями методологических исследований. Это связано прежде всего с тем, что из сферы познавательной деятельности, как естественнонаучной, так и гуманитарной, невозможно устранить такие компоненты нелогического, как чувственность, интуиция, воображение, фантазия. Следовательно, «думать наперекор “логике” не значит идти крестовым походом в защиту алогизма, это означает лишь: задуматься о логосе и его явившемся в раннюю эпоху мысли существе...» [182, с. 45]. Такой широкий подход к пониманию рационального вызывает критическое отношение некоторых исследователей. Основной аргумент против состоит в утверждении, что чем более рационально организовано знание, тем более оно конструктивно, а любое иррациональное знание несет негативную деструктивность. Означает ли это, что между естественными и гуманитарными науками есть существенные различия? В ряде исследований если и

признается различие, то оно выводится не из предмета исследования, а из методов и структуры исследования [138]. Если естественные науки ориентированы на построение четкой, однозначной, обоснованной и логически выверенной схемы, где работа ведется непосредственно с фактами, то в гуманитарной сфере деятельности чаще всего отсутствуют образцовые работающие модели и явные критерии правильности. Кроме того, для современной гуманитарной науки привлечение мифологического компонента к производству теоретических концепций является реальным делом. Подобно этапу раннего естествознания, исходным моментом в гуманитарном исследовании по-прежнему остается использование натурфилософских догадок, которые переосмысливаются в научные понятия. Основным приемом создания теорий в гуманитарной науке является метод выдвижения гипотез, то есть понимание явления, и сопоставление различных фактов подменяется выдвижением теории, которая должна объяснять все наблюдаемые явления.

Примером, иллюстрирующим влияние мировоззрения на гуманитарные науки, может служить метод литературоведческого анализа. Терминологический язык литературоведения расплывчат и неточен, так как зачастую заимствует понятия из философии, эстетики, психологии и лингвистики. Часто литературоведческие оценки смыкается с этикой, что, впрочем, свойственно любой гуманитарной науке. Следовательно, любой термин в конечном итоге вызывает бурную полемику и мировоззренческие нарекания, если он не объясняется дополнительно. Помимо всего прочего, множество исследователей-литературоведов тяготеют к метафорическому языку, а иногда к эссеистике.

Так, российский философ Г. Д. Гачев в статье «Космос Достоевского» предложил читателю следующий методологический принцип: «Представим: если бы Эмпедокл воззрелся на мир Достоевского, как бы он мог его прочитать?» Автор предполагает, что мир Достоевского следует рассмотреть на языке четырех элементов древнегреческого мыслителя (земля, вода, воздух, огонь, понимаемые символически), где «его синтаксис – Эрос» [40, с. 110]. «Далее Гачев утверждает, что в произведениях Достоевского “человек – это недоовоплощенный воздух, у которых жажда жизни велика. У просто живых, в ком жизнь спокойна, нет жажды жизни, ибо жизнь – вода – при них. А у этих именно жажда на тепло жизни. Огня им не хватает, а огонь добывается трением – вот они и трутся о людей и любят теплоту раздражения, страдания” [40, с. 115]» [158, с. 51]. Заметно, что в своем методе ис-

следования произведений Ф. М. Достоевского автор оперирует метафорическим языком и образными формами, снимая с себя ответственность за истинность истолкования литературного текста.

Помимо этимологического, метафорического, эссеистического методов, в литературоведении возможна другая крайность, выраженная в попытках формализовать литературоведческий анализ. Так, С. М. Соловьев вводит в научный оборот формулу «цветовой насыщенности литературных произведений». Также рассматривая произведения Ф. М. Достоевского, автор типологизирует его героев, отталкиваясь от концепции М. М. Бахтина о «полифонии». С. М. Соловьев делит персонажей на «поливариантные» и «монологические» и на данной основе анализирует характеры героев и строение текста в целом. «В данном случае заметно, как на взгляды литературоведа оказывает влияние научная теория другого автора, идеи, которого вытекают из его, только ему присущего мировоззрения и художественного видения мира» [148, с. 241–244].

На наш взгляд, именно в работах русских мыслителей (М. М. Бахтин, Л. С. Выготский, А. А. Потебня, Г. Г. Шпет и др.) отчетливо прослеживается связь и влияние мировоззренческой культуры на гуманитарное знание. В трудах классиков русской гуманитаристики нередко можно проследить тождественность познания и мировоззрения. В частности, Александр Афанасьевич Потебня в рамках общей теории мифа рассматривал его в качестве точки отсчета, начала всей дальнейшей эволюции духовности языка, от мифа через поэзию (которую в данном контексте можно воспринимать как синоним гуманитаристики) к прозе, т. е. сугубо научным знаниям.

В рассуждениях А. Потебни «поэзия, как и проза, есть прежде всего и главным образом известный способ мышления и познания...» [126, с. 97]. Таким образом, А. Потебня видит в мифологии первый и необходимый этап в прогрессирующей эволюции типов познания действительности. Эволюция мифов, по его мнению, свидетельствует не о падении, а о возвышении, усложнении человеческой мысли. Аналогия между мифом и научной деятельностью проявляется как в общей для них ориентации на познание окружающего мира, так и в характере объяснения: «и миф, и наука используют общий принцип объяснения по аналогии» [126, с. 97].

Схожую позицию занимал Лев Выготский, указывая на то, что искусство (поэтическое искусство) предстает способом мышления, результаты которого тождественны научным [35]. Различие заключа-

ется лишь в применении метода, который по своей сути предстает в форме психологического переживания. Густав Шпет также рассматривал слово как прообраз искусства, а его структуру – как тип всякого эстетического предмета. В его философии искусство предстает как «модус действительности», где слово – это архетип недействительной действительности [190 с. 355]. По Шпету, поэтическое произведение отличается от научного, хотя и содержит внутреннюю логическую структуру, однако, в отличие от него, способствует свободе поэтического творчества, представляя собой коррелятивную связь сознания с действительностью. Согласно позиции Василия Васильевича Розанова, художественные образы, которыми оперирует гуманитарий, связаны прежде всего с «пространственными и временными формами, т. е. лежат внутри сущности» [135, с. 341]. Образность и точность восприятия может быть объяснена интуицией, свойствами, присущими индивидуальной личности.

Значительный вклад в развитие гуманитарной мысли внес Михаил Бахтин, сформулировавший такие литературоведческие понятия, как полифонизм, смеховая культура, хронотоп, находящиеся на рубеже мировоззренческой культуры и научного познания. М. М. Бахтин, посвятивший свое творчество выявлению специфики гуманитарной мысли, считал, что гуманитарная наука не только занимается описанием, она и конституирует познаваемую действительность. Мыслитель говорит о том, что «гуманитарная наука изучает уникальные индивидуальные объекты» [158, с. 53]. «Каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его... он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения» [17, с. 230]. С другой стороны, он склонен связывать гуманитарное и естественнонаучное познание. «Противопоставление (В. Дильтей, Г. Риккерт) гуманитарных и естественных наук было опровергнуто дальнейшим развитием гуманитарных наук. Одновременность художественного переживания и научного изучения. Их нельзя разорвать, но они проходят разные стадии и степени и не всегда одновременно» [16, с. 349].

В поздних работах М. Бахтина объект познания в гуманитарных науках принадлежит к той же действительности, что и познающий, и не менее активен, чем познающий субъект. Гуманитарное познание истолковывается как активный процесс диалогического общения и взаимодействия. «Науки о духе, предмет не один, а два “духа” (изу-

чаемый и изучающий, которые не должны сливаться в один дух). Настоящим предметом является взаимоотношение и взаимодействие «духов»» [16, с. 349]. Михаил Бахтин отмечает, что исследователь-гуманитарий понимает текст, но это означает одновременно, что перед ним стоит задача описания (социализации) этого понимания. Описание понимания – это вербализация образов (традиций) словоупотребления, а объяснение социальных явлений – иная процедура, которая предполагает раскрытие базовых механизмов воспроизведения деятельности, сочетаний социальных образцов, их взаимодействий и т. п. В гуманитарном познании, таким образом, равно как и в естественнонаучном, действуют процедуры описания и объяснения, при этом соотношение этих процедур методологически идентично. В случае описания деятельности фиксируется ее феноменология, в объяснении рассматриваются механизмы поведения и деятельности, раскрываются социальные образцы и нормативы их воспроизведения.

Согласно позиции Э. Кассирера, сознание «не обладает никаким другим бытием, кроме свободной деятельности, кроме бытия процесса» [145, с. 95]. Следовательно, сознание становится в этом случае в позицию тождества бытия и мышления, где не различается сам мир и представление о мире. Определенная модель, картина последнего навязывается в качестве образа реальности как таковой.

Другим примером взаимодействия теоретического мировоззрения и гуманитарных исследований может служить существование различных концепций исторического процесса. Например, в работах аналитической школы философии истории М. Мандельбаума, Р. Дж. Коллингвуда и других ученых допускается факт того, что историк может формулировать высказывания о ценностях, не имеющих истинного значения [208].

В работе «Проблема исторического знания» М. Мандельбаум рассматривает методологию как часть философского исследования. Методология должна исходить из совокупности работ, выполненных в исследуемой области, и выяснить те предпосылки, из которых неявно исходят эмпирические исследования. Мандельбаум допускает, что историк может формулировать высказывания о ценностях, не имеющие истинного значения, но так как необходимо различать фактуальные и ценностные высказывания, то можно попытаться выяснить, истинны ли фактические утверждения историка. Общие принципы исторических исследований вырабатывают социология, экономика и другие теоретические науки. История же дает знание отдельных случаев, из которых теоретические науки выводят частные зако-

ны (социологические, экономические и т. п.). Тем самым история является общей, неспециализированной эмпирической основой социальных наук.

Для классика исторического познания Р. Дж. Коллингвуда история вообще не является наукой, ибо прошлое невозможно верифицировать в том смысле, в каком физические науки верифицируют свои данные. Но главная отличительная особенность истории от науки, по Коллингвуду, определяется различиями метода и объекта исследования. Историки прежде всего познают – они задают свои собственные вопросы о прошлом, и ответы на эти вопросы фиксируют историческое знание, при этом полученное знание может быть о том, чего не знали даже современники. Объектом исторического познания является человеческий дух, фиксированный в мыслях и деяниях. Настоящий объект изучения историков – мысль прошлых поколений людей. Вся современная мысль развилась из мыслей предшественников, следовательно, историки изучают возникновение их собственных мыслей и опыта, мысленное развитие прошлого в настоящее [80, с. 8–10].

Коллингвуд и Мандельбаум показали, как создавать относительно самостоятельную от онтологии теорию исторического познания. Подчеркнем, что с онтологической точки зрения философия и гуманитарные науки являются теориями одного и того же типа, только философия рассматривает всеобщее, мир в целом, история – отдельные участки этого мира. Следовательно, исторические категории сами по себе, то есть в рамках исторического познания, могут быть частными, конкретными проявлениями философских категорий.

Таким образом, область гуманитарных наук – это не что иное, как область, в которой делаются попытки рационализации (либо рационального объяснения, либо обоснования) каких-либо мотивов, стремлений, интересов людей. Следовательно, любая гуманитарная теория всего лишь личное, субъективное мнение человека, содержание которой надо обязательно оценивать в связи с учетом тех мотивов, тех эмоциональных оценок, тех желаний, которые руководили человеком, создававшим эту теорию, и ни в коем случае не принимать ее за некое объективное описание действительности.

Но если принять данную точку зрения, то гуманитарные науки по сравнению с естественными превращаются в недоразвитые, наивные построения, которые совершенно бесполезны в практическом применении. Фактически гуманитарные науки могут функционировать, используя только методы естествознания, позволяющие высказывать

субъективные произвольные суждения, изучать и описывать природные процессы на основе единых подходов и критериев. Следовательно, из представления о рациональности («научности») гуманитарных наук полностью исключается понятие «метод». Отсюда следует вывод о том, что гуманитарной науке требуется освобождение от методов естественных наук. В данном случае метод рассматривается как упорядоченная и канонизированная процедура, структурированная в виде последовательных действий (древнегреческое значение слова «метод» – «путь», «тропа»), которая находит логические и рациональные пути через хаос неопределенности. Кроме того, многие философы и ученые (Дж. Беркли, Э. Мах, П. Дюгем и др.) отрицали существование абстрактных сущностей, незримо стоящих за наблюдаемыми явлениями. Такая позиция эмпиризма означает, что, оставляя в стороне «метафизический» вопрос о сущностях и их существовании, акцент переносится на методологическую проблему: допущение «сущностей» не помогает и даже мешает движению научной мысли.

Однако к данному подходу существует несколько возражений. Во-первых, нельзя согласиться, что восприятие научного метода как некоего концептуального знания о мире рождает неопровержимую истину, позволяющую решать практические задачи. К. Поппер писал: «То эссенциалистское учение, которое я оспариваю, есть только учение о том, что наука стремится к окончательному объяснению, то есть к такому объяснению, которое (в силу своей природы) не допускает дальнейшего объяснения и не нуждается в нем» [122, с. 302].

Учитывая проблематичный и рискованный характер категории «истина», мы видим сейчас, как усилился акцент на способности науки решать проблемы, в том числе это касается и гуманитарных наук, практическая релевантность которых никогда прежде не считалась очевидной. Во-вторых, следует признать, что современные науки (как естественнонаучные, так и гуманитарные) все более склоняются к теоретическому стилю мышления, требующему применения абстрактного мышления, а не чувственных восприятий. Например, современная физика вводит такие понятия, как кварк, виртуальная частица и т. п., которые чувственно не воспринимаемы, а истинные утверждения о них основаны на анализе смысла, то есть вербальных определений этих терминов, но не на чувственном восприятии их свойств или отношений. Таким образом, любые объекты науки вне зависимости от статуса науки являются объектами идеализации, которые обосновываются правилами логического вывода.

Так, психология может изучать в высшей степени непоследовательное поведение, но она должна выстраивать рациональные модели иррационального поведения.

На наш взгляд, действия «иррациональных» факторов и их влияние на функционирование метода в гуманитарном познании носят двойственный характер. С одной стороны, они нарушают порядок когнитивных структур, но в то же время переосмысливание старых познавательных установок и схем помогает появлению новых инноваций. Абсолютизация какой-либо модели рано или поздно иррационализует ее применение. Как наука не сводится только к своей рациональности, так и научная рациональность не сводится полностью и без остатка к какой бы то ни было своей модели. С точки зрения субъекта, отождествившего свою рациональность с какой-либо системой критериев (моделью), отклонение от этой системы иррационально [123, с. 315]. Поэтому подход к пониманию соотношения рационального и иррационального должен носить диалектический характер. Так, в работах Н. С. Автономовой предлагается считать нерациональное начало разума в качестве решающей силы в познании объективных законов. Но результаты такого открытия несовершенны, поэтому рассудок вносит определенность в образы разума и систематизирует их. Такое циклическое функционирование разумной и рассудочной рациональности обеспечивает динамику роста научных знаний [4, с. 110–111].

Итак, человек существует не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия являются важнейшими элементами этого универсума, символический характер которых формирует человеческий опыт. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту связь. Все это позволяет нам расширить классическое определение человека. Вопреки всем усилиям современного иррационализма это определение человека как рационального животного ничуть не утратило своей силы. Рациональность – черта, действительно внутренне присущая всем видам человеческой деятельности, а общий уклон образности в гуманитарном исследовании можно считать лишь заявкой на метод. Но возможно ли превратить мифологизм в научный метод? Для этого следует рассмотреть теоретические основы мифа как первой исторической формы мировоззрения.

Если признать, что мифы – это не просто необработанная масса суеверий или нагромождение заблуждений, то каждый миф обладает

своей систематизированной или концептуальной формой. В качестве существования рационального в мифе можно выделить его прагматический аспект. «Если говорить кратко, функция мифа состоит в том, чтобы упрочить традицию, придать ей значимость и власть, возводя ее истоки к высоким, достойным почитания, наделенным сверхъестественной силой началам» [106, с. 122]. Однако нельзя характеризовать структуру мифа как сугубо логическую или теоретическую. Часто язык отождествляют с разумом или с подлинным источником разума. Но такое определение, как легко заметить, не покрывает все поле... оно предлагает нам часть вместо целого. Ведь наряду с концептуальным языком «существует эмоциональный язык, наряду с логическим или научным языком существует язык поэтического воображения...» [73, с. 30].

С этих позиций интересно проследить влияние мировоззренческих идей на функционирование метода в гуманитарных науках. Обратимся вновь к литературоведению. Очевидно, что в данной области гуманитарного знания мировоззренческие формы в рамках мифологии, философии, эстетики служат определенной методологической базой. Например, миф может представляться исследователю в виде существующей и замкнутой системы. В этом смысле семиотическое исследование может извлечь интересные выводы из мифа, понимаемого как язык. Ролан Барт рассматривал миф как «систему сообщений, как некое послание» [14, с. 72–130], а еще один представитель структурализма, К. Леви-Стросс, понимал миф как часть человеческой речи [97]. Миф в понимании Анри Бергсона асоциален, мифотворческое воображение стремится разорвать связь с обществом в интересах свободы и личной инициативы. Он соотносит мифологию с религией, которые являются «оборонительной реакцией природы против разлагающей силы интеллекта, в частности против интеллектуального представления о неизбежности смерти» [110, с. 27]. Но в любом случае следует согласиться с выводами Л. Леви-Брюля о том, что миф функционален и глубинным образом связан с поступком человека [95, с. 297]. Следовательно, основами литературных жанров являются мифические и ритуальные формы. Отображая мир, художественная литература «строит» свою реальность. Ведь понятие «реальность» ошибочно относят только к миру вещей, процессов и событий; создавая свою литературную реальность, писатель иногда прибегает к ее метафорическому описанию. Н. Фрай считал, что литературный мотив, фабула или действие определяются мифом, уподобляются ему и включаются в него. Литература и ее жанры подчиняют-

ся проблематичным мифологическим структурам или ассимилируются мифом как его эпизоды, романтическая комедия Шекспира, например, не только «сближается с традиционными ритуальными играми времен года», но и о действии утверждается, что оно «определяется ритуальной тематикой победы жизни и любви над пустыней» [30, с. 182]. Таким образом, как читатель художественного произведения, так и интерпретатор в равной степени подвержены мифологической деятельности. Они обязательно оказываются в плену той или иной мифической структуры, в которой миф приближается к объективному, когда исследователь (читатель) осознает структуру личности и автора в целом, не навязывая этой личности ни одного не свойственного ей закона, предельно отграничивая свою личность от авторской. Любой текст как объект гуманитарного исследования замкнут, закономерен, организован, композиционно выверен во всех частях автором, сознательно выстроен в каждом элементе общей структуры ради авторской идеи. Следовательно, в этом случае личностный авторский миф ослабляет свое влияние, становится менее заметен в произведении. Поэтому, чтобы выявить этот индивидуально-личностный миф, нужно брать в качестве предмета анализа всю авторскую личность, то есть все доступные тексты (художественные произведения, публицистику, письма, устные высказывания, мемуары современников, рисующие образ писателя, и т. д.).

Весьма возможно, что внимательный анализ мировоззренческих форм познания, в частности мифологических компонентов, может вскрыть некоторые структурные принципы гуманитарных наук, в частности литературного творчества, если он будет направлен на литературу как социальную данность и модус коммуникации. Инициативное внесение в мир определений своего желаемого сущего и есть актуальная свобода нашего бытия, то, что мы называем творчеством. Опираясь на те интенции духа, которые в постнеклассической науке нашли выражение в антропном принципе, можно императивно утверждать, что носитель подобного мышления, не будучи замкнутой в себе целостностью, но и не отражая лишь в себе наличную целостность мира, придает своему существованию значение соизмеримости с миром и, рефлексивная на себя, выступает в качестве личности, творческой константы мира, в котором он живет и который строит. Следовательно, практическая ценность гуманитарных дисциплин чаще всего определяется с точки зрения их «критического» потенциала, то есть способности продемонстрировать, что нашей реальности сегодня не хватает конкретных нормативных идей.

Итак, мы можем сделать следующие промежуточные выводы. Наивно-реалистический подход неокантианства, разделивший типы наук по предмету и методу, показал свою ограниченность уже в рамках неклассической науки. В созерцательной парадигме конца XIX – начала XX в. возникло положение о том, что естественные науки изучают природные объекты, которые даны субъекту с самого начала, и не зависят от него, а социальные объекты человеческого творения, напротив, подчинены. В данном случае культура предстает в качестве исторического процесса, как продукт деятельности свободного человека, поэтому в отличие от природы, в которой нет целей и которая предстает как сфера сущего, в культуре ставятся сознательные цели.

Мировоззренческие ценности играют ведущую роль в процессе реализации гуманитарного исследования и в формировании парадигм гуманитарных наук. Мировоззренческое мышление направлено на решение ценностных проблем и, как всякое мышление, представляет некоторую динамику знаний, схожую по своей форме и движению с научным мышлением, так как образует тождественную ему последовательность этапов: 1) фиксация предмета исследования и выдвижение проблемы; 2) формирование метода; 3) применение метода к проблеме; 3) оценка полученного результата. В качестве предмета гуманитарного исследования выступают изменчивые идеальные основания, которые детерминированы ценностными нормами, находящимися зачастую за пределами индивидуального сознания. Это определяет плюрализм методов и результатов гуманитарных исследований, главной функцией которых является превращение ценностей личности в ценности социума.

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

Как известно, точной классификации научного знания не существует. Однако при всем многообразии подходов можно утверждать, что существуют три основные отрасли знания: экспериментально-математическое естествознание, социальные науки и гуманитарное познание (так называемые технические науки можно рассматривать как продолжение естественных). При этом научный статус социально-гуманитарных дисциплин может активно оспариваться, тогда деление наук можно проводить согласно шутливому высказыванию Льва Ландау: «Есть науки естественные, неестественные и противоестественные».

Уже в Античности начал вырабатываться список «наук» (учебных предметов), позже названных свободными искусствами. Свободные искусства, или семь гуманитарных наук (лат. *septem artes liberales*), – система базового, общего и универсального образования, этими науками был достоин заниматься свободный гражданин. Первый цикл (из трех учебных наук) назывался тривиум и включал в себя грамматику, логику и риторику, второй цикл, состоявший из четырех предметов: арифметики, геометрии, астрономии и музыки, назывался квадриумом. Система свободных искусств стала основой образования в средневековой Европе. В XVII–XIX вв. ее заменили другие системы образования, однако в модернизированной форме она по-прежнему сохраняется в американском образовании, хотя названия этих предметов не соответствуют конкретным наукам в современном смысле. Так, академические области исследований, которые связывают с термином «свободные искусства», включают: архитектуру, дизайн и прикладное искусство, изобразительные искусства, музыку и музыковедение, кинематограф и телевидение, театральное искусство, историю, лингвистику, литературоведение и религиоведение. Например, программа магистра гуманитарных наук Уэслианского университета включает курсы по изобразительному искусству, истории искусств, творческому и профессиональному письму, литературе, истории, математике, кино, правительству, образованию, биологии, психологии и астрономии.

По приведенным примерам мы видим, что гуманитарное познание больше сочетается с искусством и даже с вненаучными формами

знания, чем со строгой наукой. Пропасть между гуманистическим исследованием и естественными науками приводит к аргументации смысла и в гуманитарных науках. Что отличает гуманитарные науки от естественных наук – это не определенный предмет, а способ подхода к любому вопросу. Гуманитарные науки сосредоточиваются на понимании смысла, цели и задач и продвигают оценку особых исторических и социальных явлений – интерпретирующий метод нахождения «истины» – вместо того, чтобы объяснить причинность событий или раскрыть истину природного мира. Помимо своего социального применения, нарративное воображение является важным инструментом в (повторном) производстве понимаемого смысла в истории, культуре и литературе.

Воображение как часть набора инструментов художников или ученых помогает создать смысл, который вызывает отклик у аудитории. Поскольку ученый-гуманитарий всегда находится в пределах связи пережитого опыта, никакое абсолютное знание теоретически невозможно; знание – это непрерывная процедура изобретения и изобретения контекста, в котором читается текст. Постструктурализм проблематизировал подход к гуманистическому исследованию, основанный на вопросах смысла, интенциональности и авторства. После смерти автора, провозглашенной Роланом Бартом, различные теоретические течения, такие как деконструкция и дискурс-анализ, стремятся разоблачить идеологии и риторику, действующие в производстве как якобы значимых объектов, так и герменевтических субъектов гуманистического исследования. Это разоблачение открыло интерпретационные структуры гуманитарных наук; для критики гуманитарная наука является «ненаучной» и поэтому непригодной для включения в современные университетские учебные планы в силу самой природы ее изменяющегося контекстуального значения.

Рассмотрим основные методологические установки проблемы определения статуса гуманитарных наук, позволяющие определить их место в структуре современного знания. Мы будем исходить из представления о том, что знание и информация о мире фиксируются как в массовом, так и в индивидуальном сознании в двух взаимодополнительных формах: образной (иррациональной/художественной) и рациональной (научной). Этот дуализм, восходящий к картезианской традиции, имеет физиологическую природу ввиду асимметричности человеческого мозга. Аналогичный вывод применим и к обществу в целом, которое способно динамично развиваться только тогда,

когда в его культуре гармонично синтезируется естественнонаучная и гуманитарная культуры. Взаимоотношения между двумя ветвями познания исторически менялись, напоминая период колебания физического маятника, который сегодня отклонился в сторону иррационального знания, характеризуя кризисное состояние не только гуманитарной, но и духовной культуры в целом.

3.1. Humanities – науки или свободные искусства?

Место гуманитарных наук в структуре эпистемологических парадигм

В 1994 г. английский физик-теоретик Алан Сокал (Alan David Sokal) написал статью в жанре постмодернистского гуманитарного исследования под названием «Преодолевая границы: к вопросу о трансформативной герменевтике квантовой гравитации» [212]. Несмотря на нарочитую нелепость и бессодержательность текста, один из уважаемых гуманитарных журналов “Social Text” опубликовал данную статью, что привело к большому скандалу в научном сообществе и открыло дискуссию о природе не только гуманитарного знания, но и науки в целом. Мистификация была раскрыта самим Сокалом, заявившем, что его целью было не высмеивать сотрудников журнала, в котором он опубликовал свой провокационный текст, а желание указать на необоснованное использование современного концептуального аппарата естествознания в гуманитарных теориях [213, с. 14–15].

«Шутка Сокала» вызвала бурю эмоций не только внутри научного сообщества (что в принципе является стандартной ситуацией в случае научных дискуссий), но и среди более широкой аудитории, ведь английский ученый иронически высмеял не только постмодернизм, но и всю современную гуманитаристику, назвав ее «модной чепухой» и обвинив в некорректном использовании научных понятий, в использовании концепций естествознания в неподходящих контекстах, а также в манипуляциях теоретическими данными [147, с. 18–19]. Среди прочего Сокал ссылаясь на тексты классиков постмодерна и тогдашних лидеров западных интеллектуалов Бруно Латура и Жака Лакана. По мнению Сокала, представители гуманитарных наук в большинстве случаев являются дилетантами, пытающимися продемонстрировать ложную эрудицию в области естественных и точных наук.

По словам Сокала, взгляды на науку и ее исследовательскую практику, высказываемые представителями гуманитарной сферы познания, по сути, являются антинаучными. Для этого есть две причины: во-первых, нечеткость рассуждений, которые по природе чужды научному мышлению. Во-вторых, это формулировка таких тезисов, которые ставят под сомнение рациональность и объективность метода и результатов научного познания. В итоге мы имеем дело в лучшем случае с сомнительными по своему качеству описаниями результатов исследовательской практики, а в худшем – с попыткой подорвать критерии демаркации между научным и псевдонаучным знанием.

Недоразумение, охватившее представителей научного мира после аферы Сокала, привело к появлению новых метафор, описывающих отношения между естествоиспытателями и гуманитариями. Так, в западной традиции утвердился термин «научные войны» по аналогии со «звездными войнами» (“Science Wars”/“Star Wars”) [201]. Однако если мы отнесемся к «провокации Сокала» не как к шутке над гуманитариями, а попытаемся описать ее в методологическом смысле, то увидим ряд интригующих проблем. Среди важнейших – вопрос относительно статуса гуманитарных дисциплин и положения ряда междисциплинарных исследований в области познания человека и общества.

«Споры и дискуссии относительно специфики гуманитарного познания, которым мы обязаны классической традиции неокантианства, не утихают и сегодня, что доказывает актуальность данной темы в рамках философии и методологии науки» [165, с. 157]. В разные эпохи эти науки обозначались как науки моральные, науки исторические, науки о культуре, науки о духе, науки о жизни или науки о человеке. Плюрализм наименований указанного корпуса наук говорит как об определенном ощущении его единства, так и о разнообразии его понимания. На наш взгляд, смысл понятия «гуманитарные науки» (англ. humanities) близок к ренессансной формуле *studia humanitatis*, т. е. устремленности знания на изучение природы человеческого духа и жизненного опыта, без широкого привлечения количественных методов по образцу математического естествознания. Именно идея гуманитарного, человечности (*humanitas*) выступает мировоззренческим и идеологическим фундаментом этих наук, способствующим общему развитию интеллектуальной культуры человечества в целом.

Однако для сторонников радикального научного рационализма гуманитарные теории не более чем набор «мифов» или «историй»,

а истина в подобном знании представляет собой результат межсубъективных конвенций. Кроме того, поборники чистоты научного знания указывают и на другие проблемы, ставящие под сомнение научный статус гуманитарных исследований. К ним относятся: методологический и когнитивный релятивизм; поверхностный дилетантизм; риторический характер дискуссий; отказ от классического понимания понятий «истина» и «знание». Вышеперечисленные признаки позволяют сторонникам сциентизма и естественнонаучного рационализма рассматривать большую часть гуманитарных концепций в качестве паразитных сателлитов науки, или как антинауку.

Действительно, вокруг современной науки возникло целое семейство познавательных феноменов, которые пытаются ей подражать и выдавать себя за научные направления. К числу наиболее разработанных подходов в их классификации относятся подходы Дж. Холтона [184] и В. П. Филатова [170]. Среди разнообразных познавательных феноменов, отклоняющихся от норм научности, можно перечислить следующие обозначения: «девиантная» наука (лат. *deviatus* – отклонения), «паранаука» (греч. *para* – рядом, возле), «альтернативная» наука (лат. *alter* – другой), «экстранаука» (лат. *extra* – сверх). Сами ученые весьма критически относятся к данным формам знания и предпочитают использовать слова с негативными значениями: «квази» (лат. *quasi* – как будто), «псевдо» (греч. *pseudos* – ложь, мнимость), «антинаука» (гре. *anti* – против, вместо), «маргинальная» наука (от лат. *margo* – край), «лженаука», «вненаучное» знание. Также встречаются словосочетания «народная», «анормальная», «неакадемическая», «плохая» и даже «бандитская» наука. Все эти многочисленные вариации термина ненаучного знания не имеют общепризнанного однозначного смысла, однако всех их сближает стратегия инакомыслия и инакодействия в исследовательском поиске.

Гуманитарные науки, в отличие от естествознания, менее защищены от основных угроз псевдонаучности: идеологии, власти, капитала и запросов общества потребительского типа. Вина в распространении волн псевдонаучности отчасти лежит и на самом научном сообществе, которое либо преувеличивает значимость своих результатов, либо, напротив, не способно рассказать о них доступным языком. Однако, говоря о научном статусе гуманитарных наук, мы вынуждены признать, что он будет определяться прежде всего не методологическими нормами и принципами (содержанием и эффективностью теорий, способностью вписываться в систему существующего масси-

ва знаний и т. п.), а положительной или негативной реакцией со стороны самого научного сообщества на появление той или иной социально-гуманитарной концепции. Тем самым «научность» гуманитаристики во многом есть результат соглашений внутри научного сообщества, которое крайне неоднородно. Вопрос об адекватности реакции ученых на появление новых идей в области социально-гуманитарных и междисциплинарных исследований, а также степени обоснованности и авторитетности экспертных оценок представляет весьма сложную проблему. Можно выделить как минимум два аспекта: социально-политический и философско-методологический. О первом мы будем говорить в связи с идеей поляризации двух культур Ч. Сноу, а методологический спор рассмотрим на примере оппозиции «реализм – конструктивизм», борьба которых обострилась после «шутки Сокала».

Исторический анализ развития науки как социально организованной деятельности по получению знаний доказывает тезис о том, что его представители с неизбежностью будут разделены на два противоборствующих лагеря: защитников науки, а точнее господствующей в ней парадигмы, и так называемых антисциентистов, сосредоточивающих основное внимание на проблеме условий социального и психологического понимания процесса получения нового знания. Первая группа (наиболее многочисленная) пополняется в основном из группы ученых-естественников, прежде всего физиков, а вторая – из среды, связанной с социально-гуманитарным познанием. Сторонники сциентистской парадигмы полагают, что гуманитарии возглавили антинаучный фронт, направленный на подрыв «подлинного» научного познания и авторитета науки как специализированной познавательной деятельности, одновременно создавая основу для реабилитации вненаучного знания. В свою очередь, гуманитарии оценивают «армию» естествоиспытателей (или подавляющую их часть) как консервативную и догматическую среду, ослепленную «ложным сознанием». Тем самым одновременно функционируют две модели отношения к науке со стороны ученых, которые мы условно назовем моделью «профессионала» и моделью «дилетанта». В первой модели предполагается, что правильное понимание сущности науки может быть получено только с точки зрения специалиста, то есть эксперта, который объясняет непрофессионалу, что представляют собой законы науки и того, как они организуют природу, с точки зрения принципов научного реализма и правил научного метода. В модели «дилетанта»

предполагается, что даже непрофессионал (гуманитарий или философ) может сформировать действительное мнение о достижениях естественных и технических наук. В этом смысле результаты работы естествоиспытателей могут оцениваться с точки зрения всего сообщества, а не с точки зрения малочисленных элитных групп ученых-экспертов.

Таким образом, мы имеем дело с широкой дискуссией о том, возможно ли научное познание в рамках культуры, организованной на основе рационалистической парадигмы, и как могут сосуществовать две несоизмеримые культуры – естествознание (модель профессионала) и гуманитаристика (модель дилетанта) в рамках единой научной культуры.

Для большинства критиков гуманитарных исследований только естественные науки обеспечивают достаточную и сверх всякой меры достоверную легитимность, которая усиливает объективную и реалистическую эпистемологию, открывая объективные, универсальные и вечные законы природы. Взгляды, продвигаемые гуманитариями, оцениваются в качестве бессмысленного коллажа идей, которые никоим образом не только не подлежат опытной проверке, но и не обладают должной объяснительной и прогностической силой. Отсюда следует вывод о том, что гуманитарные и социальные исследования находятся не на стороне научного познания, а скорее в области псевдонаучных концепций, в одной компании с такими «науками», как астрология, уфология или гомеопатия. Эта точка зрения не встречает отклика у тех исследователей, кто пытается подчеркнуть не только социальный, но и культурный контекст процесса конструирования научных знаний. Тем самым в контексте философии науки и размышлений о естествознании суть спора проходит между отличием онтологических принципов реалистической и антиреалистической методологии науки.

Легко заметить, что эта дискуссия носит не столько научный, сколько философский характер. Поэтому задача определения общеприятных философских предпосылок, определяющих пространство дебатов о границах научности, является основной для понимания сути этого спора, который нельзя рассматривать как «борьбу добра со злом», или науки с лженаукой. Выполнение этой задачи позволит нам оценить шансы выработать общее (как естественнонаучное, так и гуманитарное) представление о том, что мы подразумеваем под наукой.

Проблема взаимодействия «двух культур», различных стилей мышления в науке отсылает нас к знаменитой лекции Чарльза Перси

Сноу «Две культуры и научная революция», прочитанной им в Кембридже в 1959 г. В ней Ч. Сноу выявляет оппозицию между двумя культурами: естественнонаучной и художественной [150]. Он подчеркивает огромную диспропорцию двух способов видения мира, выражающуюся прежде всего в том, что, согласно представителям художественной интеллигенции, мировоззрение ученых характеризуется чрезмерным и поверхностным оптимизмом, основанным на убеждении в неизбежном успехе естественных и технических наук, очевидным бенефициаром которых является все человечество. Вместе с тем ученые не замечают экзистенциальный упадок человечества, обусловленный, среди прочего, прогрессом науки и цивилизации. Сноу указывает на то, что эта оппозиция является признаком предстоящей борьбы за будущее науки и в то же время создает надежду на возможность преодоления разрыва между учеными и не учеными [150]. Разумеется, обострения такого рода дискуссий не происходило, если бы не существовало недопонимания, во многом вызванного философским невежеством обеих сторон конфликта.

Можно задать вопрос: является ли диагноз, поставленный Ч. Сноу интеллектуальной культуре, верным? Возможно, сегодня эта проблема не имеет такой актуальности, которую имела в середине XX в.? Стоит ли утверждать, что такой подход не вызывает ничего, кроме ожесточенной полемики, следовательно, парадоксальным образом девальвирует сущность дискуссии, перенося ее в плоскость эмоциональных и мировоззренческих высказываний?

Предполагаемая Ч. Сноу поляризация культуры возникла в результате трагического опыта двух мировых войн, а динамический скачок науки не только не сумел остановить эскалацию конфликтов, но и усилил общую напряженность. Кроме того, использование результатов естествознания сделало масштабы человеческих страданий, вызванных «ужасами войны», экологическими и техногенными катастрофами, беспрецедентными в мировой истории. Вот почему «прогресс», основными членами которого являются естествоиспытатели, стал основой критики со стороны антисциентистов и западных интеллектуалов-гуманитариев. Это позволило Чарльзу Сноу придать дискуссии о различиях стилей мышления «физиков» и «лириков» социально-политический контекст, переведя спор в плоскость определения значения научного познания в контексте этической оценки научно-технического прогресса консерваторами и левыми. Согласно Сноу, гуманитарии, как правило, исповедуют консервативные взгляды, связанные с праворадикальным мировоззрением, в то время как

естествоиспытатели выступают за прогресс, характерный для левых взглядов (в этом отношении показательна позиция «старого левого» Алана Сокала, недоумевающего, каким образом постмодернизм может помочь рабочему классу в борьбе за свои права).

На наш взгляд, деление представителей научной культуры на «левых» сциентистов и «правых» антисциентистов не вполне корректно. Политические взгляды или, скорее, идеологические предпочтения не могут быть использованы в качестве критерия оценки для выявления философско-методологических позиций участников конфликта. Ситуация гораздо сложнее. Об этом свидетельствует, среди прочего, тот факт, что проблему, сформулированную Сноу, в настоящее время полностью разрешить не удалось. Причина этого заключается в том, что традиционное деление на «левых» и «правых», начиная с эпохи Просвещения, в значительной степени утратило свою актуальность в первую очередь из-за глубоких социальных изменений, которые произошли во второй половине XX в.

Подобную дихотомию невозможно экстраполировать на современную дискуссию о научном познании; она пригодна лишь при условии, что существует дополнительный критерий демаркации – критерий отношения к ортодоксальному образу мышления в науке. Ортодоксальное мышление можно было бы отождествить с традицией научного реализма (Х. Патнэм, К. Поппер, У. Селларс и др.), и прежде всего с классическим подходом к категории истины. Несмотря на многозначность понятия научного реализма, его суть выражается в убеждении в том, что наука является единственным надежным средством достижения знания о действительности, а истина свободна от влияния не когнитивных факторов. Противоположное ему неортодоксальное направление в философии науки представлено инструментализмом (П. У. Бриджмен, Л. Лаудан, Б. Ван Фраассен и др.), согласно которому научные теории являются полезными инструментами для предсказания явлений вместо истинных или приблизительно истинных описаний. Для защиты своих положений сторонники инструментализма используют аналогию игры в спортивном матче. С этой точки зрения, научный факт – это когнитивно-социальная конструкция, в которой действия игроков определяются правилами, установленными создателями игры. При этом правила игры (законы науки) развиваются и изменяются с течением времени. Тем самым предполагается, что законы науки сформулированы в результате переговоров, то есть они представляют собой конкретные соглашения, принятые и одобренные экспертным сообществом.

Противники когнитивно-методологического релятивизма полагают, что такой способ мышления обременен некой тривиальностью и эпистемологической наивностью. Согласно представителям научного реализма, отказ от веры в то, что законы физики описывают правила, управляющие миром адекватным, универсальным, объективным и вневременным образом, противоречит здравому смыслу, ведь здравого смысла вполне достаточно, чтобы не сомневаться в том, что самолет находится в воздухе не по конвенции, заключенной между физиками, а благодаря тому факту, что физики обнаружили объективно существующие законы природы. Известно высказывание А. Сокала: «Любой, кто считает, что законы физики – это всего лишь социальные соглашения, пожалуйста, попытайтесь нарушить эти соглашения, выпрыгнув из окна моей квартиры, а я живу на 20-м этаже» [212, с. 62].

Мышление, обобщенное по аналогии со спортивной игрой, по мнению Сокала, это отличная иллюстрация «запутанного» мышления, так характерного для гуманитариев. Предполагается, что данный вариант познания является противоположностью рационалистической парадигме, суть которой Декарт выразил в категориях, взятых из математики, т. е. в требовании ясности и отчетливости мышления. Отсутствие ясности, связности, объективности в концепциях, предлагаемых представителями гуманитарного познания, связано прежде всего с тем, что авторы этих идей имеют весьма смутное представление о принципах и нормативах научных теорий и используют разработанный в них концептуальный аппарат несанкционированным образом.

С точки зрения представителей гуманистического описания науки, цивилизационное развитие человечества не определялось чередой успехов ученых, представленных как смешение различных идей, не всегда «реальных», но всегда человеческих. Говоря языком гегелевской логики, прогресс есть развитие «человеческого духа через историю».

Спор между реалистами и инструменталистами мы можем определить как столкновение классического взгляда на философию науки с постмодернистским видением науки. Кажется, что таким образом мы можем охватить самую широкую плоскость дискуссии, которая, однако, отличается от дихотомии «реализм – инструментализм». По этой причине дискуссия о научности гуманитарных исследований в значительной степени утратила свой статус спора, характер которого можно определить как чисто философский – он трансформировался в мировоззренческую полемику, несмотря на противоположные заяв-

ления основных участников дискуссии. Это преобразование находит выражение в исходной оппозиции модели «профессионала» и модели дилетанта. В этой версии борьба за научность – это спор о социальных условиях для понимания процесса научного познания и оценки его результатов. Вопрос сводится к следующему: что может понять средний обыватель из современных научных докладов и статей? Можно понять, какие открытия и дальнейшие перспективы развития имеет наука, например, гуманитарные исследования? На самом деле это вопрос о текущем статусе принципа проверяемости и передачи массива научных знаний. Сциентистская модель основывается на успехе научного познания. В ее рамках специалист по естественным наукам не только обнаруживает «настоящие» знания о мире, но и решает, каким образом знания о фактах будут репрезентированы и как они будут распространены среди широкой аудитории. В этом смысле ученый является не только создателем знаний о мире, но и «пророком», знание которого познавательно ценно для обывателя. Следовательно, сущность научного знания может быть уловлена только специалистом по естествознанию, ведь, чтобы стать пророком, нужно пройти длительный период подготовки, который завершается «даром» понимания сущности мира. Однако научное знание специализируется по видам знания, не может существовать специалиста по любому вопросу. Это объясняет тот факт, что специалисты в области теоретической физики занимают избранное место в группе экспертов, ведь в историческом, теоретическом и методологическом отношении это наиболее «зрелая» область знаний. Еще одним свидетельством, подтверждающим особую роль физиков в группе экспертов, является тот факт, что результаты их исследований напрямую влияют на жизнь человека и влекут за собой ряд мировоззренческих следствий. Вот почему средний обыватель полагает, что именно «физики», а не «лирики» имеют право быть «первосвященниками» современной цивилизации.

Рассмотрим альтернативу модели «профессионала» при анализе наших представлений об окружающей действительности: может ли модель «дилетанта» быть принята в описании природы? Чтобы ни говорили сторонники сциентистской парадигмы, научные исследования проводятся с точки зрения концептуального аппарата, разработанного в рамках гуманитарных знаний и философского анализа. Результаты исследований подлежат, как говорили неокантианцы, отнесению к ценностям не только в рамках научного дискурса, определяющего

правдивость или ложность данного научного факта – результаты исследовательской практики естествоиспытателей должны подвергаться широкой социальной оценке в том смысле, что дилетанты-гуманитарии оценивают, какие последствия дают эти научные отчеты и результаты исследований для жизни, как теории и их технологические применения влияют на качество жизни человека и всего общества как в положительном, так и в отрицательном смысле. В модели «дилетанта» предполагается, что эксперт не должен оценивать, являются ли продукты научного познания спасением или опасностью для индивида. Экспертная функция гуманитариев и философов в форме оценки ценности продуктов научного познания не устраивает большинство естествоиспытателей и «технарей». По их мнению, это приводит к ослаблению авторитета ученых, подрывая их ключевую роль в процессе объяснения «мира» и просвещения «простых людей». Дилетант может понять характер современной науки только через чтение научно-популярной литературы, авторами которой являются ученые, изучающие естествознание.

Таким образом, вопрос о статусе и значении оценок-ценностей, сформулированных дилетантами в отношении результатов исследований, является одним из важнейших в «войне за науку». По мнению защитников науки от иррациональности, только профессионал должным образом подготовлен определить с помощью соответствующих методов истинность или ложность теории. Действительно, подрыв авторитета ученых неизбежно должен приводить к снижению ценности научного познания. Отмена принципа «только эксперт может формулировать оценки» ставит научные знания в один ряд со всеми псевдонаучными теориями: креационизмом, астрологией, гомеопатией и т. п. Результатом этого будет потеря социальной и познавательной уверенности представителей естествознания, что, в свою очередь, влечет за собой растущий интерес общества к эзотерике и мистике. Даже если страхи сциентистов сильно преувеличены и гуманитарные исследования в области экспертного знания не направлены на то, чтобы снизить ценность науки в пользу вненаучных практик, то очевидно, что спор в «войне за науку» сводится к обсуждению социальных детерминант исследовательской практики и результатов естествознания.

Корни таких представлений уходят в понимание природы «рациональности». Начиная с научной революции XVII в., рациональность отождествлялась с деятельностью ученых-естествоиспытате-

лей. Попытки дискредитировать этот способ интерпретации науки, предпринятый, согласно мировоззрению ученых-сциентистов, гуманитариями и философами, приводят к резкому возрастанию иррациональности в общественном сознании, к размыванию границ научности, к засилью суеверий и лженаучных представлений.

Естествознание Нового времени провозгласило принцип безличного знания, свободного от каких-либо авторитетов и канонов. Именно в этом мы видим условный водораздел между науками о природе и науками о духе, произошедший после окончания эпохи Средневековья. В отличие от естествознания, экспериментальные методы и формализованные результаты в гуманитарных науках существенно ограничены предметом исследования, поэтому проверка истинности гуманитарной теории значительно зависит от традиции. В отличие от естествознания, гуманитарная наука смотрит в прошлое, а не в будущее, следовательно, личность ученого, как и всего научного сообщества, играет здесь ведущую роль. Материал, питающий почву гуманитаристики, полностью наследуется от прошлого и определяется им; например, для филолога и лингвиста это тексты, для историка – различные культурные артефакты прошедших эпох. Корпус гуманитарных наук образует синтез с науками об обществе, а также часто включает в себя художественную литературу – прозу, поэзию и эссеистику, мировоззренческое познание – религию и философию. В гуманитарных науках терминология в значительной мере опирается на лексику «живого» языка, например, часто употребляются уточняющие выражения типа «знак в смысле Чарлза Пирса», «оговорка по Фрейдю», «карнавал по Бахтину», «постструктуралистское письмо» и т. п. В случае гуманитарного знания связь имени с идеей более плотная и сущностная, нежели в естествознании. В наименованиях гуманитарных наук обозначается не только авторство, но и общая система идей, созданная конкретным ученым и включающая в себя данный термин [60, с. 289].

Тем самым гуманитарные науки развиваются в форме «анормального» знания в том смысле слова, что они не вписываются в эталон «нормальной» науки (Т. Кун). Расхождение гуманитарных исследований с «нормальной» наукой происходит как на уровне методов, так и при попытках синтеза норм принципиально различных форм познавательной деятельности – иррациональных и рациональных, духовных и предметных. Таким образом, говорить о парадигмах в гуманитарных науках затруднительно; здесь мы имеем дело не с пара-

дигмальностью, а с метапарадигмальностью. Подобный подход составляет основу антиреализма (методологического релятивизма), философские тезисы которого сформулировал американский социолог и историк науки Стивен Шейпин (р. 1943):

1. Не существует единого, исторически неизменного и одинакового для всех метода исследования природы.

2. Современная наука все больше сосредоточивается не на объяснении реальности, а на ее изменении. Ученые ставят перед собой не цель получения объективной истины, а цель получения прагматической (коммерческой) выгоды от проведения исследований.

3. Любое научное исследование должно быть оценено и принято научным сообществом.

4. Научно-исследовательская практика и результаты естествознания не оправдывают необходимость занять позицию реализма.

5. Концептуальный аппарат естественных наук – это конструкция человеческого сознания.

6. Наука не является полностью объективным мероприятием.

7. Ученые не всегда учитывают все плюсы и минусы от результатов собственных исследований.

8. Современная наука (физика, космология, биология и пр.) основана на ряде теоретических предположений, которые ничем не отличаются от религиозных актов веры.

9. Ученые вынуждены принимать теории, которые недостаточно хорошо подтверждены.

10. На всех этапах развития науки методы объяснения определялись социальными факторами [211, с. 99].

Конечно, ни один из приведенных выше тезисов не является бесспорным, однако, с точки зрения «защитников науки», вышеперечисленные положения являются специфическим вероучением антиреализма и в гуманитаристике выражаются в создании междисциплинарных направлений. «Сегодня для научных исследований стали привычны “методологические гибриды” антропологии с социологией, истории с культурологией, педагогики и психологии и других социально-гуманитарных дисциплин. С точки зрения классической методологии это своеобразный коллаж методов, используемых очень часто нетрадиционным, а в некоторых случаях недопустимым образом» [165, с. 156]. Общим для данных гуманитарных исследований является декларация о привязанности к той или иной форме инструментализма.

Следует помнить, что гуманитарные дисциплины с точки зрения истории науки самые «молодые» и в значительной степени «методологически незрелые». Поэтому было бы разумно обсудить методы практики гуманистического осмысления естественных наук и изменить их таким образом, чтобы учесть методологическую специфику междисциплинарных исследований. Кто-то может спросить: могут ли те же инструменты, успешно применяемые в гуманитарных науках, быть в состоянии изучать деятельность естествоиспытателей в лабораториях и описывать результаты их исследовательской практики? Это связано с обвинениями научных реалистов в несанкционированном использовании гуманитариями концепций, разработанных в области естествознания. Гуманитарные науки (humanities) образуют достаточно устойчивое ядро культурной памяти, будучи вписанными в определенную культурную традицию, по отношению к которой все вновь создаваемые гуманитарные тексты являются комментариями и вариациями [60, с. 281]. Тем не менее научные аргументы гуманитарных теорий являются реализацией вненаучных по своему происхождению установок, которые определяют логику рассуждения ученых.

Можно ли положить конец противостоянию науки и антинауки? Сомнительно, что этот спор закончится явной победой одной из сторон. Будет ли эта дискуссия продуктивной в том смысле, что ее результаты принесут нечто новое в наше понимание науки, – вопрос открытый. Конечно, если этот спор, по сути, философский, то он неразрешим, невозможно определить, кто в этой дискуссии имеет более веские аргументы. Тем не менее обсуждение соотношения двух культур, начатое Ч. Сноу, и «научные войны», развернувшиеся вокруг мистификации А. Сокала, имеют положительные результаты. Методологический спор, развернувшийся между сторонниками реализма и инструментализма, может помочь найти общий язык при понимании природы науки вообще и гуманитарных наук в частности, а также позволит уточнить принципы методологии междисциплинарных исследований.

Указывая на паллиативный характер научности гуманитарных теорий, не стоит забывать, что деятельность исследователя в гуманитарном познании имеет циклическую структуру и как таковая она движется от абстрактной темы к определенному результату. При этом вопрошание и уточнение тематизации в гуманитарных науках зачастую идет под знаком деструктивности, так как когнитивные структуры методично ставятся под угрозу. Все это указывает на то, что гума-

нитарные теории кажутся совершенно неэффективными как в технологическом, так и в теоретическом аспектах. Научный прогресс, а также прогресс человеческих знаний обусловлен развитием естествознания, поскольку кумуляция информации здесь не вызывает никаких сомнений. Тем самым в гуманитарных науках бессмысленно говорить о каком-либо прогрессе знания.

Возможно, что формула “Humanities and Arts” – самое распространенное в англоязычном мире обозначение гуманитарных наук – есть более удачное, более адекватное решение не в последнюю очередь потому, что оно лучше совместимо с той долей воображения, без которой не возникает новое в гуманитарных науках. Следовательно, гуманитарные науки не должны стремиться к научности по аналогии с логико-математическим естествознанием [44]. Гуманитарные науки должны вызывать прежде всего не специально научный, а мировоззренческий или ценностный интерес. Работы ученых-гуманитариев анализируют профессиональные философы (например, этнографические исследования Клода Леви-Стросса Жаком Деррида), в их трудах анализируют не просто теорию конкретной научной дисциплины, а наиболее общие идеи, применимые в других науках и в априорной рефлексии о культуре. При интерпретации гуманитарных теорий их авторы переходят из поля науки в философию, выдвигая на передний план не операциональные идеи, правила и методы, а умозрительные смыслы. В то же время в массовом сознании гуманитарная культура по-прежнему сохраняет имидж альтернативы «настоящей» науке, сформировавшейся во второй половине XX в. под влиянием средств массовой информации и западной гуманитарной интеллигенции, которая активно транслировала мистические и антисциентистские взгляды. В итоге значительно возросла вероятность распространения пагубных стратегических решений в политике, экологии, образовании и этике.

Когда мы говорим о научном статусе гуманитарных наук, нельзя забывать о тех современных тенденциях, которые затрудняют этот анализ. Речь идет об идеологии и практике постмодернизма с ее идеей деконструкции образа классической научной традиции. Начиная с 70-х гг. прошлого столетия постструктурализм и философия постмодерна стали рассматриваться в качестве наиболее влиятельных парадигм социально-гуманитарного познания.

В последнее время стала распространяться точка зрения, что мы живем в принципиально новую эпоху, которую принято обозначать

как «пост-постмодерн». Использование этого термина включает в себе стремление ученых вновь обрести твердую почву под ногами и вернуться к былой определенности понятий [58, 188]. Современный постмодернизм (или пост-постмодернизм) не имеет четкой дисциплинарной традиции, перманентно пребывая в искусстве, философии и в гуманитарных науках. «Вызов “эпохи постмодернизма” потребовал от философии и гуманитарных наук нетривиальных решений, нестандартных подходов, контуры которых уже прорисовываются в интеллектуальном пространстве современной культуры» [65, с. 143].

Мощь информационных и миграционных потоков, смешение реальной и виртуальной информации, размывание тысячелетиями и веками складывавшихся форм и институтов человеческой жизни – все это чрезвычайно усложнило все параметры нынешнего человеческого существования, но одновременно породило новые императивы самосознания и свободы людей, что естественным образом сказалось и на образе науки. Как указывал Питер Берк, «мы живем в век расплывчатых линий и открытых интеллектуальных границ, век, одновременно волнующий и приводящий в замешательство. Ссылки на Михаила Бахтина, Пьера Бурдьё, Фернана Броделя, Норберта Элиаса, Мишеля Фуко, Клиффорда Гирца можно найти в работах археологов, географов и литературных критиков, так же как и в работах социологов и историков» [143, с. 294]. Неклассическая наука стала отказываться от ряда классических критериев в силу совершенствования своих методов. В качестве подобного примера мы упоминали синергетическую парадигму, которая выступает как наука, методология и научная картина мира. Усилил линию размывания критериев научности постмодернистский упор на «перспективность представленного направления», в котором и заключается единственная ценность гуманитарного исследования. Постмодернизм нарушил методологическую традицию классической науки тем, что языковая стратегия усилена метафоризацией и гиперболизацией, которые рассматриваются в качестве основных приемов. Философия постмодернизма выступила как широкое идейное течение западной гуманитарной мысли и оказала сильное влияние на гуманитарное сознание и методологию.

В нашей работе «Метод гуманитарного исследования: этапы философской рефлексии» [158] мы неоднократно указывали на то, что «представители постмодернистской парадигмы (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар и др.) выявили не классичность современных гуманитарных дисциплин» [158, с. 16]. «Плюрализм культурных язы-

ков, моделей, стилей приводит к размытости жестких бинарных оппозиций, к множественности смыслов и точек зрения прежде всего в такие гуманитарные исследования, как литературоведение» [76]. Однако возникает вопрос о возможности позитивной роли идеологии и методологии постмодерна в рамках социально-гуманитарного знания.

Говоря о состоянии знания в современных наиболее развитых обществах, видный представитель постструктуралистской философии Ж.-Ф. Лиотар характеризует «ситуацию постмодернизма» как вавилонское столпотворение многочисленных частных наук, каждая из которых претендует на доминирующее положение на троне научной истины, но которые давно перестали понимать друг друга [103]. Вавилонское столпотворение разных научных языков, каждый из которых стремится детерминировать знание человека о мире, обнаруживая тем самым «волю к власти» и репрессии, приводит к хаосу. Такова постсовременная реальность, в которой сложившаяся социокультурная ситуация характеризуется серьезным научным и духовным кризисом и, как следствие, невозможностью противостояния глобальным проблемам человечества.

Ж.-Ф. Лиотар предложил и свой способ выхода из постмодернистской ситуации, а именно воспитание в каждой частной науке терпимости к себе подобным и стремление выйти за собственные рамки на «метапозицию». Как путь выхода из кризиса духовности Ж.-Ф. Лиотар предлагает воспитание этики терпимости и утверждение политики плюрализма ценностей и истин [103].

Таким образом, «постмодернистская практика движется по кругу рекурсивной референции, решая задачу бесконечной генерации текстов путем постоянного сочинения текстов о текстах, а само постмодернистское произведение приобретает вид “попурри” из предшествующих культурных текстов» [165, с. 38]. Именно этой традиционной форме научности и должна противостоять «грамматология» – специфическая форма «научного» исследования, оспаривающая основные принципы общепринятой «научности» [51, с. 241–242]. Смысл и значение постмодернизма состоят в расхождении означающего с означаемым, дискурса и эмпирического знания, в переводе многомерного бытия в плоскость мыследеятельности и проектирования. Постмодернизм продемонстрировал пафос сближения и совмещения языка модернизма с языком массовой литературы. Целью этого сближения было преодоление элитарности модернистской литературы, ориентированной на узкий круг интеллектуалов.

В контексте постмодернистской парадигмы методологическая специфика гуманитарного знания заключается в подрыве референции, где в бытии как присутствии личность должна превратиться в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей личности. Постмодернисты пытаются обнаружить за всеми культурными феноменами язык власти и власть языка, следовательно, вне текста нет ничего, а реальностью предстает языковая, текстовая реальность. Текст может заключать в себе множество смыслов и обладать определенной степенью свободы, не имея «объективного значения». Так, согласно Р. Барту, «всякое описание текста, как и вообще всякое его прочтение, не «конструирует» текст, но, напротив, «деконструирует» его. «Текст множественен. Это не значит просто, что он обладает несколькими смыслами, но что сам есть воплощенная множественность смысла: неотвратимая (а не просто допустимая) множественность. Текст – это не сосуществование значений, но переход, пересечение; поэтому он не нуждается не в интерпретации, сколь бы то ни было свободной, но во взрывании, в рассеивании» [15, с. 415–417].

Итак, в постмодернистской перспективе все знание исторически обусловлено, т. е. знание – это крайне изменчивый культурный артефакт. Крайний плюрализм методов, отрицание «научного метода», лозунг «Годится все» – все это родственно позиции методологического анархизма Пауля Фейерабенда [174]. Ничто не может быть познано вне культурного окружения, поэтому истина в постмодернистской традиции не столько найдена, сколько сделана. Так, по мнению Мишеля Фуко, у человека не существует никакой постоянной природы и на «протяжении всей истории люди непрестанно строили самих себя, т. е. постоянно изменяли свою субъективность, формировали себя с помощью бесконечной и многообразной серии различных субъективностей, которые никогда не иссякнут и не приведут нас к тому, что есть человек» [179, с. 257].

В широко используемой исторической типологии развития научного знания В. С. Степина истине в постнеклассическом образце научного познания свойственен учет не только инструментальных, но и ценностных характеристик субъекта. Приведенная типология свидетельствует, что эволюция культурных смыслов науки осуществляется как такая трансформация ее объекта и метода, в результате которой наивно-объективистское представление об истине как «независимой от субъекта и человечества» замещается все более «субъектно нагруженным», выражающим культурную размерность понятий-

но-инструментальной деятельности и ее ценностно-смысловых характеристик [154, с. 331–339].

Объективность знания в постмодернистском подходе состоит в нахождении наиболее адекватных интересам способов деятельности. Все более становится ясным, что «вненаучные идеи могут пробить себе дорогу в обществе не с меньшей вероятностью, чем научно обоснованные, и что могут утверждаться такие представления, которые вообще не допускают научного обоснования» [17, с. 260–263]. Постмодернизм бросает вызов понятию метода и истины, абсолютизируя момент релятивности знания. Идеологи современного постмодернизма трансформируют исходное познавательное отношение в духе «смерти субъекта» и «языковых игр» как синдрома смерти объекта, девальвируют понятие истины как фундаментальной категории философской теории познания до уровня одного из его этических регулятивов. Игнорирование детерминизма и нормативности мышления является одной из главных проблем постмодернистского образа мышления, негативно отражающейся на гуманитарном знании. «Постмодернистская культура оправдывает факты разрушения логического мышления, не признавая за ним ценности, дающей человеку возможность адекватно воспринимать причинно-следственную связь объективной реальности, что ставит под удар не только гуманитарное познание, но и весь спектр человеческого познания» [155, с. 130–132].

Соответственно, истина в постнеклассической парадигме развития науки должна восприниматься не как воспроизводство объекта в знании, а как характеристика способа деятельности с ним. Поскольку таких способов может быть много, возможен «плюрализм истины и, следовательно, исключается монополия на истину» [173, с. 50].

3.2. «Лингвистический поворот» как форма анализа гуманитарного мышления

В современной философской литературе общим местом стало упоминание о «лингвистическом повороте» в культуре XX в. Немецкий мыслитель Карл-Отто Апель отмечал, что тема, связанная с категориями “language, truth and logic”, стала необычайно характерной для западноевропейской философской мысли [11, с. 34]. К проблемам языка, его влияния на познание, мышление и коммуникацию в разное время обращались такие классики философской мысли XX в., как

Г. Гадамер, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Хайдеггер, У. Эко и др. По мнению отечественного методолога науки И. Т. Касавина, «современная философская одержимость языком, пресловутый лингвистический поворот, приведший от Витгенштейна к постмодернистскому дискурс-анализу, – не что иное, как очередное воспоминание европейской культуры о своих истоках, об истории “после Вавилонской башни”. Это грехопадение языка оказалось столь же когнитивно значимо, как вкушение с древа познания, как добыча огня, как миграции первобытного человека» [2, с. 53].

XX в. оказался судьбоносным для человеческой культуры и цивилизации. Сложные и трагические взаимоотношения культур, цивилизаций и общества определяли динамику, структуру и будущее гуманитарных наук. Так называемые «повороты» в знании о человеке и обществе во многом были связаны с трансформацией социальной истории. По окончании Второй мировой войны в социально-гуманитарном знании под влиянием структуралистской методологии утвердилось представление о культуре не как о подчиняющейся человеку силе, а как общем языке, который, помещая субъекта в определенные рамки, открывает ему возможность выбора. Этот «культурный поворот», или попытка вернуть в социальное и гуманитарное знание субъекта, оказался тесно связан с лингвистическим поворотом, представляющим собой крайнее развитие социального характера мышления – отрицание субъекта [82, с. 81]. Конфликтное значение лингвистического поворота позволяет некоторым авторам усматривать в нем не парадигму, а сюжет, манифестирующий глубокий кризис гуманитарных наук. В то же время лингвистический поворот стал своеобразной реакцией на тот кризис, который поразил гуманитарные исследования после утраты влияния постструктурализма в Западной Европе.

Лингвистический поворот в гуманитарной культуре связывают с именем английского историка Хейдена Уайта (1928–2018), который в работе «Метаистория» рассмотрел широкий контекст историографии и письменности в целом, породив интеллектуальную моду на синтетические исследования не столько в сфере исторического познания, сколько в области литературоведения, языкознания и других смежных гуманитарных дисциплин [168]. С тех пор «лингвистический поворот» стал восприниматься учеными в качестве альтернативной парадигмы для большинства гуманитарных наук. В лингвистической парадигме язык выступает в качестве метода анализа теоретической мысли. Одним из способов реализации инструментальности является

не только возможность отсылки к уже известному, но прежде всего категоризация неизвестного. В этой функции язык выступает, во-первых, как основное орудие «упорядочения» мира путем использования имен категорий, без которых мир предстает как неконструированный хаос [83, с. 308]. Во-вторых, как инструмент выделения, освоения и присвоения нового, поскольку язык является неограниченным источником тропов [92]. В-третьих, язык есть психологическое отражение внутреннего мира познающего субъекта, его сознания и подсознания.

Как мы уже отмечали, гуманитарная мысль является символической формой, ее дискурс полисемантичен и наделен многоуровневыми семиологическими ресурсами. Следовательно, наиболее важным при их рассмотрении является изучение семантических и лингвистических структур гуманитарных наук, что, в свою очередь, тесно связано с проблемой понимания целостности человеческого опыта и проблемой субъекта. Изучение семантических оснований гуманитарного научного дискурса позволяет соотносить между собой различные типы значений и описывать разнообразные факторы, влияющие на формирование научных теорий.

Сторонники лингвистической парадигмы считают основным методом философского и научного познания анализ языковых значений. Однако, учитывая субъектно-субъективный ценностный характер гуманитарного знания, нельзя утверждать, что в нем возможны построения логически стройных теоретических структур. Несмотря на значительное влияние вербальных систем, в гуманитарных науках существуют вполне самостоятельные от языка формы эмпирического опыта – восприятия, доязыковые прототипы, концепты. Стремления к инновациям, обусловленные необходимостью по-новому взглянуть на новые объекты, проявились в данном случае в попытках объединить изучение языка и литературы с изучением истории идей, а также истории социальных структур.

В последние годы лингвистика и языкознание оказали огромное влияние на изучение механизмов функционирования исследовательского сознания ученых-гуманитариев. Речь идет о так называемом «лингвистическом повороте», представляющем собой разнообразие теоретических построений, от структуралистских до прагматических. В качестве парадигмы «лингвистический поворот» предполагает анализ исследовательских жанров, научной проблематики и структуры гуманитарной мысли в целом. Творческий потенциал художественно-эстетических образований представлен феноменом метафоры. Ме-

тафора выступает посредствующим звеном между высокоабстрактными структурами и чувственно-конкретным миром, объединяя их своей смысловой неопределенностью. Сквозная роль метафоры в гуманитарной культуре дает основание утверждать, что любой творческий акт по своей природе эстетичен. В частности, речь идет о так называемых «регулятивных метафорах среднего уровня», определяющих логику рассуждений [205, с. 8]. Наконец, к лингвистической парадигме относится семантика понятий, например базовых исторических понятий, следовательно, от проблематики лингвистики намечается переход к проблемам логики.

В гуманитарных науках метафоры, выражающие структуры внеязыкового опыта, например опыта пространства, становятся аналогами научных понятий. Присутствие в понятиях опыта пространства неизбежно сказывается на семантических структурах и тем самым на логике гуманитарных наук. Изучение пространственных паралогик в их взаимодействии с другими, в том числе и лингвистическими формами внутренних репрезентаций, – одна из перспективных тем исследования сознания [83, с. 27]. Эмпирический характер исторического знания, как и любой гуманитарной дисциплины, всегда вызывает серьезные теоретические дискуссии, порождает новые текстуальные и идеалистические концепции. Поэтому основную проблему исторического знания можно свести к трактовке эмпирического опыта, который открывает историку доступ к прошедшей и несуществующей реальности, связывая настоящее и прошлое в единое концептуальное целое.

Как известно, дистанция между прошлым и настоящим всегда воспринималась как некое интеллектуальное препятствие, преодолеть которое можно используя различные исследовательские методы. Так, неокантианцами был предложен метод соотнесения к ценностям (Г. Риккерт), а В. Дильтей применил метод «понимания» исторической действительности, в котором внутренний опыт исследователя воссоздает смыслы прошлого времени. Таким образом, на этапе становления и развития классической науки в гуманитарных исследованиях стала господствовать понимающая (интерпретационная) парадигма. Ее сторонники – представители герменевтики, философии жизни, постструктуралисты (В. Дильтей, Г. Зиммель, М. Вебер, Х.-Г. Гадамер, Р. Барт) – сосредоточили внимание не просто на исследовании деятельных сил истории, а на методологии их познания. Герменевтика и феноменология, а вслед за ними и аналитическая философия сконцентрировали свой познавательный потенциал на поисках удовлетво-

рительной концепции исторического объяснения, на логическом исследовании структуры нарратива и нарративных предложений. Таким образом, историческая методология постепенно стала сводиться к анализу конкретно-исторических обычаев словоупотребления, к логическому исследованию структуры языка, используемого в исторической науке. Лингвистический поворот исходит из убеждения, что, поскольку мир дан нам только в языке и благодаря языку, наши репрезентации, несмотря на их кажущуюся порой объективность, не репрезентируют ничего, кроме породивших их языковых механизмов. «Исследованию подверглись весьма разнообразные языковые механизмы – от глубинных тропологических структур исторического дискурса до “регулятивных метафор среднего уровня” и более или менее поверхностных стилистических эффектов» [81, с. 11].

Особый интерес представляет концепция «интеллектуального эмпиризма», предложенная голландским философом и историком Франклином Рудольфом Анкерсмитом (р. 1945), – оригинальная концепция понимания методологии исторического познания в контексте понятия художественно-исторического опыта. Ф. Анкерсмит обращает внимание на феномен «исторического опыта», где мы воспринимаем следы прошлого (experience), и этот опыт возникает в момент одновременного восстановления и раскрытия прошлого. Большинство идей интеллектуального эмпиризма мы анализировали в статье «“Поворот к опыту”: метод познания истории в концепции “интеллектуального эмпиризма” Ф. Р. Анкерсмита» [160].

По мнению Ф. Анкерсмита, «лингвистический трансцендентализм», то есть внимание исследователей к проблеме философии языка, не только не способствует пониманию смысла деятельности историка, но и затрудняет выявление факта существования исторического повествования. Положение о том, что соприкосновение с реальностью возможно только через язык, по мысли Анкерсмита, делает большинство современных философов совершенно невосприимчивыми к тем проблемам, с которыми имеет дело историк, ищущий доступ к миру прошлого. Ученый утверждает, что нарративная связность может гарантировать наиболее легкий доступ к прошлому, но она скрывает аутентичность нашего опыта прошлого. То, что освоено и исполнено с помощью нарратива, уже более не дает доступа к историческому опыту [10]. Рассмотрение истории как нарратива или текста, привлекательное в качестве отвлеченной теоретико-познавательной концепции, оказывается совершенно неубедительным, как только

мы пытаемся соотнести ее с тем, чем на самом деле занят историк, ведь если бы прошлое было полностью идентично рассказу о нем, а смысл и целостность его целиком растворялись в языковой репрезентации, то мы никогда не ощутили бы непреодолимой дистанции между прошлым и настоящим временем. А именно эта дистанция и является принципиальной предпосылкой всякого исторического текста. Если бы прошлое существовало для нас только как рассказанное, не была бы столь настоятельной потребность вновь и вновь возобновлять рассказ. Таким образом, само существование исторического письма ясно свидетельствует о том, что истоком всякого рассказа о прошлом является что-то, не имеющее ничего общего с языком, некий опыт реального соприкосновения с ним. Чтобы приблизиться к пониманию того, что это за опыт, нужно, как выражается Ф. Анкерсмит, «безжалостно избавиться от всех бесполезных и обременительных продуктов трансценденталистской бюрократии» и «распахнуть окно этой душной и тесной комнаты, в которой мы жили последние пятьдесят лет», чтобы вдохнуть «свежий воздух внешнего мира» [9, с. 160]. Анкерсмит отмечает, что историк может «совершить побег из “тюрьмы языка”» и уклониться от того определяющего влияния, которое оказывает язык на наши концепции прошлого, историк может вступать в реальные, подлинные, а значит, и «опытные» отношения с прошлым, т. е. в отношения, которые не замутнены историографической традицией, дисциплинарными допущениями или лингвистическими структурами.

Сложность понимания истории состоит в том, что когда историку требуется открыть нечто новое в прошлом, то он должен «растворить» объективное прошлое до неопределенного состояния, а так как прошлое распадается на фрагменты, то возникает необходимость «закрепить» положение субъекта. В качестве эффективного средства закрепления субъекта и основного источника для понимания прошлого Анкерсмит предлагает считать эмпирический опыт. В этой стратегии он, по сути дела, возвращается к традициям американского прагматизма, в частности к философии Дж. Дьюи, где опыт является исходным и конечным критерием истины, предшествуя категориям субъекта и объекта. Сам Анкерсмит определяет свои взгляды на историческое прошлое как концепцию «интеллектуального эмпиризма». Он особо подчеркивает, что «существует такая вещь, как “интеллектуальный опыт”, в котором наш разум не хуже, чем наши глаза, уши, пальцы, может работать как вместилище опыта» [9, с. 27].

Следует особо отметить, что в исторической науке отношения между субъектом и опытом несколько отличаются от традиционного отношения между субъектом и опытом в других науках. В естественных науках опыт является средством познания внешнего мира, в исторической науке опыт рассматривается как проводник в мир и в жизнь человека. Классически подразумевается непосредственное разделение опыта и сознательного анализа его результатов, опыт как будто отделен от разума и является «сырым» материалом для работы разума. Однако в исторической науке разум способен участвовать в опыте даже в том случае, когда не связан с чувственным опытом. Анкерсмит полагает, что если «в естественных науках опыт прочно привязан к субъекту или к объекту, то в истории он может свободно путешествовать между ними и располагать субъекта и объект там, где ему нравится. В истории чрезвычайно трудно указать, где заканчивается субъект и где начинается объект, и наоборот. Здесь между ними всегда существует определенная континуальность, так что невозможно определить, что чему конкретно принадлежит. ...Можете ли вы сказать, где наше прошлое “заканчивается” и где “начинаемся” мы сами?» [9, с. 318].

Налицо явный методологический поворот к широкой концепции сознания. Если схематично представить себе взаимосвязь таких базовых понятий, как язык, сознание и опыт, то мы можем показать, что опыт сначала формирует первичную форму сознания и уже потом репрезентируется в языке.

В своей работе «Возвышенный исторический опыт» Анкерсмит выстраивает оригинальную концепцию понимания исторической действительности через анализ форм эмпирического сознания. Он выделяет три вида исторического опыта: объективный исторический опыт, субъективный и возвышенный. Объективный исторический опыт характеризуется тем, как люди прошлого, которые и являются объектом исторического исследования, сами воспринимали свой мир. Примером выступают сводки из газет и информационных источников, анализ ситуации участником или очевидцем событий. Субъективный исторический опыт – это слияние прошлого и настоящего. В качестве примера берется описание Й. Хейзингой исторического ощущения, которое является одним из вариантов экстазиса (*ekstasis*) и может возникать от некоторого мимолетного соприкосновения с элементом прошлого: отрывком из письма, гравюрой или музыкальным произведением прошлого. Й. Хейзинга здесь не подчеркивает наличие ка-

ких-то мыслительных процессов, это ощущение появляется до осознанной рефлексии историка. В субъективном историческом опыте прошлое раскрывается исследователю как реальное в переживании, родственном эстетическому, являясь определенным «вторжением из прошлого» в сознание исследователя. Этот вид исторического опыта «следует располагать, прежде всего, там, где прошлое уже не зависит от настоящего: случается так, что историк исследует прошлое, и вдруг, словно бы ниоткуда, возникает неожиданное слияние прошлого и настоящего, как объятия Ромео и Джульетты» [9, с. 385].

Основное внимание Анкерсмит центрирует на понятии «возвышенного» исторического опыта. Под ним он понимает союз объективного и субъективного опыта, представленного в художественных формах искусства. Возвышенный исторический опыт уже не является переживанием дистанции между прошлым и настоящим и не предполагает обязательного ее наличия, однако прошлое обретает бытие лишь благодаря историческому опыту и через его посредство. Возвышенный опыт представляет собой радикальный вариант разновидности субъективного исторического опыта, в нем прошлое обретает бытие лишь благодаря историческому опыту и через его посредство, таков опыт обособления прошлого от настоящего [9, с. 368].

Данный вид опыта движется как бы в обратном направлении – от настоящего к прошлому, которое не столько обретается, сколько создается переживанием разрыва и забвения, обретения новой идентичности. «Возвышенный исторический опыт есть опыт обособления прошлого от настоящего. Прошлое рождается из травматического опыта историка, вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира» [9, 368]. Обновляясь и отделяясь от прошлого, мы впервые видим его здесь в качестве такового и становимся способными придать ему смысл. Именно из этого глубоко мучительного опыта самообновления, понуждающего одновременно забыть и припомнить, черпают вдохновение по-настоящему великие историки, и именно ему историописание обязано своими важнейшими достижениями. Анкерсмит, по-видимому, вполне сознает, что соединить обе перспективы довольно трудно, а потому все время колеблется между эстетическим и экзистенциально-религиозным пониманием исторического опыта – в перспективе склоняясь все же на сторону его эстетизации. Красноречивым симптомом этих колебаний является тот факт, что он ставит в центр своей концепции возвышенное – категорию, которая, как известно, служит своеобразным «шар-

ниром» между эстетикой и этикой, но при этом всячески стремится минимизировать этическое измерение. В понятии возвышенного главной для Анкерсмита является чисто аффективная, психологическая составляющая, парадоксальное единство боли и наслаждения, в то время как основной структурный момент, а именно обретение личной идентичности через удостоверение принципиальной несоизмеримости возвышенного с любым индивидуальным переживанием, для него не представляет никакого интереса.

В чем же состоит специфика метода исторического опыта по Анкерсмицу? Прежде всего, отметим, что выраженное им понимание эстетического и исторического опыта противоречит эмпиристским концепциям опыта. Особенностью эстетического и исторического опыта мы обычно считаем непосредственность и прямоту, но если обратить внимание на тезис о нагруженности теории эмпирическими фактами, то следует отметить, что научные теории лишают опыт непосредственности и прямоты. Иначе говоря, опыт оказывается опосредованным теоретическими основаниями. Анкерсмит указывает, что в классической системе «субъект – его восприятие мира – объект, воспринимаемый субъектом» главное значение отводится именно субъекту и объекту. Опыт играет роль «момента перехода». Однако под другим углом зрения этот «момент перехода» между ученым и прошлым и является местом рождения исторического описания.

Ф. Р. Анкерсмит отмечает широкие возможности применения самых разных произведений искусства в разработке метода исторического познания. Здесь он обращается к проблеме понимания произведений искусств как экзистенциального метода представления исторического прошлого. Мы не будем подробно останавливаться на увлекательном историко-культурологическом исследовании, которое провел Анкерсмит, анализируя итальянскую живопись эпохи барокко. Отметим, что в данном анализе концепция автора о триаде эмпирического опыта и о слиянии объективного и субъективного опыта прошлого в «возвышенный исторический опыт» подтверждается конкретными примерами и выглядит стройной научной теорией.

Интересно отметить, что схожие взгляды на понимание прошлого высказывал в свое время испанский философ и теоретик культуры Х. Ортега-и-Гассет. В своей работе «Дегуманизация искусства», обращая внимание на феномен нового искусства, он указывал: «Чтобы видеть предмет, нужно известным образом приспособить наш зрительный аппарат. Если зрительная настройка неадекватна предмету,

мы не увидим его или увидим расплывчатым. Пусть читатель вообразит, что в настоящий момент мы смотрим в сад через оконное стекло. Глаза наши должны приспособиться таким образом, чтобы зрительный луч прошел через стекло, не задерживаясь на нем, и остановился на цветах и листьях. Поскольку наш предмет – это сад и зрительный луч устремлен к нему, мы не увидим стекла, пройдя взглядом сквозь него. Чем чище стекло, тем менее оно заметно. Но, сделав усилие, мы сможем отвлечься от сада и перевести взгляд на стекло. Сад исчезнет из поля зрения, и единственное, что остается от него, – это расплывчатые цветные пятна, которые кажутся нанесенными на стекло. Стало быть, видеть сад и видеть оконное стекло – это две несовместные операции: они исключают друг друга и требуют различной зрительной аккомодации» [116, с. 186]. С точки зрения испанского философа, отличительной особенностью нового искусства (т. е. искусства, которое не перестает быть трудным для восприятия, непривычным) является перенос внимания с традиционного объекта искусства (который является «традиционным» лишь в силу многовекового приспособления зрения зрителя именно к «такому» способу быть «предметом») на новый, прежде остававшийся невостребованным. И далее: «...Большинство людей не может приспособить свое зрение так, чтобы, имея перед собой сад, увидеть стекло, то есть ту прозрачность, которая и составляет произведение искусства: вместо этого люди проходят мимо – или сквозь – не задерживаясь, предпочитая со своей страстью ухватиться за человеческую реальность, которая трепещет в произведении. Если им предложат оставить свою добычу и обратить внимание на само произведение искусства, они скажут, что не видят там ничего, поскольку и в самом деле не видят столь привычного им человеческого материала – ведь перед ними чистая художественность, чистая потенция» [116, с. 202].

Аналогичный экзистенциально-психологической прием применяет Анкерсмит в своем исследовании. Подробно анализируя гравюру Ф. Гварди «Аркада с фонарем», он находит в ней отражение общественной жизни Венеции середины XVIII в. Ученый считает, что «настроение» картины способно воздействовать на нас более непосредственно и интенсивно, нежели то, что мы реально ее видим [168, с. 380]. Исследуя формальные, структурные и семантические компоненты картины, автор приходит к выводу о том, что даже не искушенный в искусствоведческих вопросах человек может увидеть мотивы скуки, попытки ее преодоления, а также театральности, которые были ха-

рактельны для жизни того времени. «Каприччо Гварди, где Пульчинеллы (герои итальянской комедии дель арте) одновременно символизируют скуку и попытки ее преодолеть, переносят нас в самое сердце общественной жизни XVIII века со свойственной ей замороженностью метафорой *theatrum mundi* и с неизбежной скукой от существования, созвучного этой метафоре» [9, с. 380]. Нет сомнений, что Анкерсмит, подробно рассматривая данное произведение, ставил перед собой задачу прояснить, что функции исторического опыта заключаются в том, чтобы увидеть подлинную историческую картину событий, которая может скрываться за «стеной» контекстов. Именно произведения искусства способны эффективно пробуждать исторический опыт и могут служить лучшим проводником его понимания [9, с. 427].

Анализ лингвистических механизмов мышления выводит нас за границы языка, к новым внеязыковым формам мысли, с которыми в реальной работе сознания постоянно взаимодействуют лингвистические механизмы. Анкерсмит постоянно подчеркивает структурную связь между организацией текста и живописью. Тем самым через анализ языкового уровня открывается возможность к пониманию внеязыковых форм мышления.

Таким образом, согласно Ф. Р. Анкерсмицу, мы способны переживать прошлое в той мере, насколько способны переживать произведения старого искусства, данные нам в восприятии. Автор не относит вопрос об истине к результату исторического опыта, так как опыт может являться «проводником» истины. При этом восприятие исторического прошлого выводится у него из действительной психической или ментальной жизни человека, своим происхождением это восприятие обязано чувству ностальгии. В своих рассуждениях Анкерсмит выделяет «чувственную» модальность исторического опыта. Если вспомнить высказывание М. Хайдеггера о возможности «фундаментального настроения философствования», то позиция голландского исследователя может быть представлена как «фундаментальное настроение истории». Вызванное отчуждением от привычной и понятной реальности, оно рождает у человека сильное желание вернуться в свои лучшие времена, отсюда рождаются экзистенциальные чувства прореживания тоски и скуки от эмпирического наблюдения произведений искусств. Однако эти желания так же невозможно исполнить, как нельзя примириться с новым порядком вещей. В результате в своей наиболее острой форме ностальгия представляет собой такое восприятие действительности, в котором прошлое и настоящее,

благодаря их конфликту, присутствуют вместе, неразрывно друг от друга. Как указывает Анкерсмит, предметом исторического опыта является не столько само прошлое, сколько различие между прошлым и настоящим. Другая его важная особенность состоит в том, что в отношениях, существующих между прошлым и настоящим, доминирующим является настоящее время. Как ни парадоксально, но граница, отделяющая его от прошлого, проходит внутри самого настоящего.

На наш взгляд, как к достоинствам, так и недостаткам рассуждений голландского исследователя о возможности познания исторического прошлого следует отнести перенасыщенность и увлеченность психологическими и экзистенциальными моментами. Из его рассуждений, с одной стороны, следует, что познание истории затруднено тем, что, как и в любой гуманитарной науке, субъект познания сливается с объектом изучаемой реальности, но одновременно это и означает, что объективное познание истории невозможно, следовательно, ставится под сомнение научный статус истории как науки.

Анкерсмит не является единственным исследователем, обратившим внимание на взаимосвязь опытного знания с феноменом исторического времени. Уже на раннем этапе средневековой патристики Аврелий Августин предложил подобную психологическую концепцию трактовки времени и исторического познания, укоренив время и опыт в сознании человека. Он указал на невозможность теоретического осмысления истории исходя из недоступности понимания феномена времени [160, с. 228]. «Говоря все это о времени, я ничего не утверждаю, а только доискиваюсь истины и пытаюсь узнать ее» [2, с. 582]. «Христианский мыслитель отметил несоответствие между интуитивной очевидностью феномена времени и трудностью его теоретического осмысления: «...Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [2, с. 585]». У Августина время выступает как единство настоящего, прошлого и будущего. Но парадокс заключается в том, что будущего еще нет, прошлого уже нет, а настоящее представляет собой бесконечно краткое мгновение между прошлым и будущим, не обладающее никакой длительностью. Обсуждая этот парадокс, Августин приходит к психологической концепции времени. Он склоняется к тому, что прошлое и будущее все же существуют, но существуют они в сознании людей, и выделяет три модуса сознания, соответствующих

трем модусам существования времени: ожидание (будущее), созерцание (настоящее) и воспоминание (прошлое). Таким образом, Августин был, по-видимому, первым, кто обратил внимание на фундаментальную связь времени с жизненным опытом.

Итак, на определенном уровне восприятия действительности историку приходит понимание о непримиримом различии прошлого и настоящего, причем приходит до того, как это различие получит свое объяснение и будет считаться следствием каких-то существенных изменений, произошедших за определенный промежуток времени. Иначе говоря, речь идет о таком восприятии, где прошлое и настоящее присутствуют вместе одинаково реально, но присутствуют в таком их различии, которое еще не позволяет выносить суждения о своем содержательном характере. Следовательно, можно говорить о частичном познавательном агностицизме по отношению к историческому прошлому. Он обусловлен тем, что исторический источник существует как бы «сам по себе», а «вопросы» ему задает исследователь, следовательно, ценность может приобретать даже фальсифицированный источник, ибо восприимчивость исторического опыта зависит от личного опыта ученого.

В определенном аспекте философские взгляды Ф. Р. Анкерсмита на методологию исторического познания можно расценивать как оригинальное продолжение постмодернистской традиции. Одной из важнейших предпосылок постструктуралистского историографического дискурса является признание непрозрачности исторического текста как по отношению к описываемому в нем прошлому, так и по отношению к намерениям автора этого текста. Постулат о прозрачности выдает, по мнению Анкерсмита, эпистемологическую наивность модернистской парадигмы истории в целом, неспособность признать, что «что» высказывания неотделимо от его «как». И даже более того – что «как» и является «что». Новая историография исходит из того, что язык, с помощью которого оформляется всякий исторический документ, так же как и всякий базирующийся на нем исторический текст, является границей познания [9, с. 125]. «Границы текста, – отмечает Анкерсмит, – оказываются границами исторической литературы» [9, с. 9]. В более общем смысле язык представляется новой историографии, как и философии, на которую она опирается, универсальным полем человеческого познания, за которое субъект не может выйти. основополагающий догмат традиционного подхода в историописании, который, по существу, остается нетронутым и в просве-

щенческой философии истории, и в историцистской модели, воспроизводит фундаментальную особенность нововременного мышления – неверифицируемую убежденность в том, что каждое отдельное событие может быть соотнесено с предшествующими событиями совершенно определенным образом, иллюстрирующим общие принципы. Как справедливо указывал Лев Карсавин, диалектическое познание истории «требует того, чтобы усмотрена была необходимость однозначного временного соотношения его моментов» Тем самым субъект истории предстает не как индивидуальность, а как само человечество в своем движении во времени [69, с. 412]. И действительно, в концепции понимания истории Анкерсмита субъект и объект познания существуют как содержательные элементы человеческого сознания.

Концепция «интеллектуального эмпиризма» Ф. Р. Анкерсмита интересна своим возвращением к понятию опыта, хотя анализ данного феномена все еще находится на уровне постановки проблемы. На наш взгляд, опыт историка предполагает важное измерение субъекта исторического познания и тех процедур, которые он применяет при исследовании прошлого, Как указывал Р. Коллингвуд, «мысль историка должна порождаться органическим единством его целостного опыта и быть функцией всей его личности со всеми ее критическими и теоретическими» [80, с. 214].

С данной мыслью солидарен Поль Рикер: применение к истории понятия «опыт», прочитанное в духе модерна, придало истории «всевременный» характер и «новое антропологическое значение: история есть история человечества...» [134, с. 422]. Через чувства и настроения прошлое (объект) и настоящее (субъект) сливаются в чистом опыте, в опыте, лишенном субъекта, – это очевидно, поскольку субъект опыта легко перемещается из прошлого в настоящее, и наоборот [134, с. 420]. Между тем проблема исторического опыта действительно одна из наиболее значимых в современной историографии. С одной стороны, неопределенное с точки зрения своего познавательного содержания понятие исторического опыта находит широкое применение в сфере политической риторики и «научно-популярной» историософии. Поэтому по-прежнему сохраняет свою актуальность оценка Х.-Г. Гадамера: «Понятие опыта относится, на мой взгляд, как бы парадоксально это ни звучало, к числу наименее ясных понятий, какими мы располагаем» [36, с. 409].

На эту неопределенность указывает и отечественный исследователь Г. И. Зверева. Под опытом в историописании понимают или

опыт истории как «выражение связи прошлого, настоящего и будущего, определенный результат исторического процесса...», или опыт историка как «важнейшую процедуру интеллектуальной работы, где устанавливается определенное отношение исследователя к своему предмету» [59, с. 104–105].

Итак, тема субъективного в историческом познании является тем связующим звеном, вокруг которого группируются проблемы современного исторического познания. Поэтому наряду с анализом структуры и логики высказываний, содержащихся в историографических работах, объектом анализа может выступать экзистенциальный опыт самого историка и отражение этого опыта в создаваемых им произведениях. Концепция Ф. Р. Анкерсмита доказывает, что произведения искусства могут эффективно пробуждать исторический опыт и служат лучшим проводником его понимания, следовательно, мы способны переживать прошлое так, как способны переживать произведение искусства.

В конечном счете «лингвистический поворот так и не стал ядром, вокруг которого могла бы сложиться самостоятельная парадигма» [178, с. 397]. Речь в данной парадигме идет не о лингвистике как основополагающей науке при анализе гуманитарной мысли, а об отношении к использованию языка в качестве метода или инструмента анализа мысли. Скорее всего, позитивистская установка на то, чтобы превратить лингвистику в строгую науку, в духе позднего Витгенштейна, также потерпит неудачу в сегодняшних реалиях. Однако лингвистический анализ гуманитарных наук так и остался увлечением ряда теоретиков – гуманитарии стали использовать методологию «лингвистического поворота» как исследования языка в качестве инструмента познания самого себя, то есть средства познания и конструирования мира. Предлагаемая Анкерсмитом программа перехода от языка к опыту также строится на объединении различных подходов к изучению сознания и гуманитарного знания в целом. Теоретическая предпосылка данной парадигмы состоит в необходимости изучать познающего субъекта во взаимосвязи различных форм его бытия, разума, внутреннего опыта. Данный подход доказывает, что за лингвистикой дискурса гуманитарных наук стоит широкое пространство их когнитивного исследования.

Анализ языковых уровней в гуманитарном познании, безусловно, не исчерпывает всех возможностей изучения мышления исследовательского сознания, которое вряд ли сводимо только к языковой

или символической форме. Как мы видим, эклектичность методологических подходов, выраженная в размывании границ между исследовательскими подходами, порождает запрос на несовместимые формы анализа языка, занимающие пограничные состояния между наукой и эссеистикой, наукой и философской рефлексией.

3.3. Методологические основания синтеза естественных и гуманитарных наук

В современной науке происходит эпистемологическое и методологическое сближение социально-гуманитарных и естественных наук по целому ряду направлений. Можно констатировать, что и их предметность, и инструментарий, и даже цели не столь уж разнонаправлены и вполне соотносимы. Конечно, свои методологические особенности, проблемы и свои уникальные способы исследования есть и у комплекса социально-гуманитарных наук, и у комплекса наук естественных, то есть если мы говорим о науках вообще, то все науки имеют нечто общее, сохраняя при этом свою уникальность. Но в целом взаимопроникновение методов и соответствующих методологических установок отнюдь не обязательно ведет к разрушению дисциплинарной структуры науки. Так, по мнению Е. А. Абиля, «системный метод в историческом исследовании на сегодняшний день невозможен без учета синергетической познавательной парадигмы» [1, с. 13].

При сравнении методологических принципов естественнонаучных и гуманитарных дисциплин можно использовать термин «игра» Йохана Хейзинги. Нидерландский исследователь задался вопросом: может ли наука заниматься «игрою» внутри области, ограниченной ее же собственным методом? По его мнению, в естественных и точных науках данное понятие неприемлемо несмотря на то, что любая склонность к систематизации нерушимо связана с влечением к игре. Однако методы гуманитарных дисциплин, например языкознания или литературоведения, вполне можно назвать игровыми: «Прежняя наука, недостаточно опиравшаяся на опыт, имела обыкновение пускаться в безбрежное систематизирование всех мыслимых свойств и понятий. Наблюдения и расчеты, бесспорно, здесь являются тормозом, но отнюдь не абсолютной гарантией. С терминами однажды разработанного специального метода все еще можно легко обращаться как с игровыми фигурами» [183, с. 192–193].

Развитие современного естествознания, с одной стороны, и развитие исследований в области гуманитарных наук – с другой, позволяет пересмотреть многие привычные представления о взаимоотношении наук двух типов и сформулировать новое представление об отношении наук к знанию, вере, деятельности, пониманию. Речь идет, например, о таком современном феномене, как взаимодействие в рамках когнитивной науки естественных наук (нейронауки), лингвистики и философии [22, с. 81]. И синтез наук должен состоять в том, чтобы они, обмениваясь информацией, помогали друг другу, а не подменяли одной наукой другую, чтобы затем спорить, что важнее.

Интерес к возможностям интеграции гуманитарного и естественнонаучного познания вызван прежде всего созданием качественно новой парадигмы наук о духе. Прежде чем мы перейдем к анализу методологических оснований интеграции различных типов знания, рассмотрим концептуальные альтернативы взаимодействия естествознания и обществознания.

Первый подход – гносеологический сепаратизм, представляющий собой радикальный взгляд на природу гуманитарного знания, а именно отрицающий у него статус научности. Эту позицию мы рассматривали выше, лишь укажем на то, что в данном случае налицо антиномия «наука – ненаука». Такую позицию могут разделять как представители естественнонаучной культуры, так и гуманитарии, причем последние, как правило, наделяют эту систему знаний статусом метанаучности или паранаучности. Приведем высказывание Анри Бергсона: «Как и обиходное познание, наука удерживает из вещей только одну сторону, повторение... абсолютное может быть дано только в интуиции, тогда как все остальное открывается в анализе» [21, с. 13].

Идейно близким к первой парадигме является направление гносеологического романтизма, возвеличивающее «научность» гуманитарного знания посредством дискредитации точных и естественных наук. Данный подход, так же как и первая концепция, имеет явный антисциентистский характер и восходит к традициям «философии жизни» (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Шеллер, К. Ясперс).

Третий подход, по сути, диаметрально противоположен вышеперечисленным позициям, и его условно можно назвать гносеологическим редукционизмом, включающим в себя богатый спектр учений – от физикализма до бихевиоризма. Достаточно вспомнить ключевой принцип теории Ярхо, согласно которому литературоведение

должно стать точной наукой и изучать свои объекты математическими методами [199].

Наконец, четвертый подход – гносеологический унитаризм – акцентирует внимание на родовом единообразии научного познания. Данный подход основан на идее невозможности оппозиции «естествознание – гуманитаристика» по гносеологическим основаниям. Здесь признается, что естественные и гуманитарные науки суть различные ветви единого древа познания – «в лимитах своего академического амплуа естествознавец и гуманитарий едят одно блюдо, хотя с разных концов и разными ложками» [181, с. 113].

Отметим, что все перечисленные позиции имеют право на жизнь, однако для выяснения методологической специфики гуманитарного познания наиболее предпочтителен последний подход.

Как мы уже отмечали, развитие науки XX в. показало примитивизм атомистической, номиналистской и универсалистской парадигм. Классическая оппозиция «естествознание – культура» гипертрофировала автономный характер двух типов познания. Их несоизмеримость приняла гносеологические основания: один тип знания объявлялся логико-понятийным, законообразным, второй – событийным и уникальным. Главным аргументом в пользу различий методологий послужило утверждение о несоизмеримости онтологий естествознания и гуманитаристики. Естественные науки осваивают объективный мир, существующий «сам по себе», а гуманитарные дисциплины изучают бытийственный, непрерывно творимый мир в его историчности.

Начиная с первой четверти прошлого века идеалы классической физики стали медленно вытесняться из исследовательского сознания более сложными формами неклассической науки. В. С. Степин характеризует неклассическую науку отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы [151, с. 622–624]. В контексте неклассической эпистемологии следует говорить о конструктивизме как варианте универсалистского подхода к миру, человеку и познанию, в котором осмысливаются и синтезируются ряд идей, характерных для современного комплекса естественных и гуманитарных наук. В рамках конструктивизма познающий субъект активно использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений. В рамках философии конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием; это «альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологическому реализму» [71, с. 6–14].

Вместе с немеханистическим представлением о социальной реальности оказались проблематизированы интеллектуальные основы социально-гуманитарного познания. Катастрофы XX в. подорвали наивную позитивистскую веру в возможность управлять историей и культурой, открыв ее законы. Сегодня редкий историк или культуролог пытается утверждать, что история точно такая же наука, как физика, или пытается объяснить конкретное социальное/историческое/культурное событие, подведя его под общий закон общественного развития. Отсюда повышенный интерес к проблеме интеграции гуманитарного и естественнонаучного познания, возможности их взаимодействия и взаимообогащения методологических и общетеоретических идей. Например, историку или социологу при объяснении конкретных событий никакая общая теория не может ответить, где среди этих событий причины, а где следствия. В то же время обращение историков к биологическим идеям саморазвития и эволюции, которые не предполагают векторности и строгой рациональности, позволяет подменить анализ причин описанием процесса.

По словам В. А. Лекторского, сегодня имеются веские основания иначе понимать серьезно трансформировавшееся естественнонаучное знание. Также следует по-новому воспринимать характер и способы его функционирования [100]. Обратимся к идеям синтеза естественнонаучного и гуманитарного познания, высказанным нами в работе «Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии» [158] и в статье «Социально-гуманитарное и естественнонаучное познание: возможность интеграции» [163].

В перешедшей на смену неклассической науке парадигме постнеклассической науки допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания. В ней осмысливаются корреляции между онтологическими постулатами науки и характеристиками метода, посредством которого осваивается объект. В связи с этим принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. «Постнеклассический тип научной рациональности учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами, в том числе вненаучными и социальными ценностями и целями» [152, с. 633].

Однако тенденция к появлению новых постнеклассических парадигм обнаруживается в различных науках совершенно в неодинаковой мере. Так, в социологии влияние этих парадигм обнаруживается на примере этнометодологии или другого применения «гибких», «мягких» методов, в литературоведении – в постмодернистских подходах. Можно сказать, что в постнеклассической парадигме действуют философские идеи К. Поппера, согласно которым признаком научной теории является ее потенциальная опровержимость. Сам по себе принцип фальсифицируемости дает возможность решить ряд методологических проблем, но имеет и слабые места. Одно из них связано с тезисом Дюгема – Куайна [114]. Согласно ему наука состоит из суждений, понятий, гипотез и теорий, оцениваемых «в целом», без возможности выделить индивидуальные суждения из всей системы убеждений. Следовательно, в случае опровержения никогда нельзя быть уверенным в том, что можно опровергнуть основную гипотезу, не затронув другие. Особенно это заметно в ряде социально-гуманитарных наук, например в экономической теории. Опровержение любого утверждения вызывает возражение, что не был учтен ряд факторов, которые затем дополняют теорию, чтобы расширить рамки «прочих равных условий», поэтому можно утверждать, что признание принципа фальсифицируемости не означает, что на деле экономисты его придерживаются. В современной методологии складывается направление, которое выступает против жесткого требования единой методологии, поскольку философия не способна предложить обоснованный критерий оценки, показать наиболее надежный способ построения теории. Так, Д. Макклоски, критикуя официальную методологию экономической науки, сводит ее содержание к следующим постулатам: 1) целью науки является прогнозирование, 2) для установления истинности теории имеют значения только ее предсказания и видимые следствия из нее; 3) видимые следствия означают наличие объективных, воспроизводимых экспериментов; 4) теорию следует назвать ложной тогда и только тогда, когда одно из ее экспериментальных следствий оказывается ложным; 5) задача методологии – проводить грань между научными доводами и ненаучными, между позитивными и нормативными суждениями; 6) ученым как таковым нечего сказать ни о нравственных, ни о художественных ценностях. В данном случае господствует мнение о том, что науку не следует оценивать по универсальным критериям: «...не существует никакого универсально применимого и логически неотразимого ме-

тогда оценки качества теории» [88, с. 129]. «Признание возможности плюрализма методологических подходов, а значит, невозможности сравнения теорий означает потерю влияния позитивизма, а следовательно, дает возможности для синтеза естественных и гуманитарных наук» [158, с. 153].

Как известно, проблема взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного познания оставалась злободневной на протяжении всего последнего столетия, и несмотря на это многие принципиальные вопросы исследования, связанные с его изучением, остаются по-прежнему открытыми. Более того, если сложить векторы движений дискуссий о различиях и сходствах между естественными, социальными и гуманитарными науками, то сумма будет примерно равной нулю. По сей день продолжаются разговоры о том, какие особенности наук о природе и наук о культуре могут считаться выражением «подлинной научности», а какие – только приближением к ней или, напротив, отдалением от нее [124, с. 74–75]. В связи с этим становится более сложным механизм взаимодействия естественных и гуманитарных наук. Во-первых, в гуманитарных науках, пусть они основаны на понимании, весьма значительную роль играют объяснительные методы. А во-вторых, выявившиеся специфические черты гуманитарного знания лишь на первый взгляд являются специфическими для него. Анализ этих черт позволяет понять неправомерность рационалистического (алгоритмического) истолкования естествознания. [24, с. 7]. Названные обстоятельства определяются не только многообразием подходов в исследованиях, посвященных данной проблематике, но и стремительными изменениями в самой науке, что вызывает необходимость постоянного обновления и теоретического дискурса, образованного данным феноменом. В данном случае важным аспектом исследования выступает возможность интеграции естественнонаучного познания с социально-гуманитарными науками.

Неоспоримое сходство между естественными и гуманитарными науками в том, что они имеют общее генетическое ядро, которое состоит в установке на познание, описание определенной предметной области, построение идеальных объектов, сведение теории к идеальным объектам, разворачивание на этой основе системы теоретических знаний. Следует согласиться с мнением психолога П. Я. Гальперина о том, что «наука изучает, собственно, не явления, а то, что лежит за ними и производит их, что составляет “сущность” этих явлений, – их механизмы» [38, с. 9–10].

Переходя к вопросу о возможности синтеза естественнонаучного и гуманитарного познания, нужно прежде всего уточнить, в чем состоит разница между двумя типами наук. Широкое применение количественных методов в сфере естественных наук возможно благодаря тому, что свойства объектов и явлений, изучаемых этими науками, обладают не только принципиальной измеримостью. Можно полагать, что, исходя из ценностной ориентации, объекты и явления, изучаемые гуманитарными науками, не обладают свойствами явной количественной измеримости. Но принципиальная соизмеримость возможна и здесь. Следует заметить, что и естественные науки не измеряют свои объекты с абсолютной точностью. Существует погрешность измерения, которая по мере развития науки и техники становится все меньше, но принципиально никогда не станет равной нулю. Таким образом, разница в этом отношении между гуманитарными и естественными науками лишь количественная. Например, в сугубо гуманитарной дисциплине, такой как литературоведение, широко используются точные (математические) методы исследования, такие как атрибуция, расшифровка текстов, накопление фактического материала по стиховедению, стилистике и пр. Так, Ю. М. Лотман, глубоко исследовавший методологию литературоведения, считал, что математика в данном случае выступает не как отдельная отрасль науки, а как метод научного мышления, как методологическая основа вскрытия наиболее общих закономерностей жизни. В то же время ни эффективное, но бесплодное, внешнее насыщение литературоведческого текста математическими терминами не приближает нас к решению коренных вопросов. Прежде чем окажется возможным применить достижения математики к изучению поэзии, необходимо разработать учение о структуре стиха. Это «теоретико-литературное исследование возможно осуществить без использования каких-либо специальных математических знаний» [104, с. 9].

Стремясь выявить специфику гуманитарного познания, Ю. М. Лотман подчеркивал, что для проникновения математических методов в литературоведение существуют еще значительные препятствия, причина которых состоит в том, что основные понятия литературоведческой науки все еще не формализованы. «Овладение математическими методами – отнюдь не задача прикладного характера, хотя оно, бесспорно, приведет и к непосредственно-прикладным результатам, подобно тому, как структурное изучение языка обусловило возможность прикладных успехов математической лингвистики. Речь идет о создании новой методологии гуманитарных наук. Не соединение

двух наук в современном состоянии, а выработка нового метода научного мышления – такова задача» [104, с. 27].

Есть и еще одна сторона вопроса соизмеримости в естественных и гуманитарных науках. Естественнонаучные измерения объективированы настолько, что почти не зависят от субъективного фактора, от личности измеряющего, в то время как оценки в гуманитарных исследованиях являются откровенно субъективными. На уровне индивидуума разница здесь действительно принципиальна. Но наука, как естественная, так и гуманитарная, занимается не частным, а общим. При осреднении же оценок отношения по всем индивидам некоего общества или его части мы получаем уже некую объективную оценку, характеризующую данное общество, его состояние на данный момент. Таким образом, соизмеримость объектов по степеням их свойств не является принципиальным водоразделом между естественными и гуманитарными науками, хотя и требует адаптации методов при их переносе из одной сферы в другую.

Второе отличие состоит в том, что естественные науки развили методы однозначного определения своих понятий, однозначной привязки этих понятий к опыту, однозначности постулатов, выводов и их верификации. Требования всех этих однозначностей являются требованиями единого метода обоснования. Гуманитарным наукам эта однозначность не только не известна, но она в них принципиально недостижима, поскольку она связана с возможностью введения количественной меры свойств. Однако в связи с существованием принципиальной (неколичественной) соизмеримости свойств в гуманитарной сфере существует своя мера однозначности, которая может быть в ней достигнута. Эта мера опять же не может быть количественно выражена, зато всегда можно показать, что в такой-то конкретной теории можно сформулировать понятия (или постулаты или выводы) более однозначно, чем они сформулированы, и таким образом осуществить оценку степени научности данной теории по этому признаку, т. е. и это отличие не мешает переносу метода естественных наук в гуманитарную сферу, хотя опять только на качественном уровне.

Ограниченность культурцентристского и натуралистического подходов была доказана развитием науки, несущей во всеобщей форме представления о сущностных свойствах и закономерностях природы, общества и человека. Культурцентристская стратегия, используя принцип понимания в качестве ведущего методологического средства, все же представляет собой концептуальное упрощение и унифи-

кацию социального мира: реальность упрощается и редуцируется до ее культурных элементов, до ценностей индивида, коллектива или социальных групп. Новые традиции в понимании проблемы сходства и различия естествознания и гуманитарных наук исходят из безусловного признания возможности объективного познания культурно-исторических и социальных явлений и процессов, являющегося частным видом научного познания. Вместе с тем очевидно, что достижение объективной истины в познании социальной действительности и «мира человека» является сложным специфическим процессом, требующим соблюдения целого ряда особых требований и условий.

Гуманитарные и естественные науки различаются прежде всего по объекту, и в таком случае встает вопрос о специфике общества как объекта познания. Общество, его развитие и функционирование есть результат деятельности людей, поэтому эмпирической базой открытия и изучения законов является непосредственное изучение поведения и деятельности человека. Реальная эмпирическая история людей многообразна и представляет собой бесконечное изменение и развитие, в котором трудно уловить закономерности, поэтому очевидно, что в любой гуманитарной дисциплине возможности методов эксперимента и наблюдения ограничены.

Важной чертой общества как объекта гуманитарного познания является вхождение в его содержание и структуру субъекта познания, наделенного активностью сознания. Следовательно, исследователь-гуманитарий имеет дело с особым рода реальностью – содержанием человеческого сознания, областью смыслов и значений, требующих специальных методологических приемов, отсутствующих в арсенале естественных наук. Важно и то, что исследование объекта в этом случае осуществляется всегда с определенных ценностных позиций, установок и интересов, которые являются определяющими в действиях субъекта. Отсюда следует, что необходимо показать специфику не только объекта, но и субъекта гуманитарного познания. Собственно социальное познание осуществляется социально сформированным и заинтересованным субъектом, оно определяется его мировоззрением. Как отмечает В. М. Розин, «дело не в том, какую картину рисует исследователь – включающую историю и субъекта или не включающую таковых, а в том, как он при этом мыслит: в одном случае он мыслит как физик, в другом – как гуманитарий, в третьем – совмещает эти мыслительные стратегии. Представитель естествознания ориентируется в плане использования своих знаний на практики

инженерного типа, где основные задачи – прогнозирование, расчет и управление явлениями. Кроме того, он «описывает эти явления как механизмы, устанавливая в эксперименте соответствие между изучаемым природным явлением и определенной математической моделью» [136, с. 114].

Если в естествознании мировоззренческие установки влияют не на содержание научных открытий, а на следующие из них теоретические выводы, то в гуманитарных науках цель субъекта – получение знаний, с помощью которых можно не только объяснить, но и при ценностной позиции изменить те или иные общественные структуры и отношения. Содержание знания является составляющей социальной позиции познающего субъекта, следовательно, чтобы понять реальное содержание общественных идей и теорий, их надо соотносить не только с объектом познания, но и с реальными интересами общественных групп, т. е. ввести дополнительное «измерение» – субъектно-субъектные (межсубъектные) отношения, через призму которых исследуется объект. Исследователь-гуманитарий ориентирован на уникальную гуманитарную ситуацию, на понимание, разрешение собственной экзистенциальной ситуации. Особенностью гуманитарного познания является выделение изучаемого объекта с позиции исследователя, ориентированного на собственное видение проблемы и гуманитарной реальности. Исследуя явление, гуманитарий одновременно разрешает и проживает свою уникальную гуманитарную ситуацию, а также конструирует идеальный объект, необходимый для разворачивания теоретического дискурса. Если для естественнонаучного подхода характерна единая точка зрения на природу и возможность использования теоретических знаний, то для гуманитарных наук характер изучаемого объекта и «понимание возможностей использования гуманитарных знаний соотносимы с его собственной личностью, идеями, методологией и ценностями» [136, с. 116].

В гуманитарном познании ценностное отношение субъекта к объекту значительно влияет на специфику применения методов и результатов исследования. Объект не только познается, но одновременно, и даже в первую очередь, оценивается. Включение оценки означает, что объект как таковой, «сам по себе» не интересует субъекта; он интересует его только в том случае, если соответствует цели и отвечает духовным или материальным потребностям субъекта. Определение ценности происходит как соотнесение объекта с некоторыми образцами (идеалом, эталоном, нормой) и установление степени соответствия этому образцу.

В естествознании субъект ориентирован на непосредственное отражение объекта, причем таким, каков он есть «сам по себе». Очевидно, что в каких бы исторически и социально конкретных формах практической деятельности ни был задан объект познания, все-таки сами свойства, отношения, функции и другие его характеристики являются определяющими и независимыми от субъекта. При этом существенную роль играет материальный процесс самой экспериментальной деятельности, дающей объективный результат подчас независимо от целей исследователя. «Установка на объект» и достаточно малое непосредственное влияние субъекта на конечные результаты эксперимента позволяют в той или иной степени пренебречь присутствием субъекта как «посредника» между объектом и знанием об объекте. Кроме того, поскольку результаты работы конкретного исследователя «отчуждаются» и приобретают общезначимость, постольку становится возможным отвлечение от субъекта. Это, как известно, находит свое отражение и в «безличном» способе публикации результатов, в возможности изложить полученные данные и обобщения в полном отвлечении от всех психологических и других подобных причин выбора направления и методов исследования. Все указанные моменты так или иначе подкрепляются реально существующей профессионально-этической установкой исследователей на получение объективно-истинного знания и беспристрастное отношение к объекту и результатам исследования.

Таким образом, в ценностном отношении к объекту у субъекта иная цель, а факторы, которые обычно стремятся исключить в естественных науках, здесь становятся объективно необходимыми. Познание в этом типе субъектно-объектного отношения как бы отступает на второй план, хотя в действительности его результаты служат основанием оценки. В процедуре оценивания, в выборе целей и идеалов ярко выражены неопределенность, волевые моменты, избирательная активность субъекта, его приоритеты, которые могут включать и интуитивные, иррациональные и прочие моменты. В результате ценностное отношение предстает как противоположное познавательному, как чуждое объективно-истинному познанию вообще, и, соответственно, такие оценки распространяются на социально-гуманитарное познание. Однако резкое разграничение «нейтрального» и ценностного типов субъектно-объектного отношения возможно лишь в абстракции, в реальном же процессе познания оба типа отношений слиты, спаяны и присутствуют, хотя в разной степени, не только в социально-гуманитарном, но и в естественнонаучном познании.

Положения, принимаемые в гуманитарных науках, зависят от социально-культурных условий, результаты же естественных наук не зависят от них, так как познание природы направлено на постижение ее независимо от социокультурных факторов и имеет целью получение объективно-истинного знания. По словам М. С. Кагана, «каждый новый культурный контекст не просто “принимает” созданные в прошлом художественные творения, но интерпретирует их в собственном духе, преломляет через свои социально-психологические, идеологические, философские и т. п. призмы; что же касается положения научного наследия в “теле” новой культуры, то оно живет здесь по иным законам – ни теорема Пифагора, ни закон земного притяжения, ни периодическая система элементов, ни закон прибавочной стоимости не подлежат интерпретации, ибо они содержат объективно-истинное знание, остающееся таковым – в той мере, в какой оно объективно независимо от культурного контекста, в котором оно оказалось» [66, с. 353]. Поэтому сопоставление различных научных дисциплин – это всегда обмен опытом и перенос его из одной сферы познания в другую.

Позиция гносеологического унитаризма «устанавливает идею внутреннего единства науки через понятие рациональности, представляющей форму аттестации научной деятельности и знания и употребляемой для обозначения эталонов исследования в науке как особой форме интеллектуального производства» [63, с. 15].

Возможно, фундаментом для новой исследовательской парадигмы гуманитарных наук станет синтез их достижений с результатами в области цифровых компьютерных технологий. Речь идет не столько о цифровизации гуманитарной сферы, сколько о новом «цифровом» повороте гуманитарного знания. «Цифровой поворот» сближает гуманитарные науки и новые технологии, синтезируя достижения точных и естественных наук с ценностями гуманитарной культуры. В новых условиях необходимо отказаться от классического дуализма наук о природе и наук о культуре путем создания третьей культуры. Эта перспектива основана на внедрении конкретных киберметодов, использовании программного и сетевого обеспечения.

Анонсы, связанные с внедрением цифровых технологий в гуманитарные науки, можно встретить в произведениях Станислава Лема. Польский футуролог, писатель и философ в сборнике эссе «Мегабитовая бомба» (1999) указал на опасности, стоящие перед человеком на информационном перепутье. По мнению Лема, перепроизводство

информации намного опаснее информационного голода: «Сегодня в мире наблюдается увеличение количества чисто технологических достижений, которые сильно скоррелированы прогрессом увядания свободного творческого воображения» [101, с. 348–351]. Следовательно, важнейшим социальным умением в XXI в. должно стать правильное использование информации, ее фильтрация и защита от волн информационного потока.

Цифровые гуманитарные науки будут появляться на основе институциональной оцифровки, совместного использования ресурсов и данных в Сети, с помощью которых они будут способны изучать социальное поведение людей, например, используя данные геолокации, компьютерного мониторинга и т. д.

Еще недавно цифровизация гуманитарных исследований воспринималась лишь как полезная форма поддержки традиционных методов гуманитарных наук. Фокус внимания был смещен на использование цифровых инструментов для поиска и обработки текстов, данных крупных социальных проектов и оцифровки материалов культурного наследия. Кроме того, цифровые методы используются для изучения артефактов, созданных в цифровом мире (социальные сети, компьютерные игры, блогосфера). Однако сегодня акцент делается на разработке новых способов понимания культурной среды с помощью компьютерной обработки огромных объемов данных.

Для социологов, политологов, историков и культурологов становится привычным использование визуализации, краудсорсинга, экспериментальных компьютерных методов. Цифровые инструменты перестают быть просто дополнением к традиционным исследованиям и становятся факторами, создающими новые модели познания и понимания социальной и культурной реальности. Перед «оцифрованными» гуманитарными науками стоят задачи нового типа: разработать концептуальные модели понимания человека и той новой культурной среды, в которой он сегодня живет. Одним из способов является использование коллективного интеллекта, например, таких форм исследования, как краудсорсинговые проекты, которые используют Сеть для привлечения многочисленных пользователей в процессе исследования.

Одним из таких проектов является программа Ancient Lives, запущенная в 2011 г. Она позволяет привлекать пользователей со всего мира, чтобы помочь расшифровать фрагменты древнеегипетских папирусов. Несмотря на десятилетия работы египтологов, большинство

текстов, найденных по сей день, остаются неперевереденными. Создатели проекта Ancient Lives решили сделать доступными точно сфотографированные папирусы в Интернете. Они также создали приложение, которое позволяет анализировать поиск и транскрипцию текстов. Таким образом, после этапа подготовки и обучения пользователи Интернета (дилетанты) могут эффективно помочь профессиональным историкам. Таким образом, научное изучение информационных технологий в культуре, фотографии, кинематографе, рекламе, научной фантастике и других феноменах современной массовой культуры должно привести к трансформации гуманитарного знания.

Итак, следует признать, что методологическое сопоставление гуманитарных и естественных наук для современной методологии является типичным приемом, от которого ждут заметных эвристических плодов. Сопоставление различных научных дисциплин – это всегда обмен опытом и перенос его из одной сферы познания в другую, это одна из возможных точек роста научного знания. В настоящее время происходит становление нового типа целостности научного знания, где естественнонаучные компоненты необходимо дополняются гуманитарными. Мера этой интегративности определяется факторами мировоззренческого и культурного порядка. Важнейшие среди них – жизненно-практическая необходимость разрешения противоречия между объективностью законов природно-космического универсума и антропологизмом человеческой деятельности, признание равноценности человеческого и природного бытия, самоценности природы. Необходимо покончить с раздроблением знания по отдельным научным дисциплинам, воссоздать единство фрагментированного знания, навести мосты между естествознанием и гуманитарными науками, а также внутри самого гуманитарного и социального знания, при этом научный метод определяет лишь общие направления поиска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно подытожить сказанное совсем кратко, подвести итоги и сделать выводы. Сегодня является очевидным, что работы, посвященные месту и роли гуманитарного знания в сфере науки, которые были созданы философской мыслью конца XIX – начала XX в., нуждаются в уточнении. Потребность в подобной научной ревизии определяется целым рядом обстоятельств, и прежде всего изменением самого общества и научного знания. Безусловно, различия между данными типами наук всегда будут существовать, кроме того, есть серьезные отличия и в самом естественнонаучном познании, например между геологией и физикой, и в гуманитарных науках, например между историей и психологией. Таким образом, процесс дифференциации научного знания продолжается непрерывно, возникают новые научные дисциплины с новыми механизмами, обеспечивающими рост и развитие соответствующих эмпирических и теоретических знаний.

Концепция становления и развития гуманитарных наук в рамках смены исторических этапов «предклассика – классика – неклассика» может быть понята как синтез культурологического и философско-научного анализа. Для адекватного исторического и философского анализа гуманитарных дисциплин следует избавиться от дуалистических предположений, и прежде всего от оппозиции между «природой» и «культурой» [186, с. 13]. С помощью анализа философской рефлексии можно проследить, как меняется способ существования культуры и науки, каковы перспективы их развития. Каждый из этих этапов имел свою специфику, но теория гуманитарного знания неизменно сохраняла концептуализацию ценностно-субъективной реальности. Испытав заметное влияние позитивистских идей на «предклассическом» этапе своего развития, комплекс гуманитарных наук сформировал специфические черты своей методологии, базовой идеей которой стала идея особой смысловой человеконесущей реальности. Возможности воздействовать на человека, изменять и преобразовать его идейные измерения – важнейшие черты гуманитарного знания. При этом глубина понимания как сквозной и универсальной процедуры гуманитарного исследования оказывается центральным критерием его научности.

Говоря об эпистемологии и методологии историко-научных исследований Томаса Куна, нельзя акцентировать внимание лишь на дискуссионных сторонах его концепции. Будучи крупнейшим знато-

ком истории науки, Т. Кун сделал немало важных наблюдений, относящихся к механизмам ее развития. Положения теории парадигм, научных революций, нормальной науки стимулировали целый ряд узкоспециальных исследований, в которых обсуждались и анализировались связанные с этими идеями подходы и альтернативные концепции, в том числе и по отношению к корпусу социальных и гуманитарных дисциплин.

По Куну, наука не является устойчивым процессом накопления знаний. Вместо этого наука представляет собой серию спокойных периодов, прерываемых насильственными интеллектуальными революциями, после которых одно концептуальное мировоззрение меняется другим. В этом контексте Кун популяризировал термин «парадигма», который он охарактеризовал как набор взглядов, разделяемых учеными, набор соглашений по пониманию проблем. Анализируя исторический материал создания и развития гуманитарных наук, мы видим, что гуманитарное познание как научно-философский проект (парадигма и ее компоненты) возникло в недрах средневековой культуры. Пользуясь терминами концепции парадигм Куна, мы можем проследить связь возникновения науки (экспериментально-математического естествознания) с гуманитарным стилем мышления Средневековья, основанным на христианском миропонимании, точнее, на христианско-платоновском символическом мышлении. В результате научно-технической революции Нового времени возникают две методологические установки анализа – сциентистская и герменевтическая парадигмы. В XIX в. появляются социальные науки, ставшие результатом синтеза гуманитарной культуры и наук о природе.

Анализируя различные сценарии развития методологии гуманитарного знания, мы видим, что наиболее распространены представления о ее мультипарадигмальности или внепарадигмальности (квази-парадигмальности). В то же время кризисная ситуация внутри социально-гуманитарного познания означает попытки выхода этих дисциплин на метатеоретический уровень, означающий более активное сотрудничество с философией, создание метаязыка и развитие гуманитарных технологий. Вот почему критический философский анализ воззрений Куна по отношению к гуманитарному познанию актуален как никогда.

Обратимся к тем выводам, которые мы сделали в нашей работе «Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии»: «Сфера применения гуманитарного знания – это мир человека и

человеческой культуры. Следовательно, гуманитарное знание есть знание о чисто экзистенциальных ценностях личности с ее потребностями и их самореализацией. Такая установка гуманитарного познания была выявлена на неклассическом этапе его развития. Парадигма постмодернизма указала экзистенциальный и постоянно меняющийся характер смысловых значений гуманитарных наук. На современном этапе развития науки необходимо расширить основания научной рациональности таким образом, чтобы включить в нее гуманитарную составляющую познавательной деятельности человека. В этой связи представляются ошибочными попытки некоторых исследователей представить научную рациональность как замкнутую и окончательную систему требований» [158, с. 164].

Научная рациональность – способ адаптации человека к реальности. Поэтому научная рациональность – динамичная, открытая и сложная система. В гуманитарных науках новейшие исследования ни в коем случае автоматически не превосходят предыдущие, «хотя любая научная работа может определять задачи и перспективу для последующих исследований» [216, с. 25]. Иррациональное в одной системе может стать рациональным в другой системе. Поэтому научная рациональность исторична и открыта. Открытость означает возможность возникновения качественно новых свойств в структуре научной рациональности [49, с. 242]. На современном «неклассическом» этапе в гуманитарных науках наметился «поворот к опыту» и широкому использованию художественных методов понимания реальности. Таким образом, диалог и взаимодействие «натурализма» и «культурцентризма» свидетельствует о возможности интеграции естественных и гуманитарных наук на основе последних.

Проблемность объективности гуманитарного знания остается для современной философии открытой проблемой. Проблематичность гуманитарного знания состоит в том, что слитность субъекта (изучающего) и объекта (изучаемого) превращает исследование в форму самопознания. Объект гуманитарного знания образует не область эмпирических значений, а пространство человеческих ценностей и смыслов. То, что делает возможными гуманитарные науки, – человеческая способность самосознания и самоописания – ставит под сомнение их научность. Взаимообратимость субъекта и объекта придает всему проекту гуманитарных наук колебательность, «неточность», подрывает их объективно-научные основания.

Можно утверждать, что предназначение гуманитарных наук состоит в воздействии и изменении морально-нравственных основ че-

ловеческого сознания, его познавательных способностей. Именно в этом состоит важное отличие гуманитарных наук от естествознания. Базовой идеей методологии гуманитарных наук является их ценностно-преобразовательная реальность, которая не поддается причинно-следственному подходу естественных и точных наук. Социально-гуманитарные науки, подобно естественнонаучным и точным дисциплинам, формируют теории с опорой на идеалы рациональной обоснованности. Их различие не в средствах и методах, а в специфике изучаемого материала. Теоретичность естествознания стремится к номологичности, т. е. выявлению существенно необходимых связей и устранению любой ситуативности в исследовании. Для гуманитарных наук, т. е. наук о человеке и культуре, сущностно необходимо апеллировать к экзистенциальному субъекту и вводить личностные модальности в теоретические рассуждения. Но несмотря на то, что гуманитарий в своем исследовании движется в ценностно-смысловых связях, недопустимо иррационализировать гуманитарное познание. Любое гуманитарное суждение будет поддаваться методам типологизации и генерализации. Следовательно, объекты гуманитарных исследований, будь то человек или текст, требуют адекватных методов, одновременно передающих индивидуальное и достигающих универсального смыслового единства. При этом использование методов естественных наук: математизации, эксперимента, моделирования – затруднительно для использования в гуманитарных дисциплинах прежде всего по причине не подконтрольности случайных факторов и неформальности оценок. Однако не существует принципиальных запретов на перенос методов из одной науки в другую, напротив, это дает положительный результат как в естествознании, так и в гуманитаристике. Например, методологические идеи синергетики, сформированной комплексом естественных и точных наук, могут эффективно применяться для анализа культурно-исторических процессов. Примером удачного проникновения методов гуманитарных наук в область естественных можно считать нарративный метод объяснения, используемый при невозможности выявления причинно-следственных связей.

Наиболее эффективный метод как в гуманитарных, так и в естественных науках – понимание. Понимание – это коммуникативно-смысловой процесс, результатом которого является возможность истолкования, интерпретации объекта, наделение его смыслом [176, с. 144]. В гуманитарных науках специфику понимания обуславливает ценностное содержание человеческого сознания. Человеческие потребно-

сти, ценности могут быть выделены как объективные инварианты, которые лежат в основе рационального идентифицируемого познания гуманитарного материала. Поэтому понимание человека – рационально-общезначимый процесс. Гуманитарное знание имеет дело с объектно-логическим (смысловым) измерением гуманитарного материала, соединяя его с субъективно-психологическими факторами. Отсюда можно выделить «неточность» любого гуманитарного исследования, которая обусловлена как онтологическими, так и гносеологическими причинами. К первым можно отнести, прежде всего, наличие ценностно-смыслового бытия субъекта и объекта гуманитарных наук, преломление мировоззренческих установок в субъект-объектных отношениях, сводящих гуманитарное исследование к символичности и плюрализму.

Гносеологические причины сводятся к тому, что гуманитарное исследование всегда зависит от творческой активности субъекта и объекта. В рамках деятельностной парадигмы (В. С. Степин) объект понимается как задаваемый формами деятельности, а субъект – производный от деятельности, поэтому продукт гуманитарного познания всегда со-творчество, со-деятельность, со-переживание, или диалог по М. М. Бахтину.

Обращение к гуманистической проблематике обусловлено еще и тем, что некоторые естественные науки отчасти исчерпали свой ресурс экспериментальных исследований и не имеют эмпирических данных, чтобы подтвердить или опровергнуть интереснейшие гипотезы, возникающие на кончике пера. Наука упирается в предел человеческой способности мыслить и описывать Вселенную – или измышлять и воображать ее. Поэтому в спектре гуманитарных наук на центральное место должна выйти педагогическая теория, ибо судьба человечества зависит в конечном счете от того, сумеют ли наши потомки преодолеть исторически сложившееся противостояние эгоистического индивидуалиста и безличного «массового человека» [66, с. 9].

«Гуманитарное знание так же, как и естественнонаучное знание, стремится к достижению истины, то есть к тому, чтобы не просто накапливались сведения об общественных явлениях, не просто суммировались различные идеи и взгляды на природу человека и общества, чтобы эти идеи не были ошибочными, не были заблуждениями. Для человечества всегда важно было понять самого себя, понять человека, его поступки и мысли, характер его жизни и тех изменений, которые в ней происходят. Такому пониманию может способствовать только

истинное знание, то есть такое знание, которое адекватно в соответствующих пределах и ракурсах отражает реальные процессы. Человеческая культура развивалась сложными путями, осмысливая общественную жизнь и человека, преодолевая различные, в том числе и великие, заблуждения, выдвигая массу разнообразных по своей значимости гипотез, соотнося результаты своих исследований с реальностью, осмысливая свой собственный опыт» [158, с. 166].

Гуманитарные науки (humanities) являются устойчивым центром культурной памяти, будучи вписанными в определенную историческую традицию, по отношению к которой все вновь создаваемые гуманитарные теории и тексты являются комментариями и вариациями. Тем самым научные аргументы гуманитарных теорий являются реализацией вненаучных по своему происхождению установок, которые определяют логику рассуждения ученых. Гуманитарная культура многообразна в своих формах. Каждая из гуманитарных наук имеет своим предметом собственные, особые аспекты человеческой жизни. В своей совокупности гуманитарные науки представляют собой сферу самопознания человечества, познания человеком самого себя в своем жизненном существовании. Поэтому, подчеркнем еще раз, проблема истины в гуманитарном знании имеет принципиальное значение. Однако специфика гуманитарного знания определяет специфику проблемы истины в нем. В отличие от естественных наук, существуют особенности в процессе познания в гуманитарных науках, в достижении истины в гуманитарном знании, в отношении к этой истине, в ее использовании, в способах ее развития.

Конструктивная функция гуманитарных наук состоит в построении новых знаков, означаемым которых становится сам гуманитарный субъект, человек, не столько открывающий нечто в мире объектов, сколько производящий собственную субъективность методами самоназначения и самообозначения. Эта «конструктивная сторона гуманистики сегодня все больше затребована точными и естественными науками» [18, с. 76].

Существует известная свобода в расширении сферы гуманитарного знания путем применения культурцентристских стратегий. Она и рассматривается чаще всего как единственный способ увеличения гуманитарной адекватности всего социального знания. Более того, гуманитарные науки выступают в известной мере моделью знания в целом, поскольку техническое знание обнаружило наличие субъекта в своем объекте, естествознание пересматривает свои объективист-

ские идеалы, ориентируется на понимание того, что любая наука работает с наличными культурными средствами и зависит от уровня практики и уровня знания. Социальная природа науки оказывается методологически значимой для определения ее познавательных идеалов. Кроме того, такой традиционно-гуманитарный способ видения предмета исследования, как понимание, проник в естествознание, характеризуя его гуманитаризацию, ибо функция понимания в этом случае состоит в том, чтобы сохранить бытийный смысл вводимых теоретических конструктов. Понимание является способом содержательной трактовки научных абстракций, ибо теоретические конструкты в развитом знании абстрактны, оторваны от мира и существуют в системе математических и теоретических аргументаций, и поэтому придание им смысла и есть гуманитарная забота о сохранении человеческого мира даже в естествознании.

Осознание этих обстоятельств и продуктивные выводы из них следует рассматривать как вызов не только социально-гуманитарному знанию, но и философии и истории науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абель Е. А. Применение методов естественных наук в историческом исследовании: обзор современного состояния // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2 (56). С. 7–14.
2. Августин. Исповедь. М., 1991. 496 с.
3. Аверинцев С. С. Символ // КЛЭ. Т. 6. М., 1971. Стлб. 826831.
4. Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М., 1988. 280 с.
5. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2009. 503 с.
6. Автономова Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический очерк концепций французского структурализма). М., 1977. 270 с.
7. Ажимов Ф. Е. Методологическая роль метафизических оснований в гуманитарном познании (историко-философский анализ) : дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М., 2011. 264 с.
8. Алиева Д. Я. Историкографическая саморефлексия в современной социологии // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 50–68.
9. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 608 с.
10. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. 496 с.
11. Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. 339 с.
12. Аристотель. О душе // Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1976. 550 с.
13. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М., 1984. 830 с.
14. Барт Р. Миф сегодня. М., 1994. 616 с.
15. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика, Поэтика. М., 1994. 616 с.
16. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975. 502 с.
17. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.
18. Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 101–104.
19. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.
20. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 445 с.

21. Бергсон А. Введение в метафизику. Минск, 1999. 1408 с.
22. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. М., 2011. 144 с.
23. Борисов В. Н. Взаимосвязь структуры и метода познавательной деятельности // Философ. науки. 1969. № 3. С. 16–22.
24. Борсяков Ю. И. Идеал знания как основа тождества естественнонаучного и гуманитарного познания // Личность. Познание. Культура (сб. статей к 70-летию Л. А. Микешинной). М., 2002. С. 459–469.
25. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. 232 с.
26. Бунге М. Философия физики. М., 1975. 342 с.
27. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1977. 576 с.
28. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
29. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. 808 с.
30. Вейман Р. История литературы и мифология. М., 1975. 343 с.
31. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Научная мысль как планетное явление. М., 1991. 270 с.
32. Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. 687 с.
33. Виндельбанд В. Что такое философия? // Избранное. Дух и история. М., 1995. 687 с.
34. Вольтер. Эстетика. Статьи. Письма. М., 1974. 392 с.
35. Выготский С. Л. Психология искусства. М., 1986. 445 с.
36. Гадамер Г.-Х. Актуальность прекрасного. М., 1991. 368 с.
37. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988. 699 с.
38. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М., 1999. 332 с.
39. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с.
40. Гачев Г. Д. Космос Достоевского сборник // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 110–125.
41. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2. М., 1971. 248 с.
42. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.
43. Гуманитарное знание и вызовы времени. М., 2014. 480 с.
44. Гумбрехт Х. Должны ли гуманитарные науки быть научными? // Неприкосновенный запас. 2004 № 3 (35). С. 35.
45. Гуревич Г. С. Современный гуманитарный словарь-справочник. М., 1999. 528 с.

46. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2003. 720 с.
47. Данилов Ю. А., Кадомцев, Б. Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны: самоорганизация. М. : Логос, 2003. 280 с.
48. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1994. 633 с.
49. Делокаров К. Х. Научная рациональность как философско-методологическая проблема // Личность. Познание. Культура (сб. статей к 70-летию Л. А. Микешинной). М., 2002. 589 с.
50. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. 512 с.
51. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. 427 с.
52. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3. М., 2004. 419 с.
53. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996. 160 с.
54. Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики. М., 2001. 640 с.
55. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. М., 2003. 448 с.
56. Дюркгейм Э. Метод социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 256–309.
57. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. 399 с.
58. Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М., 2011. 384 с.
59. Зверева Г. И. Понятие «исторический опыт» в новой философии истории // Теоретические проблемы исторических исследований. 1999. Вып. 2. С. 104–105.
60. Зенкин С. Гуманитарная классика: между наукой и литературой // Классика и классики. М., 2009. 536 с.
61. Зиммель Г. Избранное. М., 1996. 671 с.
62. Ивин А. А. Аксиология. М., 2006. 390 с.
63. Ильин В. В. Философия и история науки. М., 2005. 432 с.
64. Интерсубъективность в науке и философии / под ред. Н. М. Смирновой. М., 2014. 416 с.
65. Ищенко Е. Н. Современная эпистемология и гуманитарное познание. Воронеж, 2003. 114 с.
66. Каган М. С. Перспективы развития гуманитарных наук в XXI веке // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Серия “Symposium”. Вып. 12. СПб., 2001. С. 9–14.
67. Канке В. А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000. 320 с.

68. Кармин А. С. Поиск и оценка методов исследования. М., 1987.
69. Карсавин Л. П. Философия истории. М., 2007. 510 с.
70. Касавин И. Т. Предмет и методы социальной эпистемологии. Язык, знание, социум: проблемы социальной эпистемологии. М., 2007. 180 с.
71. Касавин И. Т. Конструктивизм: заявленные программы и нерешенные проблемы // Эпистемология и философия науки. Т. XV. № 1. М., 2008. С. 5–14.
72. Касавин И. Т. Смысл как проблема эпистемологии науки // Эпистемология и философия науки. Т. XIII. № 3. М., 2007. С. 34–51.
73. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. Проблема человека в западной философии. М., 1988. 331 с.
74. Кассирер Э. Натуралистическое и гуманистическое обоснование философии культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. 784 с.
75. Кемеров В. Е. Гуманитарное и социальное: от оппозиции к синтезу // Человек. 2011. № 1. С. 5–19.
76. Киреева Н. Н. Постмодернизм в зарубежной литературе. М., 2004. 216 с.
77. Киященко Л. П., Тищенко П. Д. Опыт предельного стратегия «разрешения» парадоксальности в познании // Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2004. 503 с.
78. Козлова Л. А. «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник института социологии. 2014. № 3–10. С. 46–65.
79. Койре А. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985. 286 с.
80. Коллингвуд Р. Идея истории. М., 1980. 485 с.
81. Коломоец Е. Н., Кукарцева М. А. Опыт метафилософии истории // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2000. № 6. С. 48–59.
82. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. 248 с.
83. Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. 398 с.
84. Кохановский В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания). Ростов н/Д., 2005. 315 с.
85. Кравец А. С. Методология науки. Воронеж, 1991. 146 с.

86. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004. 656 с.
87. Князев Е. И., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Решения с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб., 2002. 414 с.
88. Кузьмина Л. А. Проблема сравнимости экономических теорий // Философия и эпистемология науки. 2007. Т. III. № 3. С. 22–35.
89. Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. 191 с.
90. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. 300 с.
91. Курдюмов С. П. Синергетика и новое мировидение // Синергетика. Философия. Культура. М., 2001. С. 4–9.
92. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 256 с.
93. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. 472 с.
94. Лебедев С. А. Научная истина и ее критерии // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2012. № 4 (28). С. 7–22.
95. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. 608 с.
96. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994. 489 с.
97. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. 536 с.
98. Лекторский В. А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 38–40.
99. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.
100. Лекторский В. А. Наука глазами гуманитария. М., 2005. 688 с.
101. Лем С. Молох. М., 2005. 784 с.
102. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 13. М., 1972. 579 с.
103. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. ; СПб., 1998. 160 с.
104. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. М., 1994. 560 с.
105. Лурия А. Р. Язык и сознание М., 1979. 320 с.
106. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. 304 с.
107. Маркс К., Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии // Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М., 1955. 745 с.
108. Мархинин В. В. О специфике социально-гуманитарных наук. Опыт философии и науки. М., 2013. 295 с.
109. Межуев В. М. Идея культуры : очерки по философии культуры. М., 2006. 326 с.

110. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. 242 с.
111. Мудрагей Н. С. Средневековье и научная мысль // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 16–27.
112. Мясникова Л. А., Кузнецов Н. М. О методологической функции понимания в научном познании // Научный метод и методологическое сознание. М., 1986. 156 с.
113. Науки о человеке: история дисциплин : колл. монография / сост. и отв. ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. М., 2015. 651 с.
114. Новейший философский словарь. 3-е изд. испр. М., 2003. 1280 с.
115. Огурцов П. П. Герменевтика и естественные науки. М., 1991. 144 с.
116. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Эстетика. Философия культуры. М., 1991. 588 с.
117. Останина О. А. Проблема субъекта в историческом познании. М., 1997. 223 с.
118. Панофский Э. История искусства как гуманистическая дисциплина // Советское искусствознание. Вып. 23. М., 1988. С. 422–445.
119. Пири Н. У. О неправильном распределении научных исследований // Наука о науке. М., 1966. 424 с.
120. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. Благовещенск, 1998. 344 с.
121. Понятие истины в социогуманитарном познании / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. А. Л. Никифоров. М., 2008. 212 с.
122. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 606 с.
123. Порус В. Н. Наука как культура и наука как цивилизация. Наука в культуре. М., 1998. 380 с.
124. Порус В. Н. Перекрестки методов. Опыты междисциплинарности в философии культуры. М., 2013. 384 с.
125. Порус В. Н. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 74–75.
126. Потембня А. А. Теоретическая поэтика. М., 1990. 344 с.
127. Прайс Д. Дж. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966. С. 281–384.
128. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. 432 с.
129. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 1998. 111 с.
130. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990. 494 с.

131. Раушенбах Б. В. Гуманитарная наука на рубеже веков // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2008. С. 76–80.
132. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб., 1997. 536 с.
133. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. 413 с.
134. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
135. Розанов В. В. О понимании. М., 1994. 544 с.
136. Розин В. М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а также куда мы должны отнести космологию // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XI. № 1. С. 114–116.
137. Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М., 2009. 208 с.
138. Розов М. А. Проблема способа бытия в гуманитарных науках (по следам Г. П. Щедровицкого) // Философский факультет. 2001. № 2. С. 33–34.
139. Руднев В. П. Морфология реальности: исследование по «философии текста». Серия «Пирамида». М., 1996. 207 с.
140. Руднев В. Ф. Словарь культуры XX века. М., 1999. 384 с.
141. Руткевич А. М. К вопросу о классике в философии // Классика и классики. М., 2009. 536 с.
142. Савельева И. М. Классика в историографии: формы присутствия // Классика и классики. М., 2009. 536 с.
143. Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М., 2010. 336 с.
144. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 655 с.
145. Соболева М. Е. Система и метод в философии символических форм Э. Кассирера // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 95.
146. Соболева М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М., 2014. 151 с.
147. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодернизма. М., 2002. 248 с.
148. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1979. 352 с.
149. Смит Р. История гуманитарных наук. М., 2007. 392 с.
150. Сноу Ч. П. Две культуры и научная революция // Портреты и размышления. М., 1985. 467 с.

151. Степин В. С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 6–17.
152. Степин В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. 274 с.
153. Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976. 214 с.
154. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 744 с.
155. Степин В. С. Философия науки и техники. М., 1995. 384 с.
156. Стрелков В. И. К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф. Р. Анкерсмита // Философия и современные проблемы гуманитарного знания. М., 2000. Вып. 2. С. 123–138.
157. Суворов Г. В. Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии: автореф. ... канд. филос. наук: 19.05.2011. Киров, 2011. 19 с.
158. Суворов Г. В. Метод в гуманитарном исследовании: этапы философской рефлексии : дис. ... канд. филос. наук: 19.05.2011. Киров, 2011. 188 с.
159. Суворов Г. В. Нормативная эффективность и истинность в гуманитарном исследовании // Научные исследования: от теории к практике. 2015. № 4 (5). Т. I. С. 140–142.
160. Суворов Г. В. «Поворот к опыту»: метод познания истории в концепции «интеллектуального эмпиризма» Ф. Р. Анкерсмита // Молодой ученый. 2011. № 3 (26). Т. I. С. 224–229.
161. Суворов Г. В. Проблемно-инструментальный цикл действия метода в гуманитарном исследовании // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск. 2014. С. 59–63.
162. Суворов Г. В. Роль символического структурализма в гуманитарном исследовании // Сборник конференций НИЦ Социосфера. Прага, 2011. № 9. С. 9–14.
163. Суворов Г. В. Социально-гуманитарное и естественнонаучное познание: возможность интеграции // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4(4). С. 12–18.
164. Суворов Г. В. Специфика применения научного метода в литературоведении // Научная перспектива. Уфа, 2011. № 2. С. 68–69.
165. Суворов Г. В. Язык гуманитарного познания. О научности гуманитарных исследований // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (37). С. 156–161.

166. Томсон Д. Дух науки. М., 1970. 177 с.
167. Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки. Из бостонских исследований по философии науки. М., 1978. С. 170–189.
168. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002. 528 с.
169. Уайтхед А. Наука и современный мир // Избранные работы по философии. М., 1999. 720 с.
170. Усовская Э. Постмодернизм в культуре XX в. Минск, 2003. 704 с.
171. Федотова В. Г., Власова В. Б. Социальные знания и социальные изменения. М., 2001. 284 с.
172. Федотова В. Г. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2007. № 6. С. 61–65.
173. Федотова В. Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 45–54.
174. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Избр. труды по методологии науки. М., 1986. 543 с.
175. Филатов В. П. Научное познание и мир человека. М., 1989. 270 с.
176. Философия социальных и гуманитарных наук : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. проф. С. А. Лебедева. М., 2008. 733 с.
177. Фролов В. Т. О науке геологии. Статья 2. Геологические теории // Вестник Моск. ун-та. Серия 4. Геология. 2001. № 1. С. 28–32.
178. Фрумкина Р. М. Рецепция классики в лингвистике // Классика и классики. М., 2009. 536 с.
179. Фуко М. Интеллектуалы и власть. М., 2002. 381 с.
180. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. 408 с.
181. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. 208 с.
182. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993. 447 с.
183. Хейзинга Й. Homo Ludens : статьи по истории культуры. М., 1997. 416 с.
184. Холтон Дж. Что такое антинаука? // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.

185. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
186. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М., 2010. 392 с.
187. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004. 242 с.
188. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2 // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. 606 с.
189. Шпет Г. Г. Мудрость или разум? // Философские этюды. М., 1994. 304 с.
190. Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды. М., 2005. 688 с.
191. Шульц В. Л. Социология знания: история и методология. М., 2006. 196 с.
192. Эпштейн М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. ; СПб., 2016. 480 с.
193. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб., 2001. 334 с.
194. Юлов В. Ф. Активность естественнонаучного сознания. М., 1990. 200 с.
195. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания. Киров, 2005. 495 с.
196. Юлов В. Ф. Научное мышление. Киров, 2007. 252 с.
197. Юревич А. В. Структура теорий в социогуманитарных науках // Наука глазами гуманитария / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2005. 688 с.
198. Юревич А. В. Парадигмы и классики в психологии // Классика и классики. М., 2009. 536 с.
199. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969. С. 517.
200. Ankersmit F.R. Statements, Texts and Pictures // A new Philosophy of History / Ed. by F. Ankersmit, H. Kellner. P. 212–240.
201. Baringer Ph.S. Introduction: The Science Wars // After the Science Wars. L. ; N. Y., 2001. P. 1–12.
202. Dales R. C. The scientific Achievement of the Middle Ages. Philadelphia, 1973.
203. Eckberg D. L., Hill L. The Paradigm Concept and Sociology: A Critical Review // American Sociological Review. December. 1979. Vol. 44. № 6. P. 925–937.
204. Hargens L. Using the literature: Reference Networks, Reference Contexts and the Social Structure of scholarship // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 148–163.

205. Kellner H. Language and Historical Representation. Getting the Story Crooked. Madison: The University of Wisconsin Press, 1989. P. 8.
206. Kuhn T. S. Second thoughts on paradigms // The Structure of Scientific Theories / Ed. F. Suppe. Urbana, 1974. P. 459–482.
207. Kuhn T. S. The Copernican revolution: Planetary astronomy in the development of western thought. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1957. P. IV.
208. Mandelbaum M. The Problem of Historical Knowledge: An Answer to Relativism. N. Y., 1938.
209. Masterman M. The nature of a Paradigm // Criticism and the Growth of knowledge / Eds. I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge, 1970. P. 33–61.
210. Pinel J. P. J. Biopsychology. Boston, 1993.
211. Shapin S. How to be Antiscientist // The One Culture? A Conversation About Science. L. ; N. Y., 2003. P. 99–115.
212. Sokal A. Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity, *Social Text* 46/47, 2003. P. 217–252.
213. Sokal A. What the Social Text Affair Does and Does Not Prove // After the Science Wars / [red.] K. M. Ashman, P. S. Baringer. L. ; N. Y., 1996. P. 13–28.
214. Sperber D. Les sciences cognitives, les sciences sociales et le materialism. *Le Débat* 47, 1987. P. 105–115.
215. The Social Psychology of knowledge / Eds. D. Bar-Tal, A. W. Kruglanski. N. Y., 1988.
216. Weintraub K. J. The Humanistic Scholar and the Library // *Library Quarterly*. January 1980. Vol. 50. № 1. P. 22–39.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ДОСТИЖЕНИЙ В ГУМАНИТАРНОЙ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ НА ФОНЕ СОБЫТИЙ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

- 4000–3200 год до н. э. – возникновение письменности (Шумеры, Месопотамия)
- ок. 3000 – возникновение финикийской цивилизации и письма
- ок. 3000–1450 – минойская цивилизация и кикладская культура
- 2500 – использование бронзы и колесного транспорта на территории современной Западной Европы
- 2300 – на территории Европы формируются вождества
- ок. 1600–1200 – микенская цивилизация в Греции
- 1200 – начало использования железа в Европе
- ок. 800 до н. э. – Гомер сочиняет «Илиаду» и «Одиссею»
- с 624 по 548 до н. э. – годы жизни Фалеса Милетского, первого ученого и философа. Возникновение первой натурфилософской школы
- 550 до н. э. – составление первой географической карты, разработка идеи бесконечности Вселенной (Анаксимандр)
- ок. 544–483 гг. до н. э. – годы жизни Гераклита из Эфеса, основателя первоначальной формы диалектики
- 470/469 до н. э. – 399 до н. э. – годы жизни Сократа. Метод майевтики. Распространение софистических школ
- 440 до н. э. – зарождение исторической науки (Геродот)
- 410 до н. э. – критика источников в исторической литературе (Фукидид)
- 387 – основание Академии Платоном
- ок. 360 до н. э. – «Государство» Платона. Проект идеального государства
- ок. 354 до н. э. – «Законы» Платона
- 340 до н. э. – Аристотелем обоснованы законы формальной логики
- 340 до н. э. – Аристотелем введены методы классификации и описания (в зоологии)
- 335 до н. э. – «Поэтика» Аристотеля. Заложены теория поэзии и законы литературы.
- 336–323 до н. э. – империя Александра Македонского. Начало эпохи эллинизма (до 30 г. до н. э.)
- 322 до н. э. – «Политика» Аристотеля. Попытка теоретического построения идеального полиса

III в. до н. э. – VI в. н. э. – функционирование Александрийской научной школы. Александрийский Мусейон – крупнейший исследовательский, учебный и культурный центр эпохи эллинизма

VIII в. до н. э. – VI в. н. э. – формирование системы римского права – основы романо-германской правовой семьи

ок. 4 до н. э. – 29 н. э. – годы жизни Иисуса из Назарета. Возникновение христианства

ок. 52 года до н. э. – сочинение «О законах» Марка Туллия Цицерона, посвященное теоретическим вопросам права и государства

ок. 30 до н. э. – «История» Тита Ливия (59 до н. э. – 17 н. э.)

50 – «Естественная история» в 37 книгах Плиния Старшего

ок. 109 – «История» Публия Корнелия Тацита (сер. 50-х – ок. 120 г.)

150 – «Альмагест» Клавдия Птолемея. Формулирование аристотелево-птолемеевой картина мира

ок. 300 – возникновение алхимии в Европе

325 – Первый Никейский собор. Принят Никейский символ веры

391 – христианство становится официальной религией Римской империи

398 – «Исповедь» Аврелия Августина. Первый автобиографический труд. Предложена психологическая концепция времени

ок. 400 – «Христианская наука» Аврелия Августина. Первая обобщающая работа по герменевтике.

413-4-7 – «О граде Божьем» Аврелия Августина. Первая концепция философии истории. Линеарная концепция исторического времени и идея морального прогресса

476 – падение Западной Римской империи

988 – принятие христианства на Руси

1054 – окончательный раскол христианской церкви на католическую и православную

сер. XI в. – латинский язык начинают использовать в качестве международного языка науки (до к. XVIII в.)

1077 – “Proslogion” Ансельма Кентерберийского (1033–1109). Оформление схоластического метода

1088 – основание Болонского университета

1125 – первые переводы трудов Аристотеля на латынь с арабского языка

1255 – произведения Аристотеля получают официальное признание католической церкви. Синтез Аристотелевой и христианской картин мира

1265–1275 – «Сумма теологии» Фомы Аквинского (1225–1274).
Расцвет схоластического метода
ок. 1320 – английским философом и логиком Уильямом Оккамом (1285–1347) сформулирована «брита Оккама», или принцип методологической простоты
1380 – профессор Оксфорда Джон Виклиф (1320–1384) переводит Библию на английский язык
1440 – «Об ученом незнании» Николая Кузанского (1401–1464).
Упадок схоластики. Оформление гуманистической философии
1440 – «Рассуждение о подложности Константинова дара» итальянского гуманиста Лоренцо Валла (1407–1457). Создание школы историко-филологической критики
1448–1455 – Изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом (?–1468)
1453 – захват Константинополя турками-османами
1492 – открытие Америки Христофором Колумбом (1451–1506).
Эпоха Великих географических открытий
1509 – «Похвала глупости» Эразма Роттердамского (1469–1536).
Создание целостной системы философии гуманизма. Начало критического исследования текста священных писаний
1516 – «Утопия» Томаса Мора (1448–1535). Создание литературного и философского жанра утопии.
1517 – «95 тезисов» Мартина Лютера (1483–1546). Начало Реформации в Европе
1532 – «Государь» Никколо Макиавелли (1469–1527). Разработка методологии захвата власти и методов управления государством
1543 – «О вращении небесных сфер» Николая Коперника (1473–1543). Начало первой научной революции
1581 – «Семичастный разговор о секретах высших истин» Жана Бодена (1530–1598). Попытка разработки концепции естественной религии
1584 – Идея бесконечности Вселенной и обитаемых миров Джордано Бруно (1548–1600)
1602 – «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (1564–1616)
1620 – «Новый Органон» Френсиса Бэкона (1561–1626). Обоснование методологии индуктивизма
1625 – «Три книги о праве войны и мира» голландского юриста и философа Гуго Гроция (1583–1645). Заложены основы международного права

1635 – «Великая дидактика» Яна Амоса Коменского (1592–1670). Создание первой научной педагогической системы

1637 – «Рассуждение о методе» Рене Декарта (1596–1650). Обоснование методологии рационализма

1651 – «Левиафан» Томаса Гоббса (1588–1679). Концепция «общественного договора»

1655 – «Основы философии» Т. Гоббса. Первая законченная система механистического материализма

1660 – основано Лондонское королевское общество

1662 – открытие Королевской библиотеки в Берлине

1667 – выходит первый научный журнал (Франция)

1674 – «Этика» Бенедикта Спинозы (1632–1677). Концепция разумного эгоизма

1690 – «Опыт о человеческом разумении» Джона Локка (1632–1704). Создание эмпирической эпистемологии

1703 – основание Берлинской академии наук

1717 – «Монадология» Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716). Создание системы субстанциального плюрализма

1725 – «Основания новой науки об общей природе наций» Джамбаттисто Вико (1668–1744). Обоснование сравнительного метода исследования культур в гуманитарных науках

1726 – основана Академия наук в России

1748 – «О духе законов» Шарля Луи Монтескье (1689–1755). Обоснование натуралистического подхода в изучении общества

1750 – «План работы о торговле, денежном обращении, проценте и богатстве государств» Анне Робера Жака Тюрго (1727–1781). Теория экономического либерализма

1751–1780 – «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» Дени Дидро и Даламбера. Расцвет философии Просвещения

1753 – основание в Лондоне Британского музея

1754 – «О происхождении неравенства» Жан-Жака Руссо (1712–1778). Теория разделения властей

1755 – «Кодекс природы, или Подлинный дух ее законов» Этьенна-Габриэля Морелли (ок. 1718 – ок. 1778). Идея ротации власти

1766 – «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781). В рамках эстетики впервые был поставлен вопрос о специфике литературы как вида искусства

1767 – «Исследования о принципах политической экономии» английского экономиста Джеймса Стюарта (1712–1780). Теория меркантилизма. Возникновение экономики как научной дисциплины

1776 – «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (1723–1790). Трудовая теория стоимости. Разработка классической политэкономии

1776 – образование Соединенных Штатов Америки

1781 – «Критика чистого разума» Иммануила Канта (1724–1804). Создание метафизической системы трансцендентального идеализма

1785 – «Идеи к философии истории человечества» Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803). Теория всеобщей истории культуры и общих законов истории

1789 – Великая французская революция

1795 – «Основы идеологии» Антуана Дестюта де Траси (1754–1836). Попытка создания научной методологии анализа идей и знаков

1796 – деятельность Йенской школы (В. Г. Ваккенродер, Людвиг Тик, Новалис, братья Фридрих и Август Шлегели). Развитие философии и искусства романтизма

1798 – «Опыт о законе народонаселения» Томаса Мальтуса (1766–1834). Создание первой демографической теории

1801 – создание теории начального обучения Иоганном Генрихом Песталоцци (1746–1827)

1806 – «Феноменология духа» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831). Разработка диалектического метода познания

1808 – «Введение в научные труды XIX века» Клода Анри де Сен-Симона (1760–1825). Культ науки и идея социальной механики

1809 – первое целостное учение об эволюции Жана Батиста Ламарка (1744–1829)

1817 – заложены исходные основы теории прибавочной стоимости Давида Риккардо (1772–1823)

1818 – «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра (1788–1860). Обоснование философии иррационализма

1820 – «Философия права» Г. В. Ф. Гегеля. Заложена теоретическая основа для возникновения юридических наук

1821– «Всеобщий библиографический словарь» Фридриха Арнольда Брокгауза (1772–1823)

1822 – Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) расшифровал египетские иероглифы

1825 – в штате Индиана (США) английский философ Роберт Оуэн (1771–1858) основал трудовую коммуну «Новая гармония»

1825–1828 – в историческую науку входит понятие классовой борьбы: работы Франсуа Гизо (1787–1874) и Адольфа Тьера (1797–1877)

1827 – Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832) формулирует идею «всемирной литературы»

к. 1820-х – французский литературовед Шарль Огюстен де Сент-Бёв (1804–1869) разрабатывает биографический метод познания

1829 – немецкий теолог и философ Фридрих Шлейермахер (1768–1834) вводит понятие «герменевтический круг»

1830–1842 – «Курс позитивной философии» Огюста Конта (1798–1857). Возникновение позитивистской методологии и социологии как самостоятельной науки

1830 – Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1836) заложены основы языкознания как науки

1833 – Расмусом Раском (1787–1832) и Францем Боппом (1791–1867) разработан сравнительно-исторический метод в языкознании

1835 – «Немецкая мифология» Якоба Гримма (1785–1863). Возникновение мифологической школы в фольклористике

1836–1843 – «История эллинизма» Иоганна Густава Дройзена (1808–1884). Развитие идей немецкой исторической школы

1841 – «Сущность христианства» Людвиг Фейербаха (1804–1872). Создание учения о психогенезе религиозных представлений

1843 – «Страх и трепет» Серёна Кьеркегора (1813–1855). Зарождение философии экзистенциализма

1848 – «Манифест коммунистической партии» Фридриха Энгельса (1820–1895) и Карла Маркса (1818–1883). Создание теории «научного коммунизма»

1853 – «Эссе о неравенстве человеческих рас» Жозефа Артюра де Гобино (1816–1882). Создание расовой теории

1854 – «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Торо (1817–1862). Социальная критика потребительского характера западной культуры и ее удаленности от природы

1855 – «Сила и материя» Людвиг Бюхнера (1824–1899). Разработка концепции «вульгарного» (механистического) материализма

1859 – «К критике политической экономии» К. Маркса. Разработка теории общественно-экономических формаций

1859 – «Происхождение видов путем естественного отбора» Чарлза Дарвина (1809–1882). Научно обоснованное учение об эволюции и теория естественного отбора

1861 – отмена крепостного права в России

1864 – «Прогресс: его законы и причины» Герберта Спенсера (1820–1903). Понятие социального прогресса и создание концепции социал-дарвинизма

1867 – «Капитал» Карла Маркса. Критика капитализма на основе диалектико-материалистического подхода

1869 – «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского (1822–1885). Концепция культурно-исторических типов развития человечества

1870 – немецкий филолог Макс Мюллер (1823–1900) предложил использование сравнительного метода в религиоведении

1871 – «Происхождение человека и половой отбор» Ч. Дарвина. Теория естественного происхождения человека от животного предка

1871 – немецкий бизнесмен и археолог Генрих Шлиман (1822–1890) проводит раскопки Трои. Впоследствии Шлиман откроет микенскую культуру (1876). Зарождение полевой археологии

1873 – «Государственность и анархия» Михаила Бакунина (1814–1876). Теория анархизма

1873–1875 – под влиянием работ швейцарского историка Якоба Буркхарда (1818–1897) формируется культурно-историческая школа. Возникновение культурологии как науки

1874 – первая выставка импрессионистов в Париже

1875 – создание Германом Когеном (1842–1918) марбургской школы неокантианства

1875 – Фрэнсис Гальтон (1822–1911) заложил основы евгеники

1876 – «Основание социологии» Г. Спенсера. Развитие идей органицизма и политической идеологии либерализма

1877 – выделение трех крупных периодов в истории развития человечества Льюисом Генри Морганом (1818–1881)

1879 – появление экспериментальной психологии: Вильгельм Вундт (1832–1920)

1880 – итальянский историк искусства Джованни Морелли (1816–1891) заложил основы сравнительного анализа

1880 – нач. 1900-х – Вильгельмом Виндельбандом (1848–1915) и Генрихом Риккертом (1863–1936) основывается Фрейбургская («Баденская», «юго-западная») школа неокантианства, решавшая проблему обособления естественных и гуманитарных наук

1883 – «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше (1844–1900). Доктрина сверхчеловека и витализма в социосфере

1884 – «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Анализ процессов разложения родового общества, становления частной собственности, общественных классов и государства с помощью метода исторического материализма

1890 – «Законы подражания» французского криминолога Габриэля Тарда (1843–1904). Идея законов подражания как основы развития общества

1890 – «Золотая ветвь» Джеймса Джорджа Фрэзера (1854–1941). Критика теологической картины мира с позиций научной этнографии

1890-е – основание духовно-исторической школы Вильгельма Дильтея (1833–1911). Разработка методологии «наук о духе»

1892 – «Введение в этику» Георга Зиммеля (1858–1918). Разработка методологии гуманитарных наук через принципы «философии жизни»

1894 – речь Вильгельма Виндельбанда «История и естествознание», в которой он предложил положить в основу классификации наук различия между ними не по предмету, а по методу

1895 – рождение кинематографа (братья Луи и Огюст Люмьер)

1895 – «Психология народов и масс» Густава Лебона (1841–1931). Теория психологии народов в качестве важнейшей причины исторических событий

1895 – итальянский радиотехник и предприниматель Гульельмо Маркони (1874–1937) осуществляет первый обмен информацией с помощью радиоволн

1896 – «Границы естественно-научного образования понятий» Г. Риккерта. Методологическая противоположность наук о природе и наук о культуре

1899 – «Науки о природе и науки о культуре» Г. Риккерта. Разработка ценностного метода гуманитарного исследования

к. 1890 – нач. 1900-х – в искусствоведении утверждается формально-стилистический метод

1904 – «Протестантская этика и дух капитализма» Макса Вебера (1864–1920), создателя «понимающей социологии», теории бюрократии, теории «идеальных типов»

1905 – разработка философии и методологии психоанализа Зигмунда Фрейда (1856–1939)

1905 – создание Альбертом Эйнштейном (1879–1955) специальной теории относительности. Революция в науке и возникновение неклассической физики: релятивистская и квантовая механика

1906 – «Философия общего дела» Николая Федорова (1829–1903). Сформулирована основная идея парадигмы русского космизма

1907 – «Творческая эволюция» Анри Бергсона. Концепция субъективного переживания опыта времени и интуитивного познания исторического развития

1908 – «Социология. Исследование форм обобществления» Георга Зиммеля, основоположника формальной социологии, теории социального взаимодействия и конфликтологии

1910 – нач. 1920-х – развитие авангардизма в России и Европе

1912 – «Социальные учения христианских церквей» Эрнста Трельча (1865–1923). Возникновение школы истории религии и религиоведения как науки

1913 – «Идеи чистой феноменологии» Эдмонда Гуссерля (1859–1938). Создание феноменологического подхода к анализу социальных явлений

1913 – «Прагматизм и социология» Эмиля Дюркгейма (1858–1917). Популяризация гипотетико-дедуктивного метода в социальных науках

1914–1918 – Первая мировая война

1915 – «Трактат общей социологии» Вильфредо Парето (1848–1923). Теория элит

1916 – «Свобода и форма» Эрнста Кассирера (1874–1945), в которой он рассматривает мир культуры как продукт символической деятельности людей

1916 – в работе «Государство как форма жизни» шведский социолог Юхан Челлен (1864–1922) вводит термин «геополитика»

1916 – «Принципы социальной структуры» Бертрана Рассела (1872–1970)

1916 – «Курс общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра (1857–1913). Заложены основы семиологии и структурной лингвистики

1917 – Великая Октябрьская социалистическая революция в России

1918–1922 – «Закат Европы» Освальда Шпенглера (1880–1936). Идея циклического развития общества, создание «морфологии всемирной истории»

1921 – «Логико-философский трактат» Людвиг Витгенштейна (1889–1951). Попытка выявить связь между языком и реальностью и определить границы науки

1922 – «Первобытное мышление» Люсьена Леви-Брюля (1857–1939). Анализ структур дологического мышления

1922 – «Речь и мышление ребенка» Жана Пиаже (1896–1980). Теория когнитивного развития в психологии

1925 – «Статистические методы для исследователей» Рональда Фишера (1890–1922). Описание методов определения значимости результатов исследований

1927 – «Бытие и время» Мартина Хайдеггера (1889–1976). Проект экзистенциальный герменевтики

1928 – «Морфология сказки» Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970). Заложены основы сравнительно-типологического метода в фольклористике. Создание современной теории текста

1928 – работы классиков философской антропологии Макса Шелера (1874–1928) «Положение человека в космосе» и «Ступени органического и человек» Хельмута Плеснера (1892–1985) заложили новые подходы к природе и сущности человека

1928 – начало регулярного вещания телевидения

1929 – «Восстание масс» Хосе Ортеги-и-Гассета (1883–1955). Доктрина «массового общества»

1929 – «Миф XX века» Альфреда Розенберга (1893–1946). Обоснование нацистской идеологии на базе «философии жизни» и расовой теории

1929 – Люсьеном Февром (1878–1956) и Марком Блоком (1886–1944) основана историческая школа «Анналов»

1931 – «Введение в социологию» Фердинанда Тенниса (1855–1936), основоположника немецкой классической социологии

1932 – «Смысловая структура повседневного мира» Альфреда Шюца (1899–1959). Создание феноменологической социологии

1934 – «Логика и рост научного знания» Карла Поппера (1904–1998). Концепция критического рационализма. Фальсификационизм

1934–1961 – «Постижение истории» Арнольда Тойнби (1889–1975). Развитие идей цивилизационного подхода. Начало исследования процессов глобализации

1935 – русский мыслитель и естествоиспытатель Владимир Иванович Вернадский (1863–1945) развивает целостное учение о ноосфере

1935–1940 – «Методология точного литературоведения» Бориса Ярхо (1889–1941). Попытка создания теории литературоведения как точной науки. Использование математических методов в гуманитаристике

1936 – теория саморегуляции рыночной экономики Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946). Создание макроэкономики как самостоятельной науки

1937 – «Социальная и культурная динамика» Питирима Сорокина (1889–1968). Теория социальной стратификации и социальной мобильности

1938 – «Поведение организмов» Берреса Фредерика Скиннера (1904–1990). Развитие и популяризация идей бихевиоризма в социальных науках.

1939–1945 – Вторая мировая война

1940 – «Человек, его природа и положение в мире» Арнольда Геллена (1904–1976). Идеология технократического консерватизма

1942 – «Чистая теория капитала» Фридриха фон Хайека (1899–1992). Развитие идей экономического либерализма

1946 – «Экзистенциализм – это гуманизм» Ж.-П. Сартра (1905–1980). Программный документ экзистенциализма

1946 – «Идея истории» Робина Джорджа Коллингвуда (1889–1943). Дальнейшее развитие идей философии истории. Метод «ножниц и клея»

1947 – открытие археологами кумранских свитков

1948 – «Кибернетика» Норберта Винера (1894–1964). Изложение основ кибернетики. Начало информационной революции

1949 – «Социальная теория и социальная структура» Роберта Мертона (1910–2003). Заложены основы социологического анализа науки как социального института

1949 – «Элементарные структуры родства» Клода Леви-Стросса (1908–2009). Применение структурного метода к антропологии

1949 – «Второй пол» Симоны де Бовуар (1908–1986). Одна из основных работ по теории феминизма

1949 – «Смысл и назначение истории» Карла Ясперса (1883–1969). Концепция «осевого времени»

1951 – первая находка сохранившейся берестяной грамоты

к. 1950 – нач. 1970-х гг. – ведущим направлением в литературоведении и языкознании становится импортированный из лингвистики и семиотики структурализм, в качестве литературоведческого метода первоначально разрабатываемый во Франции как версия новой критики (Р. Барт, К. Бремон, Ц. Тодоров, Ю. Кристева и др.)

1952 – «Американский капитализм» Джона Кеннета Гэлбрейта (1908–2006). Институциональный подход в экономике

1953 – «Философские исследования» Людвиг Витгенштейна. Теория «языковых игр»

1957 – «Синтаксические структуры» Ноама Хомского (р. 1928). Теория порождающих грамматик и теория формальных языков. Зарождение когнитивистики

1959 – лекция Чарлза Перси Сноу (1905–1980) «Две культуры и научная революция». Начало дискуссии о «физиках» и «лириках» в европейской культуре XX века

1960 – «Система современных обществ» американского социолога Толкотта Парсонса (1902–1979). Формирование парадигмы структурного функционализма в социологии

1960 – «Истина и метод» Ханса-Георга Гадамера (1900–2002). Заложены основы философской герменевтики

нач. 1960-х – основана Тартуско-московская семиотическая школа (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский и др.)

1961 – первый полет человека в космос (Ю. А. Гагарин)

1962 – «Структура научных революций» Томаса Куна (1922–1996). Концепция смены парадигм

1963 – «Инфляция, причины и последствия» Милтона Фридмана (1912–1996). Концепция монетаризма

1963–1965 – «Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» Михаила Бахтина (1895–1975). Новая теория европейского романа, концепция полифонизма в литературоведении

1964 – «Одномерный человек» Герберта Маркузе (1898–1979). Активное распространение неомарксистских и неофрейдистских идей в социальном познании

1966 – «Социальное конструирование реальности» Питера Бергера (1929–2017) и Томаса Лукмана (1927–2016). Дальнейшее развитие феноменологических идей А. Шюца

1969 – «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» Поля Рикера (1913–2005). Создание герменевтической феноменологии

1969 – «Археология знания» Мишеля Фуко (1926–1984). Расцвет постструктуралистской методологии социально-гуманитарного познания

1970-е – оформление нарратологии (метод нарратива). Анализ коммуникативной структуры текста: Ролан Барт (1915–1980), Жерар Женетт (1930–2018), Джеральд Принс (р. 1942) и др.

1972 – развитие синергетической парадигмы в рамках школы Германа Хакена (р. 1927)

1973 – «Грядущее постиндустриальное общество» Даниэля Белла (1919–2011). Теория информационного общества

1973 – «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» Хейдена Уайта (1928–2018). Разработка методологического аппарата тропологии в историческом исследовании

1974 – «Идея трансцендентальной грамматики» Карла-Отто Апеля (1922–2017). Рождение коммуникативистики

1976 – «Иметь или быть?» Эриха Фромма (1900–1980). Психологический диагноз общества потребления

1976 – «Ризома» Жюль Делеза (1925–1995) и Феликса Гваттари (1930–1992). Проект «номадологии»

1976 – «Символический обмен и смерть» Жана Бодрийяра (1929–2007). Водится понятие гиперреальности, единицами которой являются симулякры

1979 – в работе «Состояние постмодерна» Жан Франсуа Лиотар (1924–1998) определяет постмодернизм в качестве парадигмы на восприятие мира как хаоса

1979 – «Диалектика пола» Шуламит Файрстоун (1945–2012). Возникновение движения постгендеризма, приверженцы которого выступают за добровольное устранение гендера у человеческого вида посредством применения передовых биотехнологий

к. 1970-х – нач. 1980-х – создание Ю. И. Семеновым (р. 1929) глобально-стадиальной (эстафетно-стадиальной) концепции истории

к. 1970-х – в ФРГ возникает новое направление исторической науки – «история повседневности», которое широко использует методы прикладной социологии, исторической демографии, антропологии, социальной психологии, культурологии

1980 – «Третья волна» Элвина Тоффлера (1928–2016). Концепция сменяющихся друг друга волн-типов общества

1980 – «Имя розы» Умберто Эко (1932–2016). Первое практическое воплощение идей философии постмодернизма

1980 – «Практический смысл» Пьера Бурдьё (1930–2002). Конструктивный структурализм и концепция габитуса

1980-е – возникновение школы «нового историзма», одного из наиболее влиятельных направлений гуманитарной мысли конца XX в. (Хейден Уайт, Стивен Гринблатт, Луи А. Монроз и др.)

1984 – в США создана сеть NSFNET (впоследствии – Всемирная сеть)

1989 – «Этногенез и биосфера Земли» Льва Гумилева (1912–1992). Пассионарная теория этногенеза. Активное развитие на территории бывшего СССР паранаучных идей в сфере социально-гуманитарного познания («фолк-история», «новая хронология» и т. п.)

1990 – экономисты и финансовые аналитики начинают исследовать способы выявления хаоса в имеющихся данных для того, чтобы делать более точные прогнозы

1992 – «Конец истории и последний человек» Френсиса Фукуямы (р. 1952), в которой он провозгласил, что распространение либе-

ральных демократий во всем мире свидетельствует о конце социокультурной эволюции человечества

1996 – «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» Сэмюэла Хантингтона (1927–2008). Анализ динамики современных международных отношений сквозь призму конфликтов на цивилизационной основе

1997 – «Великая шахматная доска» Збигнева Бжежинского (1928–2017). Апологетика англосаксонской геополитики

1998 – философы Ник Бостром (р. 1973) и Дэвид Пирс основали Всемирную ассоциацию трансгуманистов

1999 – «Транскультурные эксперименты: российская и американская модели творческой коммуникации» Михаила Эпштейна (р. 1950). Разработка понятия транскультуры и виртуального авторства

нач. 2000-х – развитие и популяризация в западной культуре идей мультикультурализма. В гуманитарных науках они выразились в отказе от идеи образцовых произведений («шедевров») и полицентричности культурного пространства

2002 – «Наше постчеловеческое будущее» Ф. Фукуямы. Проект постчеловека – образ будущего человека, который отказался от привычного человеческого облика в результате внедрения передовых технологий

2004 – «Миро-системный анализ» Иммануила Валлерстайна (р. 1930). Создание мир-системной теории по исследованию генезиса капиталистического общества

2005 – «Возвышенный исторический опыт» Франклина Рудольфа Анкерсмита (р. 1945). Концепция исторического опыта и анализ метафоры в историческом познании

2006 – «После конечности: эссе о необходимости контингентности» Квентина Мейясу (р. 1967). Развитие идей спекулятивного реализма в современной западной философии

2008 – «Метод. Природа Природы» (сб. работ с 1977 г.) Эдгара Морена (р. 1921). Развитие проекта комплексной социологии и междисциплинарных связей в науке.

2010 – С. П. Капица (1928–2012) создает феноменологическую математическую модель гиперболического роста численности населения Земли. Развитие идей клиодинамики

2015 – «Хомо Деус: краткая история завтрашнего дня» Юваля Ноя Харари (р. 1976). Междисциплинарный анализ современных достижений человечества и образ его будущего

Научное издание

Суворов Глеб Владимирович

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПАРАДИГМ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Компьютерная верстка *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 12.02.2021 г.

Выход в свет 05.03.2021 г.

Формат 60×84/16.

Печать цифровая.

Бумага для офисной техники.

Усл. печ. л. 11,4.

Тираж 500 экз.

Заказ № 6625.

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vyatsu.ru, www.vestnik43.ru
Тел. (8332) 20-89-64 (Научное издательство ВятГУ)

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36